

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С. Ф. Орешкова

ОСМАНИСТИКА

**Личный опыт и некоторые размышления
о развитии этой отрасли востоковедной науки**

Москва
2023

УДК 929
ББК 63.3(0)
О 65

*Рекомендовано к печати
Учёным советом Института востоковедения РАН*

О 65 Орешкова С. Ф.

Османистика. Личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки. / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2023. – 272 с., илл.

ISBN 978-5-907671-63-8

Книга воспоминаний – последний труд выдающегося российского турколога-османиста С. Ф. Орешковой (1935–2023). Автор рассказывает о своём становлении в избранной профессии, университетской жизни второй половины 1950-х годов, об Институте востоковедения и коллегах-востоковедах. Отдельные главы посвящены развитию туркологии и османистики в мировой и отечественной науке. Кроме того, С. Ф. Орешкова размышляет над темой российско-турецких отношений, проводя параллели в историческом развитии двух великих империй – Российской и Османской.

Издание предназначено для востоковедов, историков, а также для всех интересующихся историей развития российской туркологии.

ISBN 978-5-907671-63-8

На обложке размещена миниатюра «Ночное представление на Золотом Роге» // «Сурнаме-и Вехби» («Поэма о празднике обрезания»). Иллюстрации Левни. 1720-е годы.

© Орешкова С. Ф., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	4
Глава I. Моё личное вхождение в османистику	6
Глава II. «Османская история – падчерица мировой истории»	58
Глава III. «Мы вовремя избавились от империи»	75
Глава IV. «Восточный вопрос» – антироссийская провокация Европы	115
Глава V. «Россия не может отделиться от Азии и остаться Россией»	128
Глава VI. Некоторые замечания о турецких рукописях	149
Глава VII. Востоковедение в Москве	162
Глава VIII. О наиболее близких мне моих учителях и коллегах	194
Литература	252
Именной указатель	261

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга — это личные воспоминания и размышления о развитии той отрасли востоковедной науки, в которой мне довелось работать, о людях, с которыми меня свела судьба, о коллегах у нас в стране и за рубежом и об общих османистических проблемах, встававших перед нами в процессе научных поисков. Очень осторожно пытаюсь делать некоторые выводы, а то и просто намёки, которые я никому не навязываю, но предлагаю задуматься. От них никуда не скроешься, о них приходится думать и как-то решать, даже если они нам очень неприятны. Своим опытом изучения имперского строительства и его связей с судьбами многих народов османистика может быть очень поучительна. Я пыталась не давать оценок и не переходить на политику. Всем хорошо известен не раз уже критикуемый тезис: «История — это политика, обращённая в прошлое». Так вот, не принимая этого утверждения и видя в истории более широкое и многообразное поле для размышлений, я предлагаю посмотреть на некоторые проблемы прошлого как на объективную реальность. Подумать о том, что исторический опыт богат. Многое мы не принимаем и подвергаем критике сегодня, а в иных случаях развиваем дальше. Бывает, историков упрекают за то,

что они извлекали из бывшего исторического опыта нечто неудобное современным вершителям истории. В османистике такие факты встречались не раз. Но не историки делают историю. Они её фиксируют, констатируют происшедшее, иногда предостерегают от возможных трудностей и ошибок. Это порой неудобно тем разработчикам новых политических поворотов, которыми изобиловала и изобилует наша жизнь. Но это уроки, которые жизнь даёт своим продолжателям. История — это жизнь наших предков. Они искали, думали, что-то создавали — иногда удачно, иногда нет. Известно, что каждое поколение учится лишь на своих собственных ошибках. Но забывать опыт предков всё же не стоит. Как не стоит его и критиковать. Хотим мы этого или нет, но мы его продолжаем и ищем свои выходы из предложенных нам обстоятельств. Есть историческая данность и есть память о жизни предшествующих поколений. Что-то мы из неё берём, что-то нет, но знать надо всё.

Османский полутысячелетний опыт во многом поучителен, отношения России с этим государством — тоже. Было мирное сосуществование и войны, возникали общие проблемы, но зачастую решались они по-разному. В чём-то мы видим похожесть, синхронность развития, но в то же время порой и явную инаковость поведения в моменты принятия судьбоносных решений. Имперский опыт обоих государств бесценен и для населявших их народов, и для решения общемировых проблем. Для России всё это особенно важно. Ведь, как писал Ф. М. Достоевский, Восточный вопрос, т.е., по своей сути, османо-российские отношения, предстаёт перед нами как «история нашего самосознания».

Светлана ОРЕШКОВА

Глава I
**МОЁ ЛИЧНОЕ ВХОЖДЕНИЕ
В ОСМАНИСТИКУ**

Вот уже 65 лет, как моя жизнь связана с этой отраслью востоковедной науки. Я пришла на работу в Институт востоковедения АН СССР в августе 1958 г. после окончания Московского университета. В дипломе было написано, что я окончила Институт восточных языков при МГУ, но этот институт был создан лишь в 1956 г. на базе трёх учебных подразделений: Восточных отделений филологического и исторического факультетов университета и временно закрытого в это время восточного факультета Института военных переводчиков. В то время «власть предрешающие» начали придавать особое значение странам Востока, увидев в них возможных соратников в борьбе с империалистическим Западом, а для установления контакта с этими странами нужны были люди с востоковедным образованием. Вот в эту полосу заинтересованности мы с моими соучениками и попали. Причём любопытно, что в верхах мнение о необходимости развивать востоковедение утвердилось не сразу. За два года до этих преобразований ситуация была совсем иной: тогда, по сути дела, произошел разгром востоковедного образования. Был закрыт Московский институт востоковедения – учреждение с большими

традициями и опытом. Я в то время училась на втором курсе Восточного отделения истфака МГУ и помню, что у нас также произошло сокращение почти наполовину состава первого курса. Правда, наши профессора всё-таки всячески пытались сохранить тех студентов, которые уже явно продемонстрировали свой интерес к Востоку, а позднее истфаковская кафедра Востока взяла к себе в ученики и некоторых студентов из закрывшегося Института востоковедения, в котором сокращение студентов второго-четвёртого курсов было безжалостным. Многим это сломало жизнь. Я это хорошо знала, так как моя ближайшая, ещё со школьных времён, подруга Светлана Львовна Рыкова, тогда начинающая китаистка, как и я, в тот злопамятный год окончила первый курс именно в этом институте. Она училась с большим энтузиазмом и увлечённостью, её учителем китайского языка был Вадим Михайлович Солнцев, молодой, увлечённый своим делом преподаватель (а позднее — крупный учёный, китаист-филолог), умевший передать эту увлечённость и своим ученикам. Так вот, Светлана, у которой в зачётке были одни пятёрки за обе первокурсные сессии, была отчислена. Она тогда это восприняла как нечто смерти подобное. С огромным трудом она и её родители, изыскивая самые невероятные связи, сумели добиться того, чтобы её включили в число студентов, которых взяли из закрывшегося института на восточное отделение МГИМО. Я хорошо знала, что подобные трудности были и у другой блестящей студентки, позднее преподававшей китайский язык в том же МГИМО, — Нелли Дикой.

Через два года после этого разгрома власти одумались и создали Институт восточных языков при МГУ. Наша восточная группа, тогда уже на четвёртом курсе, была переведена в новый институт, но окончили мы его всё-таки по программе истфака. Многие из моих сокурсников остава-

лись истфаковцами по своему духу, который на самом истфаке к тому времени (после краснопевцевского разгрома), как нам казалось, уже не сохранялся, и потому мы были особенно рады этим преобразованиям.

Попробую объяснить наше (по крайней мере, моего окружения) тогдашнее настроение. Дело в том, что мы поступили на истфак в 1953 г., в год смерти Сталина, и учились там до 1956 г. — года хрущевского доклада о разоблачении Сталина. Это было самое начало «оттепели». Думаю, что сейчас мало кто помнит повесть Ильи Эренбурга, по названию которой и стал называться этот период нашей истории, а мы этой повестью зачитывались, передавая друг другу её журнальный вариант.

Истфак тогда был интересен не только учёбой, но и общей обстановкой. Мы были очень компанейские, любили собираться вместе, много пели. Был свой излюбленный репертуар — конечно, «Бригантина», «Хозяйка», «Наташа», «Лизанька», «Ээх, комроты...», «Актовый наш зал — факультет...». Песни, которые сейчас не знают, да и я сама уже многие забыла, но тогда без них не обходилось ни одно собрание, в том числе и комсомольские собрания, вечера и т.п. Очень популярными у нас были походы и даже поездки в колхоз. Мы стремились узнать самую гущу жизни. В большинстве все мы были городскими детьми, хотя и не всегда московскими. Более того, на истфаковском курсе у нас преобладали иногородние студенты, но, как правило, и они всё-таки были из интеллигентской среды. Кстати, вспомнилась фраза из той же эренбурговской «Оттепели», в которой интеллигентность одной героини подчёркивалась словами: «Интересная женщина, в Москве я такой не встретил. Конечно, здесь меньше трескотни, люди больше читают, есть время подумать». Помню, что мы, московские девчонки, эту мысль не принимали и даже, более того, встретили её

в штыки, но надо отдать должное нашим провинциальным однокурсникам: стремление к знаниям, причём не только профессиональным, а вообще культурным — театру, книгам, музеям, у многих из них было большое (хотя, конечно, были и исключения). Помню, когда у половины курса была практика в Ленинграде (правда, это было уже в последние годы учёбы), то и в Эрмитаже, и на всех интересных театральных представлениях мы все обычно встречались, а это было человек 20–30, а то и больше. Все галёрки были заполнены своими. Тогда, кстати, мы все побывали на премьере «Идиота» у Товстоногова. При этом мы шли именно на «Идиота», а местные студенты, как говорили сокурсники, жившие в общежитиях, стремились на Смоктуновского. Мы же его ещё не знали, именно тогда впервые увидели и оценили. Конечно, в те годы и в Москве на интересных спектаклях, концертах в консерватории, выставках мы обязательно встречали своих.

А вот в походах и колхозах мы, горожане, впервые сталкивались с настоящей глубиной, с корнями. Нам хотелось понять, что же происходит в стране. Сталинские шоры уже спали, детские иллюзии ушли, и мы стремились разобраться самостоятельно в том, что нужно для изменения ситуации в стране. Видели жизнь колхозников, их работу за пустые палочки (учтённые трудодни). Шутили, что наблюдаем новое явление в политэкономии — город снабжает деревню хлебом. Но несмотря на все эти бедствия, деревня жила. Грустно, что сейчас, когда большие усилия направлены на достижение успехов в сельском хозяйстве на юге, в средней (сельской) полосе России наблюдается полное обезлюдение, запустение деревень и сельскохозяйственных угодий. Тогда же Хрущев начал проводить сельскохозяйственные пленумы. Появилась надежда на какое-то возрождение. Да и настрой был на работу, а не на

всякие разоблачения и обвинения. К сожалению, тот порыв к возрождению был упущен. Хрущевский доклад 1956 г., бесспорно, был нужен. Его реабилитационная суть — это неоспоримая великая ценность, никто не имеет право это оспаривать, но доклад уводил наше общество в сторону критики культа личности (хотя и вполне достойной этой критики), некоторого даже ее смакования, а не к созиданию, желанию исправить социальные дефекты, отказаться от многих догм, которые накопились в обществе и мешали его развитию. Было то же самое, что и в начале последней перестройки: разоблачениями заболтали то, что действительно надо было исправлять. Чрезмерная нетерпимость к прошлому — это всегда путы, которые мешают идти вперёд. Тогда же, при всей нашей наивности и склонности к идеализации если не нашего общества, то возможностей его светлого будущего, мы начинали понимать, что что-то идёт не так, как следует, потому-то и «разоблачённая» и арестованная тогда на истфаке краснопевцевская подпольная организация не вызывала у нас какого-либо отторжения и негодования, а скорее пробуждала сочувствие. Лёва Краснопевцев был свой, секретарь нашей комсомольской организации, руководитель бригады студентов факультета, ездивших на целину — на уборку первого большого урожая. Он был хорошим организатором и очень авторитетным человеком в нашей среде. Да и поездка на целину воспринималась не как принудитовка, а как нечто желанное и интересное, многие ехали туда с настоящим энтузиазмом. Наша восточная группа в этой поездке не участвовала, так как о ней объявили тогда, когда мы уже находились на практике в Средней Азии. Совместить оба эти мероприятия было невозможно, но мы искренне жалели, что не попали в ту целинную истфаковскую бригаду.

Мы не знали целей, которые ставила перед собой подпольная организация Краснопевцева, но понимали, что её члены — это свои ребята, озабоченные теми же проблемами нашей жизни, что и все мы. Мы им сочувствовали, тяжело переживали их арест и пытались как-то защитить своих соучеников, причастных к дискуссиям на политические темы, которые пытался организовать в общежитии и даже на квартирах некоторых студентов Володя Меньшиков (один из членов их организации, которого мы все хорошо знали). Он тоже был свой, кстати восточник, я с ним даже в поход ходила в одной группе. Ребят, причастных к этим сборищам, партийные власти пытались наказать по комсомольской линии после ареста «группы».

Именно в это трудное для истфака и истфаковцев время и был создан Институт восточных языков (ИВЯ). Уходя с истфака, мы начали воспринимать его как некое место, вдруг ставшее чужим, где появились свои политические погромщики, с которыми нам явно было не по пути. Атмосфера истфака, которую мы ранее очень любили, вдруг стала для нас чуждой. В новом институте обстановка была совсем иной. Пришедшие туда люди о краснопевцевском деле ничего не знали, а мы и наши преподаватели были едины в том, чтобы не дать в обиду своих студентов, по сути дела, ни в чём не повинных. Помню, как мы составляли характеристику нашему однокласснику — индологу Юре Карпову, которому грозило исключение из комсомола. Получилось так, что вокруг нас собрались несколько преподавателей и аспирантов, которые подсказывали нам защитительные формулировки. Как я сейчас понимаю, это были люди разных взглядов. Были и те, кого теперь бы называли либералами и западниками, и те, кого можно было бы отнести к «праведным» сталинистам. Но тогда, защищая Юру, они были едины. Позднее с этой характеристикой нам

с Аидой Ипатовой пришлось идти в ЦК комсомола. Было страшно, но от исключения сумели парня отстоять. Современным людям, очевидно, трудно понять эту ситуацию, но мы этой победой гордились. На истфаке же тогда на поверхность выплыло много непорядочных людей, и мы стали его сторониться, хотя прежний истфак и нашу учёбу там вспоминали тепло. Помню, уже в ИВЯ на нашем выпускном вечере было четыре отдельных стола — стол филологов, историков, военных и отдельный стол для преподавателей. Мы хорошо общались, были и дружеские отношения, и даже романы, но в единый коллектив всё же не слились. Когда же кто-то из наших провозгласил тост «За старый истфак», все преподаватели со своими стульями и бокалами тут же переместились за наш стол. Вот так у нас стали проявляться общие настроения, порождавшие и идейную близость, и дружеское взаимопонимание в будущем. Да и к своей востоковедной профессии мы к этому времени, повзрослев и увидев новые открывавшиеся возможности, стали относиться серьёзнее.

На турецкое отделение я попала случайно. За школу у меня была золотая медаль, так что поступала я по себе-седованию. В выборе исторического направления колебалась, но в конце концов выбрала кафедру Востока и Индию. В заявлении же указала кафедру, но не сообразила написать о своих индоведческих пристрастиях. Поэтому 1 сентября на кафедре Востока, при распределении по странам, меня на Индию не взяли — желающих было много. Я очень огорчилась, даже плакала, но потом смирилась и, несколько поколебавшись и походив на первые занятия на разные языки, совершенно интуитивно выбрала Турцию, о чём в будущем никогда не пожалела. Моё вхождение в науку связано с темой русско-турецких отношений, так что мой кругозор расширялся и за счёт приобщения к отечествен-

ной истории, а также, в какой-то степени, и к балканистике, становившейся тогда модной. Востоковедный пласт моего образования, однако, я всегда считала для себя основным.

Получилось так, что на четвёртом курсе ИВЯ я оказалась единственным туркологом. Те, кто начинал учиться вместе со мной, покинули эту стезю — кто по своей воле, а кто не по своей (по сокращению). Надо мной шутили, что я подобна принцу Уэльскому, ко мне одной профессора вынуждены приезжать читать лекции. Проблему, в конце концов, решили так: мой главный учитель — профессор А. Ф. Миллер — на своих лекциях и семинарах объединил нас с Мишей Мейером, учившимся на курс младше. Он также, единственный из своей турецкой группы, собирался специализироваться по истории Турции. С тех времён мы с Мишей, Михаилом Серафимовичем, стали ближайшими коллегами и во многом (в главном — и в жизни, и в науке) единомышленниками. Я очень за многое ему благодарна, так как в трудные моменты моей жизни (и научной, и личной) всегда чувствовала его помощь и поддержку. Правда, между собой мы шутили, что на какие бы общие темы мы ни писали, какие бы общие источники ни использовали, работы у нас получаются разные. У него преобладают новые явления, появлявшиеся в жизни османского общества, а я больше тяготею к традициям.

И я, и Миша всегда тепло и с благодарностью вспоминали нашего общего учителя — Анатолия Филипповича Миллера. Именно ему мы обязаны и своей дружбой, и той основополагающей научной подготовкой, которую получили от него. У него была особая манера работать со студентами. Предлагая новую тему для разработки, он давал общие установки, указывал возможные источники и основную библиографию. И потом как бы забывал об этой работе, продолжал читать общий или специальный курс,

положенный по расписанию, а со своей темой ты как бы оставался наедине. Делай, что хочешь, Анатолий Филиппович ничего не спрашивал и не подгонял. А вот как только ты сам начинал задавать осмысленные вопросы по теме, он снова включался в контакт, обсуждал, давал новые направления по библиографическому поиску и т.п. Со мной так было и на трёх старших курсах университета, и во время аспирантуры, и даже позже – при наших научных беседах. Никакого учительского подстёгивания, только научные беседы на равных. В отношении нас с Мишей (так как мы всё время на встречах с ним были вместе) Анатолий Филиппович всегда был очень деликатен, даже свои замечания по первым нашим научным «писулькам» делал так, чтобы не противопоставить друг другу, не возвысить и не унижить друг перед другом. Да и нашу дальнейшую судьбу предопределил именно он. Но об этом чуть позже. Пока же продолжу о студенческих годах и университетской жизни.

На том же четвёртом курсе встал вопрос об индивидуальных занятиях турецким языком для меня. В ИВЯ преподавание восточных языков с первых же дней было поставлено более серьёзно, чем на истфаке. Я очень стремилась за остававшееся мне студенческое время успеть взять побольше. Николай Александрович Смирнов, первый директор ИВЯ, турколог, знавший меня с первого курса, предложил мне вначале походить на занятия более младшего курса, где язык преподавали по-новому, но я понимала, что у них больше времени, чем у меня, и говорила, что с ними я так и останусь недоучкой. Тогда Николай Александрович предложил: «Иди-ка к Эмиру Наджиповичу Наджипу, начинай заниматься старым османским языком и специализируйся дальше по средневековой истории Османской империи». Я согласилась, хотя до этого больше была склонна к занятию Новым временем. Ещё на четвёртом курсе

я писала курсовую работу по истории младотурок. Это ведь совсем не Средние века, а XX в. Занятия с Эмиром Наджиповичем решили мою судьбу. Я стала османистом и по этой специальности после окончания университета была принята на работу в Институт востоковедения АН СССР.

Эмир Наджипович Наджип в своё время окончил очень известное бухарское медресе, а после этого (очевидно, это было на грани 1920-х годов), как я слышала, был отправлен на учёбу в Стамбул. У тюркских народов России в то время так было принято, и такие возможности существовали. Например, известный турецкий историк Акдес Нимет Курат, почти ровесник Эмира Наджиповича, тогда же был отправлен из Поволжья на учёбу в Турцию, где и остался. Позднее, в предисловии к своей книге о Прутском походе, изданной в Турции (серьёзной, объективной и очень фундаментальной), он вспоминал, что перед отъездом побывал в Питере, постоял у «Медного всадника», и уже тогда у него зародилась идея написать такую книгу. Эмир Наджипович, уж не знаю почему, из-за возникших препятствий или по собственному желанию, но до Стамбула не доехал, остался учиться, а потом и работать в Москве. Он был блестящим знатоком тюркских языков, тонко чувствовал их и знал их историю. У него есть работы о языке Золотой Орды, мамлюкского Египта, огузов, карлуков, уйгуров и др. Я тогда была совсем не готова для занятий с таким глубоким специалистом. По собственной инициативе я взяла несколько уроков арабского языка (в ИВЯ это было возможно), но этого, конечно, было мало. Мне надо было постигать ещё самые азы не только османского языка, но и арабской письменности. Эмиру Наджиповичу эти азы были неинтересны, и он просто не мог понять, как их можно не знать. Мне было очень трудно вначале, до многого приходилось доходить самой. Спасибо Эмиру Наджиповичу за его терпение и ту

большую радость, которую он выражал, когда я в чём-то начинала разбираться. Он был очень доброжелательным человеком, всегда готовым помочь, проконсультировать, объяснить. Работать с ним было непросто, но хотелось. Мне повезло, что я попала в его руки. К сожалению (я понимала это тогда, сожалею и сейчас), я не сумела взять у своего учителя всего того, что он мог бы мне дать. Причина и в излишней стеснительности, боязни задать уж очень элементарный вопрос, и в недостаточности первоначальной подготовки, да и моих собственных способностей, наверное. Конечно, некую добротную основу знания османского языка (очень своеобразного: в большей части лексики — арабо-персидского, а по грамматике — персидского и лишь частично тюркского) он в меня вложил, а главное, заставил понять, что знания надо добывать самостоятельно и не стоит бояться никаких трудностей.

В то время, когда мы с Эмиром Наджиповичем занимались, он очень болел. Я ездила на занятия к нему домой. Сам он в тот период был занят составлением уйгурского словаря. Любопытен его рассказ о дискуссии того времени по поводу перевода уйгурской письменности на латиницу, а возможно, и на кириллицу. Проблема обсуждалась в высшем китайском руководстве. Мао Цзэдун будто бы спросил, какую письменность сейчас используют уйгуры. Ему ответили, что арабскую. И он вынес вердикт: мы сейчас налаживаем отношения с арабами, зачем же отменять для уйгурского языка арабскую письменность. Готовившаяся языковая реформа тогда не состоялась. Уйгуры остались единственным тюркским народом, сохранившим старую арабскую графику.

Сам Эмир Наджипович, побывав позднее в Китае, прошёл там лечение китайской медициной, что позволило ему потом прожить в добром здравии до 92 лет. Он, как

и я, работал в ИВАНе, мы с ним тепло общались, он всегда расспрашивал о моей жизни и работе, рассказывал о сыне, дочке и внучке, но вместе мы больше не работали.

Позже с языком у меня сложилась своеобразная ситуация. Я полностью ушла в османистику, современный же турецкий язык до сих пор воспринимаю с напряжением. В 1966 г. мне впервые удалось побывать в Турции, где я работала переводчиком нашего павильона на Международной промышленной выставке в Измире, переводчиком плохим, поскольку не хватало ни промышленной лексики, ни просто опыта. Манвелу Арсеновичу Гасратяну, моему коллеге по сектору Турции, который был старшим переводчиком у нас в павильоне, не раз приходилось меня прикрывать. Всё это было по-дружески, за что я ему очень благодарна. Любопытно, что при разговоре с турками меня часто спрашивали, не тюркского ли я происхождения. Я — смолянка по своим корням, и внешне во мне нет ничего восточного, а потому меня очень удивляли такие вопросы. Лишь позднее я сообразила, что уже тогда в моей речи проскальзывали старые османские слова, что и наводило собеседников на такие подозрения.

За последнее столетие в турецком языке произошли большие изменения. В конце 1920-х годов письменность в Турции была переведена с арабского на латинский шрифт. По моим наблюдениям, турки в основном восприняли этот переход доброжелательно. Это облегчило обучение грамоте, да и само понимание многих турецких текстов. Дело в том, что арабский и турецкий языки относятся к разным языковым группам, в основе их строя лежат разные закономерности. Говорить об этом подробнее, не будучи филологом, я не рискну, отмечу лишь главные особенности при использовании арабской графики для тюркских языков. В арабском языке есть определённая закономерность в употреблении

гласных, поэтому на письме они используют, как правило, лишь согласные. Есть огласовки, но употребляются они не всегда, арабам они просто не нужны. Тюрки же в своей речи любят каждую согласную сопровождать гласной (это касается даже иностранных слов, отсюда появились Истанбул, истасьён, истикан и т.п.). Порой при чтении турецкого текста арабская графика порождала большие трудности. С разными огласовками ряд турецких слов, написанных арабским шрифтом, читался по-разному. Реформа языка сняла такие проблемы и потому была воспринята как нечто естественное и нужное. Любопытно, что даже поколение ровесников века, получившее образование на староосманском языке, напрочь отвергло былую арабщину. Помню, как-то я сидела с одним арабописьменным турецким текстом у нас в секторе Турции Института востоковедения. Пришёл Назым Хикмет — известный турецкий поэт. Находясь в Москве в эмиграции, он довольно часто заходил к нам в сектор. Посмотрел на мой текст и спрашивает:

- Ты эти крючки читаешь?
- Пытаюсь.
- А знаешь, я их совсем забыл.

И это не единственный случай. Подобные высказывания турок того поколения я слышала очень часто. Но бывало и противоположное явление. Я наблюдала его у тюркологов из советских тюркских республик. На Конгрессе востоковедов 1960 г. пожилые люди, говорившие на прекрасном русском языке ещё дореволюционной выучки, записывали телефоны, русские имена, адреса и прочую подобную информацию арабским шрифтом.

Большие изменения происходили на протяжении XX в. и в лексике турецкого языка. Османский язык, особенно официальный, был переполнен арабской лексикой. Не случайно в классическом востоковедном образовании для

ближневосточника считалось необходимым начинать обучение с арабского языка, затем переходить на персидский и лишь потом браться за турецкий. Только такая подготовка позволяла вникнуть в османскую государственную документацию и оценить османскую литературу. В соответствии с языковой реформой (некоторые подходы к которой в стране искали уже с XVII в.), начавшейся с замены шрифта, стали активно менять и лексику. В газетах печатались столбцы слов, которые отныне следовало употреблять вместо арабских и персидских, бытовавших ранее. За основу брались коренные тюркские слова, часто заимствованные из тюркских языков Поволжья (особенно в этом отношении оказался востребованным чувашский язык). Казалось бы, радикальная реформа языка, насаждавшаяся сверху административным путём, была искусственным порождением, неприемлемым для языка. Но она удалась, а следовательно, была действительно востребована жизнью. Язык очень изменился. При этом он приблизился к языкам других тюркских народов. Они стали лучше понимать друг друга. Язык же османского времени сейчас понятен лишь специалистам. Помню, турецкий профессор Ильбер Ортайлы, работавший в начале нашего знакомства на социально-экономическом факультете Анкарского университета, жаловался, что не может найти себе среди турецких студентов кандидата в аспирантуру по османистике. Выпускники экономического факультета не читают османские тексты, а филологи не подготовлены для экономических исследований.

Столь радикальная реформа была явно нужна языку и, что характерно, проводилась она очень бережно, постепенно, на протяжении десятилетий. Ещё раз повторю — подобные вещи только волюнтаристски внедрить нельзя. Сама жизнь языка, очевидно, требовала такой чистки. Но

реформа, конечно, поставила проблемы перед турецкой культурой и привела к определенным потерям. Для доказательства приведу несколько примеров. Турецкое молодое поколение практически не воспринимает одного из известнейших турецких поэтов Тевфика Фикрета, который находится для современной молодёжи в таком же временном отдалении, как для нас, например, Александр Блок, и оказал в своё время большое влияние на формирование турецкого общественного мнения. Я специально расспрашивала об этом многих представителей турецкой молодёжи. Или ещё один очень показательный случай. В 1992 г. в Анкаре проходила конференция, организованная турецким МИДом и посвящённая 500-летию установления межгосударственных отношений между Москвией и Османской империей. На конференции присутствовала большая российская делегация, и был организован синхронный перевод докладов. И вот выступает один из авторитетнейших тогда турецких историков Халил Иналджик. К тому времени он был уже довольно пожилым человеком (р. 1917), всего года два, как вернулся из США, где в качестве приглашённого профессора более двадцати лет преподавал османскую историю в Чикагском университете. Я беру наушники, чтобы более внимательно, по-русски, выслушать его доклад. И вдруг слышу, как молодая переводчица с ужасом кричит по-турецки: «Я его не понимаю!». Конференция была хорошо организована, в работу быстро включился более старший и опытный переводчик, и мне показалось, что никто, кроме меня, не обратил внимания на этот эпизод. В перерыве я подошла к этой девочке-переводчице, и она мне объяснила: «Дело не в переводе на русский, я по-турецки его не понимала». Действительно, профессор, всю жизнь работавший с османскими источниками и к тому же несколько десятилетий проживший вне Турции, говорил на довольно

архаичном языке, который с трудом воспринимает нынешняя молодёжь. Напомню и ещё один общеизвестный факт: даже речи вождя турецкого национально-освободительного движения (1918–1923 гг.) и первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка пришлось переводить на современный язык, чтобы их понимала молодёжь.

Честно говоря, известия о подобных языковых коллизиях несколько помогали мне в своё время повысить свою собственную самооценку. Вспоминаю Семинар по османской палеографии в Венгрии (1982 г.), который был организован СИБАЛ (подразделением ЮНЕСКО, курировавшим исследования по истории балканистики). Все участники были европейцами-туркологами и пытались в качестве рабочего языка использовать именно турецкий, но в кулуарах присутствовала такая смесь языков (сдобренная к тому же венгерскими вкраплениями, к которым все мы относились с любопытством, но далеко не всегда понимали), что смеху она вызывала много. Так вот, в самом начале, когда мы только приехали, но ещё не успели перезнакомиться, ко мне подошёл греческий профессор Василис Димитриадис, спросил откуда я (а я была единственным участником из СССР). Я ответила и прибавила, что с трудом говорю по-турецки. Он обрадованно в ответ: «Я тоже. Откуда мне уметь говорить. Я грек, учился в Англии, в Турции никогда не был». И это говорил человек, позднее демонстрировавший нам на семинаре своё прочтение таких сложных османских кадийских документов, в которых маститые османисты, водя пальцем по строкам, не могли понять даже, где их начало и как вообще к ним подступиться. Конечно, я рассказываю о ситуации 70–80-х годов прошлого века, когда Турция ещё не была так открыта для исследователей (и не только советских), как сейчас. Теперь же больше контактов и возможностей, а потому и меньше оправданий в слабом

знании современного разговорного турецкого языка. Но в то же время ещё больше, чем раньше, выявляется тот факт, что османский становится всё более непонятным, мёртвым языком.

Османский язык надо специально изучать, чтобы понимать тексты того времени. После перестройки и открытия границ с этим столкнулись историки наших тюркских республик. Многие бросились в закрытые для них ранее архивы Турции, справедливо полагая, что там они найдут много интересного по истории своих народов. Надо подчеркнуть, что турецкие архивы действительно очень богаты. Турция в османское время (да и сейчас) — это очень бюрократическое государство. В османское время у него был многолинейный государственный аппарат, всегда присутствовали строгая централизация управления и жёсткий контроль за действиями на местах, что сопровождалось многотомной перепиской с центром. Во многом такая традиция была определена бюрократическими практиками, разработанными ещё в Византии и усвоенными османами. Недаром османы привлекали местных чиновников для первых своих переписей населения, богатств, земель, доставшихся им после завоевания, и для выявления тех объектов, которые могли бы быть для них возможными источниками доходов. Известно даже, что один из оставшихся в живых последних Палеологов служил у них по финансовой части. Все документы переписей, отчётов, распоряжений тщательно хранились, причём как в центре, так и на местах. Всё это источниковое богатство дошло до нас и в настоящее время приведено в относительный порядок (в том числе и с участием европейских архивистов-туркологов). Исследователю можно сделать множество открытий в этих архивных залежах. Но надо уметь работать с этими документами, элементарно читать их. У историков из наших тюркских

республик, неплохо понимающих современный турецкий язык, было много иллюзий в отношении того, что они легко справятся и с османскими текстами. Но не тут-то было. Для работы с этими источниками нужны дополнительные знания. Недаром у самих турок есть незыблемое правило: публиковать османский документ не только на современной латинице, но обязательно с арабописьменным оригиналом. Иначе публикация не считается научной. Так принято и в мировой османистике (неверно разгаданные ребусы, которые арабская графика порой подкидывает турецким текстам, могут быть всегда). Случайные набеги на архивы малоподготовленных людей ни к чему хорошему привести не могут. Помню, теперь уже давний, разговор с директором одного из северокавказских Институтов истории. Он рассказал, что они собираются издавать переводы извлечённых из турецкого архива источников, касающихся истории их народа. Я спросила, кто занимался их подбором и переводом. Он ответил, что это сделали их соотечественники-эмигранты, давно живущие в Турции. Мы с И. В. Зайцевым (разговор был в его кабинете, когда он был заместителем директора Института востоковедения РАН) его предостерегли, заметив, что, возможно, среди этих эмигрантов есть люди, действительно подготовленные для такой работы, и сотрудничество с ними можно только приветствовать, но при публикации необходимо следовать принятым в науке правилам и обязательно публиковать не только перевод документа, но и его арабописьменный текст. Узнав о правилах публикации, коллега очень расстроился: «Мы не заказали архивных копий документов, а я ведь им уже деньги заплатил». Вот так начинался набег на османские архивы наших тюркских коллег. Мне кажется, в дальнейшем такое «научное пиратство», проявлявшееся по незнанию, прекратилось. Турецкие архивисты стали более тесно работать со

своими тюркскими коллегами, начали сами передавать им подборки документов по интересующим их проблемам. Передовиками в таком тесном сотрудничестве стали архивисты Казани. Особенно следует отметить заслуги на этом поприще И. А. Мустакимова, пионера среди российских османистов в работе с османскими архивными материалами. Публикации И. А. Мустакимова могут служить образцом и для других разработчиков этой «золотой жилы» османистических исследований.

Но вернёмся к упоминавшемуся мною Семинару по османской палеографии. К сожалению, в таком формате, как в Будапеште, он состоялся лишь однажды. Через два года было объявлено о его повторении в Софии, но там он был превращён в обычную конференцию с докладами на историографическую тему. На первом же семинаре всё было иначе. Десять дней все участники жили в университетском загородном пансионате. Каждый день собирались за большим круглым столом, доставали те документы, над которыми тогда сами работали, раздавали их копии всем сидящим за столом. Ведущий начинал читать свой текст, обращая внимание на трудные, а то и непонятые ему места. Все включались в обсуждение. Иногда общими усилиями находили принимаемый всеми вариант прочтения, а бывало, что и нет. Получилось так, что мы просмотрели тогда много разнотипных документов — переписей, кадийских отчётов, договоров разного типа, донесений и просто повествовательных текстов. Что-то было знакомо, а какие-то виды документов многие из нас видели впервые. Думаю, что для всех участников этот семинар стал хорошей школой, расширившей научный кругозор даже очень опытных исследователей. К тому же каждый из присутствовавших рассказывал о тех османских коллекциях или отдельных документах, которые выявлены в его стране. Этот семинар

стал ценным подарком, устроенным венгерскими османистами для всех участвовавших в нём учёных. В Венгрии издавна были заложены хорошие традиции развития этой отрасли науки, рассматриваемой там как часть национальной истории. Одним из классиков венгерской османистики являлся профессор Л. Фекете (1891–1969), всемирно признанный знаток осmano-турецкой дипломатики и палеографии, а также один из основоположников тех методик издания, чтения и классификации османских документов, которым до сих пор (хотя и обогатив их новыми знаниями) продолжают следовать как в Европе, так и в самой Турции. Именно он ещё в довоенное время издал альбом многих типов османских документов с переводом на немецкий язык и пояснениями. Он имеется в основных мировых библиотеках, но каждый османист не прочь иметь его и в своём распоряжении (как образцовый справочник). К нашему общему удивлению, венгерские коллеги сообщили нам, что у них до сих пор сохраняется некоторое количество экземпляров этого справочного издания и они (десятилетиями) продают его только специалистам. Многие из нас, и я в том числе, конечно, поспешили его приобрести. Больше всего я была поражена той бережностью, с которой венгерские коллеги относятся к достижениям своих учителей. Это уникальное издание не разбазарили, не стали стремиться скорее получить от его продажи какие-то деньги, а берегли и продавали лишь тем, кому оно действительно нужно. И другим бы поучиться у них тому, как надо бережно относиться к научным трудам и не рваться с ними в сиюминутную коммерцию. Семинары, подобные венгерскому, было бы полезно проводить регулярно, хотя бы раз в несколько лет (по мере накопления материала). В османистике всё ещё возможны открытия и порой возникают проблемы, требующие коллективных консультаций. Специалистов же

мало. Старшее поколение уходит, а свои трудно добытые знания часто бывает некому передать.

Плохо знаю, в каком состоянии сейчас османистика в Болгарии. В наше время она очень успешно развивалась и хорошо преподавалась. Итоги её развития в «на социалистическата время» подвела в своей статье, опубликованной в одном из наших последних османистических сборников, Елена Грозданова (болгарская коллега, которая когда-то была аспиранткой А. С. Тверитиновой, очень милая женщина и автор множества фундированных османистических работ). Она уже тогда говорила, что и у них на грани веков, в период ломки всего и вся, возникли большие проблемы с развитием этой отрасли научных исследований. Ранее османистика была в Софии очень популярным научным направлением, тем более что она связана и с очень длительным периодом национальной истории Болгарии. Болгарские коллеги любили рассказывать, что значительную часть довольно обширного собрания, хранящегося у них в стране, составляют османские документы, обнаруженные в нескольких вагонах, которые принадлежали покидавшей страну османской администрации, но были брошены ею и обречены на уничтожение. Что ж, честь и хвала тем, кто сумел оценить важность этих материалов и на их разработке создать свою османистическую школу. Когда-то все советские османисты мечтали попасть в Болгарию на стажировку. К сожалению, с учебной целью прорваться туда удалось лишь нашему грузинскому коллеге Нодару Шенгелия. Помню, на обратном пути из Болгарии он зашёл к нам в институт и с переполнявшим его восторгом рассказывал мне: «Представляешь, я теперь даже шрифт сиякат (форма написания финансовых документов) стал читать». Я очень ему завидовала, так как по-прежнему продолжала чувствовать себя недоучкой.

Мнения и источниковые разработки болгарских османистов были для нас тогда очень авторитетны. Мы с интересом штудировали работы Веры Мутафчиевой, Бистры Цветковой, Страшимира Димитрова, Николая Тодорова. Их исторические исследования поступали к нам регулярно, а они сами и их ученики приезжали к нам на стажировку. Правда, позже, в нашем восприятии, их несколько затмила сараевская османистическая школа. К сожалению, балканская османистика до сих пор не столь активно, как она того заслуживает, введена в общий османистический оборот. Нам же в своё время не хватало тех учебных материалов по османистике, которые были в ходу у болгарских коллег. Например, справочник (это слово я употребляю не из желания принизить значимость этого труда, а наоборот, чтобы подчеркнуть, сколько важных знаний можно из него почерпнуть в случае возникновения трудностей при работе с источниками) Аспаруха Велкова по османской палеографии попал в нашу страну далеко не сразу после выхода из печати. Я очень благодарна болгарскому коллеге Йордану Йорданову, который прислал мне когда-то копии нескольких работ по османской палеографии. Сам он был хорошим знатоком османских языковых реалий и даже преподавал османский язык в Египте, в университете Аль-Азхар.

Нодар Нестерович Шенгелия получил командировку в Болгарию не случайно. В советское время именно в Грузии была, пожалуй, единственная у нас в стране своя школа османистики, основы которой были заложены академиком С. С. Джикия. Именно он первым (не только у нас, но и вообще в мире) начал изучение и публикацию османских переписей, издав в 1947 г. «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета». В Грузии придавали большое значение сохранению уровня османистической подготовки своих кадров. В моё время там плодотворно работали Ц. А. Абу-

ладзе, Г. Г. Аласания, З. В. и Г. З. Анчабадзе, О. И. Гигинейшвили, С. С. Джикия, М. Х. Сванидзе, Н. Н. Шенгелия, общение с которыми у московских туркологов было дружеским и научно плодотворным. Правда, все грузинские османисты сознательно пытались ограничить себя историей Грузии османского времени и не выходить на османские проблемы более широкого ракурса.

Ещё более узкие (уже временные) рамки для своих исследований ставили себе наши армянские коллеги, ограничиваясь в основном изучением конца XIX — начала XX в. Более ранним периодом занимался лишь М. К. Зулалян. Продолжить его дело пытались молодые исследователи М. Боджолян и А. Чакрян, но, к сожалению, после удачного выступления со своими первыми работами они, по разным причинам, ушли из науки, так и не реализовав до конца своих возможностей (хотя подготовка, особенно языковая, у них была добротная).

В Азербайджане вниманию к османистике способствовали усилия З. М. Бунятова, яркого человека и интересного учёного. Туркологов в этой республике всегда было много, в том числе и аспирантов, прошедших подготовку в ИВ АН СССР, но, как правило, все они стремились заняться современностью или, в крайнем случае, сюжетами не ранее конца XIX в., связанными с идеологическими доктринами общетюркского звучания. Сам Зия Мусаевич, арабист по образованию, опубликовал переводы ряда источников и собственные исследования, посвящённые сельджукскому периоду. Интересные «вторжения» в османскую проблематику были у Р. А. Гусейнова. Но профессионально заниматься османской проблематикой в Баку начали лишь представители следующего за моим поколением. Это — воспитанник Ленинградского университета Гусамеддин Мамедов, активно работавший в области османского источниковедения.

ведения, и Шахин Мустафаев, который был некогда моим аспирантом, чем я очень горжусь. Его работы посвящены становлению османской державы, взаимоотношениям между оседлым и кочевническо-племенным населением этой страны, особенностям перехода на новый виток развития тюркских племенных масс в разных районах и государственных образованиях, включению тюркских племенных образований в османскую государственную структуру. Книги Шахина Мустафаева серьёзны, академичны, интересны и фактологией, и собственным авторским осмыслением материала. К сожалению, они вышли не очень большим тиражом и в не очень удачное время. Они пока мало известны в османистическом сообществе, но бесспорно достойны внимания и действительно вносят новое понимание в проблему, принципиально важную для нашей отрасли науки.

Османистические традиции до последних лет сохранялись и в Ленинграде. Продолжалось описание рукописей, не только доставшихся нам от прежних учёных-собирателей, но и вновь обнаруженных в отечественных архивохранилищах или во время археографических экспедиций по разным районам страны. В этом плане у нас ещё возможны новые находки, о чём я буду говорить далее. Сейчас же лишь отмечу, что в моё время османскими рукописями занимались Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Свой вклад в их описание и изучение внесли и тюркологи более широкого профиля — А. П. Григорьев и Т. И. Султанов. Интересно работали историки-османисты А. Д. Желтяков, Н. А. Дулина, А. Д. Новичев, Ю. А. Петросян, С. М. Иванов, В. И. Шеремет. Продолжают свою исследовательскую деятельность и сейчас А. В. Витол, К. А. Жуков, И. Е. Петросян, А. М. Фарзалиев. Не оставлял без внимания османистику и академик А. Н. Кононов, под руководством которого был составлен биографический словарь дореволюционных тюркологов.

Юрий Ашотович Петросян, возглавляя много лет Ленинградское отделение Института востоковедения, одно время пытался объединять туркологов нашей страны, собирая нас всех на общие конференции. Это были очень интересные и полезные встречи, которые мы, участники, тепло вспоминали — тем более, что они проходили в Ленинграде в самом начале лета, когда стояли белые ночи, цвела сирень и город предстал, думаю, в одном из своих лучших образов. Мы, москвичи, приезжали поездом «Красная стрела» рано утром. Добирались все вместе до института, оставляли у вахтёра сумки и шли в Летний сад. Туда же понемногу подтягивались коллеги, приезжавшие из других городов, и мы все, как мне казалось, вначале впитывали дух города, а уж потом шли на свои профессиональные заседания. Народу собиралось много, заседали долго. Юрий Ашотович шутил по этому поводу: «Я – закалённый бюрократ, привык к долгим посиделкам, но туркологи в этом плане превосходят всех». К сожалению, традиция собирать коллег в Ленинграде довольно быстро прекратилась. На моей памяти, одна-две конференции туркологов были проведены в Баку, Ереване и Тбилиси. Чаще же мы собирались в Москве. Однако все последующие мероприятия после ленинградских конференций имели более узкую направленность и, как правило, охватывали события лишь современной Турции. Османистика почти не была представлена, и я не всегда на них присутствовала. Но помню, что я очень обрадовалась, встретив однажды в одном из турецких исторических журналов статью профессора Орхана Кологлу о «кризисе истории». Она дала мне возможность, привлекая свой османистический материал, подготовить доклад, связанный с современными идеологическими проблемами, обсуждаемыми историками Турции. Это позволило поехать на конференцию в Тбилиси, куда мне очень хотелось попасть.

Я тогда впервые оказалась в Центральной Грузии. Гора Давида, старый Тбилиси, слияние Арагви и Куры, окрестные горы — всё это, конечно, было незабываемо. Помню также один эпизод в Армении, который произвёл очень сильное впечатление на меня и, думаю, на всех других. После заседания местные коллеги повезли нас на пикник в очень живописный горный район. Доехали до античного храма Гарни, расположенного в небольшом ущелье. Погода была пасмурная, и из ущелья поднимался туман. О храме нам рассказывал директор армянского Института востоковедения Г. Х. Саркисян, древник по профессии, так что его пояснения были и профессиональны, и интересны. И вот Гагик Хоренович говорил, мы все с интересом его слушали, а туман постепенно поднимался всё выше и выше. Когда он закончил рассказ, туман полностью скрыл храм. Мы шутили: показал и убрал. Действительно, мы оставались на плато, всё ещё освещённом солнцем, а перед нами стена тумана, за которой ничего не видно. Очень сильное впечатление.

Такие конференции были не просто обменом опыта между коллегами, но и расширяли наш научный кругозор, потому что мы посещали те места, которые когда-то были в составе Османской империи. Наши знания как бы привязывались к местности. Так, по рассказам А. С. Тверитиновой и М. С. Мейера, наш словацкий коллега Войтех Копчан как-то провёз их по тем местам, по которым в своё время шли османские войска во время своих европейских походов (мне там побывать не удалось). Поля, дали, равнины. Так и представляешь, что вот-вот зазвучит янычарский марш, появится конница и войска, сметающие всё на своём пути. Кстати, янычарская музыка — это достойная внимания часть турецкой культуры. Когда у нас появилась возможность бывать в Турции, мы все с удовольствием

приобретали кассеты с её записями. Да и сейчас, как мне кажется, хоровое мужское пение — по-прежнему любовно сохраняющаяся традиция в Турции.

В этих заметках я не ставлю своей целью говорить о конкретных работах моих коллег-османистов, тем более что в 2012 г. была опубликована книга Ю. А. Петросяна «Российская историография Османской империи XVIII – XX вв.». Мне хотелось лишь показать ту среду, в которую мне предстояло влиться, когда я начинала работать в области османистики, а также в целом поразмыслить об этой отрасли востоковедной науки, продолжающей вызывать интерес и в настоящее время.

Вернёмся, однако, к моим собственным истокам. Лишь на пятом курсе ИВЯ я переключилась в своих научных интересах на средневековую историю Османской империи, хотя прямого пути и здесь у меня всё-таки не было. В то время в историческом сообществе нашей страны шло активное становление балканистики. Как известно, чуть позднее был создан даже отдельный институт — славяноведения и балканистики АН СССР. Многие бывшие ученики А. Ф. Миллера в своих научных интересах переключились на новую для нас тогда балканскую проблематику (ведь все страны Балканского полуострова долгое время входили в состав Османской империи). Анатолий Филиппович и мне предложил тогда в качестве дипломной работы тему завоевания Валахии Турцией. Помню, что при первом разговоре со мной об этой теме и Анатолий Филиппович, и Николай Александрович Смирнов рассказали, что недавно в Москве была защищена кандидатская диссертация румынского аспиранта Ал. Виану (Николай Александрович, кажется, был оппонентом на его защите). Диссертация была посвящена совсем иной теме, но в ней затрагивалась дискуссия, ведущаяся в румынской исторической науке,

об особом оформлении вассалитета румынских княжеств при их вхождении в состав Османской империи. Вот этой проблемой мне и предложено было заняться. Мне показалось это интересным, так как открывало путь к пониманию особенностей государственного устройства самой империи, да и румынский уклон сулил возможности для будущего трудоустройства. Работала я над своей дипломной работой с увлечением. Даже год занималась румынским языком и сумела использовать некоторые румынские материалы. Защита прошла успешно. В институте началось распределение (слово, которое современные студенты, очевидно, не знают) — т.е. официальное направление на будущую работу (иногда желанное для студента, а бывало, что и принудительное). С подачи Анатолия Филипповича, который был тогда в Институте истории АН СССР заведующим сектором по составлению «Всемирной истории», на меня пришла заявка — направить на работу в этот сектор. Ещё до сдачи государственных экзаменов мне начали там давать задания по подбору библиографии. Казалось бы, всё было решено, и в будущем мне предстояло заниматься историей Румынии. Но вдруг... Анатолий Филиппович приходит на одно из наших последних занятий и говорит, что он буквально накануне встретил Абдуллу Мардановича Шамсутдинова, заведующего сектором Турции Института востоковедения АН СССР, и тот ему сказал, что у него появилась возможность взять нового сотрудника, и ему, как человеку начинавшему свою карьеру с изучения средневековой истории Турции, хотелось бы найти студента, расположенного к этой проблематике. Анатолий Филиппович предложил мне сходить в этот институт и поговорить. В результате я оказалась востребованной в двух институтах, приславших на меня свои заявки. В ИВЯ всё это, как и вообще моё одиночество на турецком отделении, вызывало много шуток,

но, как ни странно, очень доброжелательных, что также заставляет меня вспоминать студенческие годы с большой теплотой. Тогда же мне надо было выбирать из этих двух предложений. Анатолию Филипповичу я сказала: «Я сама не знаю, что для меня лучше. Поступлю так, как Вы мне посоветуете». Он ответил примерно следующее: «Институт истории – это очень интересное научное учреждение. Повариться в его среде было бы полезно любому начинающему историку (напоминаю, что это действительно был звёздный час для этого института, когда там ещё работали и многие историки старой добротной школы, и очень яркие представители среднего поколения), но ты — турколог, а от этого жалко отказываться. Так что, наверное, тебе лучше пойти в Институт востоковедения». Так без каких-то моих инициатив второй раз решилась моя судьба.

Кстати, примерно в это же время на историю Румынии (как на некое вакантное место) академик С. Д. Сказкин направил свою аспирантку Лидию Егоровну Семёнову, ранее специализировавшуюся по истории Франции. Именно ей и выпала доля заниматься в дальнейшем средневековой историей Румынии. Она была замечательным человеком и увлечённым румынской историей специалистом. Позднее мы с ней тесно сотрудничали. И что любопытно, её докторская диссертация была посвящена именно той проблеме, о которой я писала в своей дипломной работе. Я же, опубликовав по этой теме небольшую статейку (свою первую печатную работу), больше к ней не возвращалась.

В тот период, когда я пришла работать в Институт востоковедения (август 1958 г.), институт начинал свой разворот к изучению современного Востока. Совсем незадолго до этого прозвучала на партийном съезде фраза А. И. Микояна, ставшая указующей: «Восток проснулся, а Институт востоковедения всё ещё спит». У института появился

новый директор — Б. Г. Гафуров, в штат было зачислено много молодёжи, появились новые направления исследований. Занятия историей не прекращались, но теперь отнюдь не считались приоритетными и отходили на задний план. В нашем секторе Турции все сотрудники были заняты изучением современной Турции. Даже Абдулла Марданович, защитив докторскую диссертацию о турецком национально-освободительном движении 1918-1923 гг., перешёл не к Средневековью, как намеревался ранее, а тоже обратился к современности. Правда, свои бывшие увлечения он не забывал, моим занятиям османистикой не препятствовал, да и сам иногда с грустью вспоминал, что так и не довёл до печати свою кандидатскую диссертацию. От неё остались две статьи, напечатанные в сборниках на рубеже 30-40-х годов прошлого века и ставшие малодоступными сейчас. Позднее мы их переиздали. Конечно, с тех времён османистика обогатилась новыми знаниями, но и эти ранние работы А. М. Шамсутдинова по-прежнему выглядят вполне достойно.

После трёх лет научно-технической работы и поисков новой темы для исследования я поступила в аспирантуру. Моя кандидатская диссертация была посвящена русско-турецким отношениям начала XVIII в. Целью было показать не только русскую (о чем не бесспорно, но много написано), но и турецкую сторону взаимоотношений. В Турции к этому времени были опубликованы важные для этой темы источники и вышло добротное двухтомное исследование А. Н. Курата о Прутском походе Петра I. Всё это, с одной стороны, облегчало мою работу, но с другой — предъявляло особые требования. Диссертация была защищена, и книга на её основе издана в 1971 г. Смею тешить себя надеждой, что что-то новое в исследование этой темы она внесла.

Обстановка в институте и в секторе не очень способствовала моей приверженности к османским исследованиям. В фаворе была современность. Гремели политические концепции Р. А. Ульяновского, экономические подходы к выявлению особенностей развития Востока А. И. Левковского и других экономистов-«современщиков». Историки были менее заметны, но продолжали работать и тоже объединялись. Появился так называемый «Семинар по феодализму» (о нём я ещё скажу позже и уже писала в своих работах раньше), душой которого был индолог Леонид Борисович Алаев. Формальным же руководителем стала Анна Степановна Тверитинова. Это ещё один человек, который сыграл в моей жизни немалую роль.

Анна Степановна была увлечённым османистом, воспитанницей ленинградской школы востоковедения. Ей и её вкладу в нашу научную область будет посвящён специальный раздел этой книги. Пока лишь напомним, что в 1950-е годы планировался перевод в Москву Института востоковедения, базировавшегося ранее в Ленинграде. Анна Степановна, тогда заведующая библиотекой института, и ещё ряд уважаемых сотрудников института успели перебазироваться на новое место жительства и работы (с частью книжного фонда, что ей потом долго не могли простить ленинградские коллеги). По тем временам их неплохо устроили, предоставив хорошие квартиры в районе метро «Сокол», на Песчаной ул., новом тогда районе столичной застройки. Полностью же перевод института в Москву, как известно, так и не состоялся. Ленинградское отделение Института востоковедения продолжало функционировать как филиал московского, вплоть до перестроечных времён. Сейчас оно преобразовано в самостоятельный Институт восточных рукописей, но в нём, насколько я знаю, в настоящий момент нет ни одного специалиста по Турции, и даже

их знаменитый тюрко-монгольский кабинет переименован в монгольский. Хочется надеяться, что это временное явление и тюркологи, туркологи, османисты снова появятся в этом памятном всем нам помещении дворцового зала, расположенного на берегу Невы, как раз напротив знаменитой пушки Петропавловской крепости. Оптимизм в этом плане внушает то, что турецкое отделение в Петербургском университете продолжает функционировать.

После переезда в Москву Анна Степановна держалась несколько особняком от других тюркологов, тем более что в секторе Турции османистикой не занимались. Она была вначале заведующей библиотекой, а позднее возглавила свой собственный сектор письменных памятников Востока. В институте она пользовалась авторитетом и поэтому смогла взять шефство над группой молодых историков, объединявшихся вокруг уже упомянутого мною «Семинара по феодализму». Для спокойного существования этого научного семинара такое прикрытие старшего партийного товарища было очень важно, ведь тогда любые самостоятельные объединения, не санкционированные сверху, не только не поощрялись, но и могли навлечь на своих участников и более серьёзные последствия. Вспомним грамматический кружок, за который пострадал в своё время Д. С. Лихачёв, да и дело Краснопевцева совсем недавно прошло на наших глазах. Мы все были детьми своего времени и вынуждены были жить по его законам. «Времена не выбирают, в них живут...». Это реалии нашего времени, о которых современная молодёжь представления не имеет. Я не жалею: мы неплохо жили, умели радоваться жизни (по-моему, больше, чем наши внуки), были увлечены своим делом и, думаю, не так уж плохо его делали. И мне бы хотелось, чтобы наши наследники не только нас критиковали и разоблачали, уличали в наивности и примитивности мышления, но и по-

нимали. Так вот, Анна Степановна с большим увлечением занималась тогда аграрными отношениями в Османской империи. К этому времени в Турции были опубликованы интересные источники по этой проблематике. Она переводила их на русский язык и издала небольшой, но хорошо подобранный сборник своих переводов таких источников. Готовила собственное исследование об аграрных отношениях в Османской империи.

Большинство из нас были воспитаны не просто в рамках марксизма, но прежде всего на его упрощённом варианте 4-й главы тогда всем известной «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Этот вариант мировидения явно становился нам тесен. Он не позволял осмыслить тот источниковый материал, которым мы овладевали, изучая конкретику восточной истории. Отсюда и вёл свои истоки упомянутый выше семинар. Молодые историки пробовали найти выход в более углублённом изучении марксизма. В нём пытались выискать что-то новое. Проявлялся особый интерес к «азиатскому способу производства», к различным вариантам формационного развития, к разной и сложной типологии феодализма, соотношению понятий «формация», «цивилизация» и т.п. В первые годы существования семинара такая идеологическая активность молодёжи могла насторожить курирующие институт партийные органы. Авторитет же и включение Анны Степановны в его работу позволили ввести семинар в дозволенные рамки «политпросвещения». Мы все искали, сами порой не зная что, и набирали материал, который явно не вписывался в привычные «марксистские» рамки. Для Анны Степановны (а ей было явно интересно с молодёжью) эта ситуация оказалась трагичной в том плане, что она так и не сумела завершить свою главную работу об аграрных отношениях в Османской империи. Она

с интересом работала, выискивала всё новые источники, переводила их. Если же её спрашивали, когда будет защита её докторской диссертации, отвечала: «Не торопите, мне так интересно работать». Слышала я от неё и такого рода замечание в адрес одной много пишущей и преуспевающей индологини-медиевистики: «Как же она может писать по старым канонам, когда так много новых сведений, не вписывающихся в них». Анна Степановна довольно рано ушла из жизни, так и не осуществив многих своих планов. Думаю, что причина этого — в её научной добросовестности, очень высоких научных целях, стремлении к тем высотам обобщений, к которым ни она, ни наше научное сообщество тогда ещё не были готовы (да и сейчас поиски всё ещё продолжаются). Путеводный огонёк познания, однако, не угасал в ней до конца её жизни.

Жизнь у Анны Степановны была непростой, и, очевидно, в разные периоды жизни она была разной. Но я встретила в ней очень доброжелательного человека, радующегося, что рядом есть люди, пусть пока по-ученически, но разделяющие её научные интересы. В первые годы моего пребывания в институте она начала заниматься османским языком со мной и ещё двумя коллегами — филологами Е. И. Маштаковой и Ф. А. Салимзяновой. Мы вместе читали отрывки из «Образцовых произведений османской литературы» В. Д. Смирнова. Мне опять было тяжело, ведь они все трое были выпускниками Восточного факультета Ленинградского университета, где османский язык традиционно преподавался, и мне нелегко было за ними тянуться. Но я неизменно встречала только доброжелательность. Такие занятия у нас несколько раз возобновлялись и позже. Анна Степановна сама в процессе работы над османскими источниками узнавала много нового и стремилась поделиться этими новыми знаниями. Помню, что на одном из

последних наших занятий, проходивших у неё дома, она демонстрировала нам с Фаней Салимзяновой написание некоторых османских титулов, эпитетов к ним, формулы некоторых документов и многое другое. Я тогда ждала рождения второй дочери, собиралась в декретный отпуск, и она была со мной по-женски очень предупредительна, вспоминала, что когда сама ждала ребёнка (погибшего в блокаду, но она мне этого тогда не сказала), то старший её сын, маленький Аркаша, предлагал ей проглотить игрушку, чтобы новому братишке в животике не было скучно. Вообще она была не просто учёным, но и Женщиной. Любила принарядиться (в наше время это было непросто, но дресс-код добротной одетой интеллигентной дамы она всегда соблюдала), умела создать вокруг себя уютную обстановку. Ценила те мелочи, которые как-то украшают нашу жизнь. Помню её рассказ о том, что Н. П. Шастина, известный монголовед, происходившая из семьи, которая много сделала для становления российско-монгольских дружеских отношений, установила такую традицию: каждый год она собирала гостей, когда у неё расцветал кактус «Декабрист». Сама Анна Степановна обязательно приглашала в гости к себе домой приезжавших (тогда редких) коллег из-за рубежа. Немного опять отвлекаясь от темы, вспоминаю, что первое наше знакомство с турецкими учёными (не забывайте о «железном занавесе», за которым мы жили) состоялось на Международном конгрессе востоковедов, происходившем в Москве в 1960 г. Тогда Анна Степановна пригласила к себе на ужин несколько российских и турецких коллег. В тот день по телевидению шёл фильм Феллини «Ночи Кабирии» (при всей нашей изоляции настоящие шедевры всё-таки показывали). Турки его тоже тогда не видели, так что с интересом стали смотреть. Фильм был дублирован на русский язык, а потому русским коллегам приходилось

пояснять кое-что турецким зрителям. Потом шутили, что они впервые тогда выступали синхронными переводчиками на турецкий язык.

Кстати, и ещё одно отвлечение. Когда после этого конгресса мы в секторе подводили итоги, на заседании присутствовал Назым Хикмет. К нему у турок был большой интерес, особенно у трёх журналистов, сопровождавших турецкую делегацию. Помню, даже во время приёма гостей в ресторане «Арагви» (традиционном для туркологов месте всех празднеств) журналисты его назойливо и с упрёками спрашивали, почему он уехал из Турции. Он отвечал: «Я не могу этого вам доказать, но к моим родным пришли люди и предупредили, что Назыму грозит опасность». Это было время, когда убили его друга и коллегу Сабахаттина Али, а самого Назыма после протестов в его защиту, прокатившихся по многим странам, только что выпустили из тюрьмы, но ходили слухи, что следующей жертвой охраны будет именно он. Нам он рассказывал, что тогда не раз пытался нелегально перейти границу и попасть в нашу страну (где когда-то в молодости учился в Коммунистическом университете), но это ему не удавалось. Один раз он даже попытался попасть на советский корабль в Чёрном море, сразу после выхода из тюрьмы. Он подплыл к кораблю и закричал: «Я – Назым Хикмет». Ему в ответ прокричали: «Да здравствует Назым Хикмет!», — но не подобрали. Не знаю, байка это или правда, но рассказывал он это сам. Тогда же, после нашего заседания, несмотря на некое недоверие и даже упрёки соотечественников за эмиграцию в недружественную Турции страну, Назым был очень доволен, что приезжала турецкая делегация и что мы проявили к ней большой интерес. Много расспрашивал всех нас о том, какие доклады были у турецких специалистов и как мы их оцениваем. А после заседания вдруг обратился

ко мне, видимо, как к самой молодой: «А как мужики-то, турки, произвели впечатление?». Я ответила что-то одобрительное, и он был очень доволен. Сам-то он был мужик видный. Голубоглазый, светловолосый великан.

Он очень не любил, когда у нас порой говорили и писали: стихи Хикмета. Возражал: «Хикмет — это мой отец, а я — Назым». Он покинул страну, когда там ещё не совсем привились фамилии и новый алфавит, введённые сверху. Про присвоенную ему официально фамилию он почти не вспоминал. Рассказывал, как это происходило: переписчики ходили по домам и записывали те фамилии, которые люди придумывали сами себе. Он отнёсся к этому легкомысленно. Перед ним было записано несколько человек, выбравших себе фамилию из трёх букв. Вот и он записал себе такую же — трёхбуквенную — Ран, с которой у него ничего не было связано, а потому в дальнейшем он её просто игнорировал. В Турции до сих пор при упоминании османских деятелей первым указывают имя. Поэтому в библиографиях мы встречаем множество Ахмедов, Мехмедов и т.п., а потом уж среди них приходится выискивать того, который тебе требуется. Для более позднего времени фамилии, однако, уже стали привычным атрибутом личности.

Вернёмся, однако, к тому ужину у Анны Степановны, который состоялся после конгресса востоковедов в 1960 г. В заключение был подан кофе. Турки очень обрадовалась. Видно, без него они на нашей еде скучали. Однако и тут их постигло разочарование. Кто-то произнёс: «А-ля френги», т.е. европейский, а не настоящий, турецкий, кофе. Анна Степановна не показала виду, но была явно расстроена. Позднее же рассказывала, что с того времени, принимая турецких гостей, всегда предлагала им самим сварить кофе. И пришла к выводу, что все варят его по-разному. Единственное, что соблюдается, — это холодная вода и обя-

зательно сахар, пропорции же могут быть самые разные. У Анны Степановны была очень красивая старинная кофемолка и замечательные чайные стаканчики, национальной формы, с талией и очень хорошо выполненными рисунками — Карагёзом, Хаджеватом и другими персонажами уличного театра. Ей подарил их кто-то из коллег-турок. Позже, бывая в Турции, я очень хотела приобрести подобные же стаканчики, но таких не встретила.

Анна Степановна была очень организованным человеком. Умела и работать, и отдыхать. Рассказывала, что каждый вечер она, вместе с живущей с ней по соседству Н. А. Айзенштейн, тоже туркологом-литературоведом, ходит гулять недалеко от дома. Моя последняя встреча с ней тоже связана с прогулкой. Анна Степановна уже лежала в больнице. Академическая больница располагалась тогда на улице Ляпунова, в районе Ленинского проспекта и универмага «Москва». Сейчас это заброшенный дом. Тогда же больница была довольно неплохо обустроена, а рядом с ней располагался сад, куда больным разрешалось выходить погулять. Сад не запирался, охраны никакой не было (тогда этого и не требовалось). Также больные иногда выбирались побродить по соседним улочкам, хотя это и не поощрялось. Я жила тогда по соседству. Однажды мы с моей старшей дочкой Наташей, тогда ещё совсем маленькой, пошли в Третьяковскую галерею. И недалеко от дома около троллейбусной остановки на Ленинском проспекте встретили Анну Степановну, которая вышла погулять с кем-то из пациентов больницы. Настроение у неё было замечательное, она шутила: «Мы – нарушители больничного режима, но нельзя же залёживаться, так и совсем расклеишься». Что-то приветливое сказала и моей Наташе. Она явно была оптимистично настроена. Очевидно, Анну Степановну тогда уже готовили к операции. Через неделю-

другую её не стало. Очень жаль. Она была полна планов и надеялась жить дальше. Её жизненные планы оказались до конца не реализованными — обидно. Всё, о чём я здесь пишу, — мои личные впечатления об этом светлом человеке. Более серьёзно написано в некрологе, одним из авторов которого я была. Его текст приложен к этой работе.

Я ещё раз хочу подчеркнуть, что в первой (ученической) половине моей жизни я встречала много доброжелательства и помощи, за что очень благодарна судьбе и всем окружавшим меня людям. Позднее стало труднее. Надо было отдавать долги. А при этом встречались и трудности, и недоброжелательность. Сказывались и собственные неуверенность, отвращения на жизненные трудности и необходимость дополнительного заработка. Недаром три свои книги, которые я считаю наиболее важными для себя, я сумела опубликовать лишь после 75 лет. Да и сейчас ещё есть кое-что нереализованное. Ну да это уже как Бог пошлёт.

В 1973 г. ушли из жизни сразу три человека, игравшие направляющую роль в нашей отрасли исследований. Это Анатолий Филиппович Миллер, Анна Степановна Тверитинова и Борис Моисеевич Данциг, опубликовавший несколько исследований по истории изучения Ближнего Востока в России. Мы сразу осиротели. К тому же именно к этому времени выкристаллизовывается и новый этап теоретического осмысления истории Востока, когда почти на полвека лидерство перешло к американским востоковедам, «заразившим» своей идеей неизбежной вестернизации (европеизации, модернизации) почти всё востоковедное историческое сообщество, включая исследователей в самих восточных странах. Мы же «закопались» в своём «непреодолимом» феодализме, не видя других возможных социальных подходов к современной индустриальной стадии

развития человечества (а также в социалистической ориентации, но это уже мало меня коснулось). Этот изъясн я впервые со всей глубиной прочувствовала лишь в конце 1980-х годов, когда уже шла перестройка и мне удалось попасть в Турцию в научную командировку. Тогда во время беседы с историками Анкарского университета меня спросили, что я понимаю под термином «османский феодализм». Я стала отвечать так, как у нас было принято: аграрное хозяйство, условность землевладения, различные формы ренты и т.п. К тому времени с османской конкретикой этого вопроса я была уже хорошо знакома, так что вопрос для меня труда не составлял. В ответ мне был задан следующий вопрос: «Вы очень настаиваете на термине “феодализм”?». Честно говоря, внутренне я удивилась, так как для меня такая терминология была привычна и естественна, — а как же сказать иначе? Я стремилась узнать, как было организовано османское общество, мало задумываясь над тем, как его назвать с точки зрения высоких теоретических обобщений. Поэтому честно ответила: «Нет, конечно, для меня важна суть структуры, а не термин», — и в ответ услышала: «Тогда мы с Вами — единомышленники». И вот лишь после этого я начала осознавать, что мы, со своим навязчивым марксизмом и привычной для нас терминологией, зачастую отталкиваем от себя коллег. В данном случае, называя всё феодализмом, мы думаем, что подводим итог, а на самом деле зачастую лишь путаем читателей наших трудов, понимающих под феодализмом нечто совсем иное. Я не против марксизма и продолжаю считать (так воспитана), что именно марксистский подход к историческому познанию позволяет вникнуть в суть явлений, но нельзя марксизмом отгораживаться от других методов познания. У нас же марксизм превращался порой в тот агрессивный примитивизм, худшие проявления которого временами наблюдались

в советское время и дорого обходились нашему обществу и науке. Реплика турецких исследователей оказалась для меня очень своевременной и важной, и я попыталась её учесть при своих последующих публикациях. Кстати, только после вышеупомянутого разговора мне стало понятным предупреждение в одной из турецких библиографий, когда-то удивившее меня: к книге болгарского коллеги Н. Тодорова (серьёзной и фундированной) о балканском городе была сделана приписка — «марксистская версия».

Как я уже упомянула, к 1970-м годам мы стали свидетелями расцвета востоковедных исследований в США. Тюркология и османистика оказались в центре этих исследований. Этот расцвет хорошо объяснили И. Сойсал и М. Эрен в турецком справочнике, изданном «Турецким историческим обществом (1977 г.)»: «Türk İncelemeleri Yapan Kuruluşlar» («Научные организации, ведущие тюркологические исследования»). В книге указывается, что внимание к тюркологическим исследованиям, которые стали развиваться в США практически только лишь после Второй мировой войны, связано с идеологической борьбой в современном мире. По мнению турецких авторов справочника, в условиях разделения мира на два лагеря Турция, в силу своего географического положения между Европой и Средним Востоком, Советским Союзом и Средиземным морем, а также как союзница по НАТО, привлекла особое внимание США в связи с целями их антикоммунистической политики. По данным авторов, история Турции изучалась в США в 1977 г. более активно, чем, например, история Ирана и арабских стран. Объём тюркологических исследований может быть сопоставим лишь с тем вниманием, которое уделялось изучению истории Израиля. Констатировалось, что статьи по проблемам тюркологии печатались в тот период в двадцати американских периодических изданиях, а сама тюркология

в США изучалась в 54 университетах и колледжах. Ещё в 1971 г. для координации исследовательской работы в этом направлении была учреждена «Ассоциация туркологических исследований», в состав которой вошли 150 учёных. С 1964 г. в Турции функционирует Американский исследовательский институт.

Тогда и к нам хлынула многочисленная американская литература. Кстати, очень хочется поблагодарить московскую Историческую библиотеку. Во все времена своего существования она была довольно бедной. Государственных валютных средств для приобретения новой литературы библиотека почти не получала. Но, тем не менее, сумела так организовать свою работу, что многие принципиально важные османистические исследования (и наверняка не только их) библиотека получала даже раньше, чем богатый ИНИОН. Отдел комплектования Исторической библиотеки очень грамотно вёл межбиблиотечный обмен и умело выбирал самые интересные новинки. Мы все очень любили Кабинет Востока и часто там работали. Сейчас библиотека получила новое хранилище и значительно расширила свою площадь. И что характерно, на период ремонта она не закрывалась. Сотрудники сумели так наладить работу, что мы, читатели, спокойно получали книги из хранилища, не испытывая каких-либо ремонтных неудобств, и продолжали работать в чуть изменённой, но по-прежнему уютной обстановке. Большое спасибо за всё это работникам библиотеки. К сожалению, после ремонта и новых пространственных и организационных изменений там всё стало иным, непривычным. Я, по состоянию здоровья, вообще перестала посещать библиотеку. М. С. Мейер, побывав в новом здании, был разочарован, говорил, что прежний уют ушёл. Ну да это, очевидно, можно отнести к закономерно появляющемуся в каждом поколении старческому брюзжа-

нию. Сейчас, насколько я осведомлена, в библиотеке почти сменился состав сотрудников. Причины тому и возрастные, и организационные. Хочется пожелать новому коллективу сохранить былую славу Исторички, а прежним её работникам ещё раз сказать большое спасибо. Их вклад в наше дело малозаметен, но поистине велик. Мы его не забываем и высоко оцениваем.

Новый приток англоязычной литературы поставил нас в затруднительное положение. Дело в том, что по своему образованию мы были франкоязычны. В период становления османистики в Европе вначале появились латиноязычные и польские исследования. Затем первенство перешло к австрийцам и появились многотомные немецкоязычные труды по истории Османской империи Й. Хаммера, И. В. Цинкайзена, позднее – Н. Йорги и их последователей. Но постепенно, ещё со времён Ж.-Б. Кольбера, лидерство перешло к французам – по официальной дипломатической линии, когда они начали собирать османские рукописи и рассматривать османский регион как область своих интересов. Появилось убеждение, что без знания французского языка и знакомства с работами французских исследователей в туркологии делать нечего. Помню, на первом курсе к нам в аудиторию зашёл А. Ф. Миллер. Занимавшийся с нами Н. А. Смирнов сказал ему: «Вот новые первокурсники. Не знаешь, как с ними работать, ведь они французского не знают». Действительно, все мы начали изучать французский язык лишь в университете и пытались уделять ему большое внимание. Помню и ещё один разговор, уже с Анатолием Филипповичем. На втором курсе нам сократили число учебных часов на французский язык. Я по этому поводу очень переживала, а Анатолий Филиппович дал такой совет: «Основную грамматику вы уже прошли. Начиная читать французскую литературу». Я спросила: «С чего

начать? Взять какое-нибудь туркологическое сочинение?». Он ответил: «Да нет, лучше возьми что-то художественное. Моего любимого А. Франса читала? Нет? Вот и возьми Франса». Но буквально на следующий день после этого разговора он встретил меня в коридоре и предупредил: «Не бери Франса, ты пока не почувствуешь его французского остроумия. Возьми какой-нибудь любовный романчик. Но прочти всё — от заголовка до выходных данных». Последним, кстати, он всегда уделял большое внимание. Помню, что мы рассматривали как-то известную публикацию документов Е. Хурмузаки, и он обратил внимание, что у автора в библиографии стоят какие-то непонятные нам кружочки и циферки: «Смотрите как интересно: автор приводит не только привычные выходные данные, но указывает и размер книги». Вспоминая эти, казалось бы, мелочи, я ещё раз с благодарностью думаю об Анатолии Филипповиче, который действительно был не только учителем, но и заботливым воспитателем. Он любил говорить, что является человеком французской культуры, и именно на это настраивал нас.

В 1970-х годах (уже без него) мы начали «тонуть» в англоязычной литературе. Вопрос стоял не просто о языке, с этим мы как-то справлялись, но и в осмыслении новой литературы. И вот тогда Ирина Михайловна Смилянская, занимавшаяся историей арабских стран в османское время, предложила нам с Мишей Мейером собираться у неё и за чашкой чая обмениваться мнениями о том, что нам удалось прочитать и оценить. Эти встречи были нам очень полезны, благодаря им мы сумели быстрее войти в новое направление, сориентироваться, что в нём действительно интересно и важно, а что нет.

Западноевропейскую языковую переориентацию пережили и коллеги из других стран. В Турции вплоть до

1960-х годов почти не знали английского. Языком общения с иностранцами оставался французский. Когда Омер Лютфи Баркан, крупнейший в то время авторитет в османистическом сообществе, публикации которого до сих пор являются основой для изучения аграрной структуры Османской державы, поехал в Европу, поработал во Франции и был приглашён в Великобританию, выяснилось, что он не знает английского. Ирен Меликофф, позднее известный профессор-османист, а тогда молодая выпускница Сорбонны, вышедшая после университета замуж за турка, родившая двух дочерей и искавшая возможности вернуться в науку, рассказывала, что Баркану потребовался переводчик, а она владела английским. Позднее под руководством и с помощью этого мэтра она и вернулась в науку. Во время моего научного становления во Франции в сфере османистики выделялись три научных авторитета — Р. Мантран, Л. Базен и И. Меликофф. Сейчас работают их ученики. Как мне представляется со стороны, несколько особняком держалась тогда группа А. Беннигсена, но о ней и её заслугах я далее напишу особо. При всех своих заслугах в настоящее время французская османистика несколько отошла в тень. Однажды кто-то из французских гостей, выступая на заседании Кабинета В. А. Гордлевского и отвечая на наши сожаления по поводу того, что работы советских учёных-османистов почти неизвестны на Западе, сказал: «Что вы хотите, публикуя свои исследования по-русски? У нас ведь то же самое, пока не опубликуешь работу на английском языке, о тебе не узнают». Действительно, так происходит в настоящее время по всей Европе. Даже все лейденские издания осуществляются сейчас на английском. Учёные лучше знают работы турецких коллег (они ведь туркологи), чем исследования, над которыми работают их европейские соседи. Вот так ещё один языковой поворот произошёл на

глазах моего поколения. Конечно, если есть интерес, то при определённой языковой базе сумеешь разобрать всё (от украинского до шведского, чем нам и приходилось заниматься), но известные трудности в этом присутствуют. И главная проблема — своевременное получение информации о работах зарубежных коллег. В 1980 — начале 1990-х годов в Вене по инициативе профессора А. Титце издавался «Türkologischer Anzeiger» — библиографический ежегодный справочник, материалы для которого присылали коллеги из разных стран. Я ежегодно отправляла в это издание библиографические карточки тюркологических работ на русском языке, издававшихся в СССР. Вместе со мной подбором материалов занимались вначале З. Г. Ожерельева, а позднее Ю. Л. Пешковский. Отбирались труды и по лингвистике, и по национальной истории тех частей СССР, которые входили когда-то в османский регион. Но даже в этом случае у нас набиралось за год не более ста карточек, иногда чуть больше, в то время как объём ежегодного сборника включал обычно около двух с половиной тысяч названий всех трудов, изданных за год. Наглядная картина того, какое место занимает отечественная тюркология в мировых научных изысканиях. К сожалению, после ухода из жизни Андреаса Титце его инициативу никто не поддержал (хотя, как я знаю, попытки предпринимались), и издание прекратило своё существование. Самого профессора Титце вспоминаю с большим теплом. Познакомились мы с ним на семинаре по палеографии в Будапеште, где и договорились о сотрудничестве. Его публикации османских источников хорошо известны специалистам. Образование он получил в Стамбуле, где проживал в годы войны как эмигрант из оккупированной фашистами Австрии. Его родители были известными искусствоведами. Он вспоминал, как после окончания Первой мировой войны у них дома сразу

заговорили о необходимости как можно скорее поехать в Париж, так как только там можно узнать о новых веяниях в искусстве. Сам он очень любил импрессионистов, и когда приезжал в Москву, мы с ним обязательно ходили в Пушкинский музей. Жена его была турчанкой (я не раз замечала, что в востоковедной среде нередки такие варианты создания семьи, когда спутником жизни становится представитель изучаемой страны). После войны их семья довольно долго прожила в США, но потом вернулась в его родную Австрию. С женой профессора Титце я была знакома, так как однажды он приезжал с ней в Москву. Оба интересовались живописью и даже просили меня связать их с московской художницей, работу которой они видели у одного коллекционера в Вене. Разумеется, я помогла им установить контакт с ней, но о дальнейших их отношениях не знаю. Вспоминаю один забавный случай. В одном разговоре, очевидно, не о наших профессиональных интересах, а об искусстве, трудном для меня в языковом плане, я как-то неожиданно для себя самой вставила в турецкую речь что-то по-немецки и очень смутилась. Профессор рассмеялся и сказал: «Mischen, mischen, мы с женой так разговариваем».

Ещё раз напоминаю, что в секторе я долгое время оставалась единственной, кто не занимался современностью. В институте наиболее активными были историки, специализировавшиеся по социально-экономическим проблемам истории. С ними я сотрудничала, но им нужно было выдавать готовые результаты работы, а все детали, тонкости, поиски по источникам приходилось собирать в одиночестве. Очевидно, это нормальная ситуация для тех, кто работает в науке. Но я была избалована вниманием к своей работе Анатолием Филипповичем Миллером, Анной Степановной Тверитиновой, тем же Мишей Мейе-

ром. С ними можно было всегда посоветоваться, проконсультироваться, что-то обсудить. Михаил Серафимович Мейер к тому времени, завершив свои основные исследовательские работы и защитив докторскую диссертацию, всё более и более уходил в административную сферу. Стал директором ИСАА (Институт стран Азии и Африки, как к этому времени стал именоваться наш бывший ИВЯ). Поздравляя его с этим назначением, я выразила и большое сожаление, подозревая, что новая должность будет отвлекать его от научной деятельности. Он клялся, что этого не произойдёт, но постепенно административная суэта всё-таки его затянула.

Большой отдушиной в возникавшем вокруг меня научном одиночестве было общение с Институтом славяноведения и балканистики. Это, правда, заставляло меня отвлекаться от внутриосманских проблем (т.е. той сферы, которая как-то ценилась у нас в институте) и уходить в сторону внешней политики (причём не столько восточной, сколько европейской). Балканисты с середины 1980-х гг. готовили коллективное исследование «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Османскую империю в этой работе было поручено представлять мне. У истоков этого труда стояли И. Б. Греков и В. Д. Королюк. Завершалась же она под патронажем Л. Е. Семёновой, Б. Н. Флори, Т. П. Гусаровой. Те, кто знают работы этих историков, понимают, что по научным взглядам коллектив авторов совсем не был единым. При обсуждении разделов работы споры были горячими, но в рамках академической терпимости. Мне с ними было интересно, хотя претензии ко мне предъявлялись жёсткие, я не со всем соглашалась по существу. Бывало и такое, что от меня ждали сведений об определённых исторических событиях, важных для той или иной балканской области, но

я не могла найти отклика на них в османском центре. Приходилось доказывать, что для империи это был лишь некий пограничный инцидент или нечто незначительное, не столь её задевавшее. Результатом такого сотрудничества явилась публикация трёх томов коллективного исследования и мои тёплые отношения с сотрудниками этого института. С тех времён я всегда внимательно слежу за работами коллег-балканистов, а особенно Б. Н. Флори, послужившими мне основой для понимания ситуации в Восточной Европе, когда я готовила свою последнюю работу о Крымском ханстве.

В это же время установились мои контакты с византинистами, ведь руководителем Отдела истории Средних веков в Институте балканистики был тогда византинист, академик Геннадий Григорьевич Литаврин. Статью, опубликованную в книге «Византия между Западом и Востоком», я считаю одним из своих научных достижений. Геннадий Григорьевич всегда внимательно относился к нашей совместной с балканистами работе, о которой упоминалось ранее. Помню наш разговор после одного из обсуждений. Я тогда возражала против каких-то слишком антиосманских выражений, использованных в тексте. Геннадий Григорьевич так отреагировал на мои слова: «А ведь профессия накладывает отпечаток на мировоззрение. Вот Вы, русский человек, а так рьяно защищаете османов, славянских противников». Я ответила: «Я не защищаю, а объясняю, так как мне понятны причины тех или иных действий османских властей. 500 лет на одном насилии империя просуществовать не могла. Были и административная практичность, и умиротворяющие мероприятия, позволявшие столетиями сосуществовать различным народам». Вообще-то и сам Геннадий Григорьевич, также занимавшийся историей империи, не раз поддерживал меня в некоторых моих «про-имперских» доводах. Так, например, когда я заявила, что

в Османской империи, бесспорно, были случаи очень жестокой насильственной исламизации, но не было политики массовой исламизации и тюркизации, то это утверждение было встречено в штыки, но Геннадий Григорьевич выступил на моей стороне, подтвердив, что нечто похожее было и в Византийской империи с христианизацией.

Вторым выходом «в люди» для меня стало составление османистических сборников, к участию в которых мы привлекали коллег из советских республик и некоторых иностранных гостей, посещавших нашу страну. Всего мы выпустили семь таких сборников, по-моему, неплохо отражавших уровень развития османистики в нашей стране. Вместе со мной в их подготовке и редактировании участвовали М. С. Мейер и только входивший тогда в науку И. В. Зайцев — теперь интересный исследователь тюркского мира и активный научно-административный деятель.

Получалось так, что я в определённой степени разбрасывалась в своей научной и организационно-редакторской деятельности. Статей было опубликовано довольно много, но с большой публикацией я явно тянула. Мне всё казалось, что для неё я ещё не готова. К тому же наступали трудные времена. Подрастали дочери, их надо было учить, одевать и т.п. Я оказалась единственным кормильцем семьи. Денег хронически не хватало. Начала преподавать историю Востока в пединституте. Этот курс был жёстко регламентирован постоянными преподавателями института. Мне, как совместителю, лекционную нагрузку давали нечасто, обычно я вела семинарские занятия. По истории Нового времени мне предложили для занятий Китай и Индию. Это было познавательно и интересно для меня самой, и, как мне казалось, я вела эти занятия довольно неплохо. А вот с Новейшей историей бывало, что приходилось трудно. Особенно мучительны для меня были занятия по

военным событиям во Вьетнаме, на которые в первые годы моего преподавания выделяли много часов. Правда, позднее по Новейшей истории мне стали давать Иран, Индию и Турцию. Это было мне ближе. Преподавать мне нравилось, но порой бывало трудно. Помню, что в начале своей педагогической деятельности спала через ночь. От этой части моей жизни у меня осталось личное воспоминание, казалось бы, мелкое, но запомнилось на всю жизнь, и поэтому хочу поделиться с читателями. Когда я выразила желание начать этот, новый для меня, вид деятельности, кафедрой Новой и Новейшей истории в пединституте им. Ленина заведовал академик А. Л. Нарочницкий. Помню, что он мне, начинающей молодой девчонке, позвонил сам, и мы с ним обговорили и мою будущую нагрузку, и дальнейшие возможности моего сотрудничества с кафедрой. Работать далее с Алексеем Леонтьевичем мне не пришлось, так как в очень скором времени он ушёл из пединститута, полностью погрузившись в работу по линии Академии наук, но звонок этот мне памятен, тем более что позднее с той же кафедры даже лаборанты порой не утруждали себя сообщить об изменениях в расписании, планировавшихся заседаниях и т.п. Вот такие контрасты порой проявляются в поведении академика и некоторых людей в околонуточной среде. Позднее историю Востока я преподавала и в других вузах, а некоторые курсы вела иногда и в ИСАА. Мне подбрасывал их временами (в очень нужное для меня время) для приработки М. С. Мейер, зная, что я всегда наготове.

Моя личная научная судьба сложилась так, что лишь к семидесяти годам (когда нормальные люди выходят на заслуженный отдых) я наконец созрела до «обнародования» тех знаний, которые копила всю жизнь. Спасибо судьбе, относительно здоровью (голова вроде работает, а вот ходить почти не могу) и институту за то, что мне удалось

подготовить и опубликовать три своих книги. Сейчас же пишу эти заметки и очень хочу надеяться, что кому-то они покажутся интересными.

Завершив на этом личную часть своих записок и намереваясь далее писать о более серьёзных вещах, я, однако, так и не сумела устоять от неких личных вкраплений, так что и дальше личностный взгляд всё-таки будет присутствовать. Особенно в последних мемориальных частях.

Глава II

«ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ – ПАДЧЕРИЦА МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

Вынесенное в заголовок определение принадлежит американскому учёному турецкого происхождения Кемалю Карпату, который был организатором научной конференции «Османская империя и её место в мировой истории», состоявшейся 6–9 мая 1971 г. в Висконсинском университете (США, Мэдисон, штат Висконсин). Материалы этой конференции, опубликованные в Лейдене в 1974 г., включают введение, написанное профессором Кемалем Карпатом, тексты семи докладов и комментарии участников обсуждения к некоторым из них. Комментарии содержат уточнения, добавления, отдельные замечания, но, по сути, поддерживают точку зрения авторов докладов. Принципиальной критики нет. Следовательно, мы видим мнение двенадцати историков, солидарных между собой по основным принципиальным вопросам. Перечислю авторов и названия их статей, так как именно эти учёные стояли у истоков того переворота в османистике, который произвела американская историография во второй половине XX в.

Это хорошо известный А. Тойнби с докладом «Место Османской империи в мировой истории» (комментировал его доклад профессор Висконсинского университета

Дж. Беркер); профессор Чикагского университета У. Макнилл — «Османская империя и мировая история» (комментировал профессор университета Темпл Э. Хесс); профессор Чикагского университета Х. Иналджик — «Турецкое влияние на развитие современной Европы» (комментировал К. М. Кортепетер из Нью-Йоркского университета); А. Хурани (колледж св. Антония, Оксфорд) — «Османский фундамент современного Среднего Востока»; К. Карпат — «Этапы османской истории» (комментировал голландский социолог ван Ньювенхайзе); Шарль Исави (Колумбийский университет) — «Османская империя в европейской экономике 1600-1914. Немного наблюдений и много вопросов»; Ст. Шоу (Калифорнийский университет) — «Османские и турецкие исследования в Соединённых Штатах» (комментировал Р. Чемберс из Чикагского университета).

Все перечисленные выше авторы хорошо известны как учёные, активно работавшие в области османистики. Именно тогда они сформулировали те проблемы, которые, по их мнению, стоят перед османистикой, и во весь голос заявили о необходимости развивать эту отрасль исторической науки.

Первая из заявленных ими проблем как раз и заключалась, по их мнению, в том тезисе, который вынесен в заголовок этой главы. Констатировалось, что большинство трудов по всемирной истории, а также общие исторические курсы отводят истории Османского государства только короткие главы или даже лишь несколько презрительных замечаний. И это неоправданно, так как османская история — неотъемлемая часть многовековой истории многих современных государств на Балканах и Среднем Востоке. Подчёркивалось, что на этих территориях в XX в. сложилось 38 современных национальных государств (уточним, что в настоящее время, после распада СССР и Югославии,

это число приближается к 50). Все участники конференции были едины в убеждении, что османское владычество наложило отпечаток на южное и восточноевропейское, средневосточное и североафриканское общества, что сказывается до сих пор.

Участники конференции дали оценки главным на тот период обобщающим трудам по истории Османской империи. Подчёркивалось, что, начиная с классических многотомных историй Хаммера, Цинкайзена, Йорги, известных каждому туркологу, все они содержат полезную информацию, факты, выдержки из хроник, однако слабы с точки зрения методологии, «лишены концептуальной основы». В таком же традиционном стиле, по их мнению, до сих пор создаются многие работы по османской истории как в Турции, так и за её пределами. Именно поэтому туркологические исследования не дают пока достаточной базы для обобщений всемирно-исторического значения.

Сейчас же (напоминаю, речь идёт о начале 1970-х годов) можно и нужно начать более интенсивные и объективные исследования османской истории, так как она уже не является активным фактором в международной политике, не вовлечена в какие-либо территориальные споры. Это изучение будет полезно для более глубокого понимания истории Европы, с которой Османская империя была тесно связана, а также внесёт «потенциальный вклад в понимание социальных и экономических преобразований во западных обществах» и прольёт свет на происхождение многих социальных институтов и традиций, до сих пор оказывающих влияние на развитие бывшего османского региона. Как видим, задумка была глубокая. Однако в последующие годы мы стали свидетелями того, что теоретически она преобразовалась лишь в идею о единообразном развитии человечества, образцом для которого является

западная цивилизация. Остальные регионы ищут лишь свои пути приобщения к ней. Был момент, когда эта идея в историческом сообществе стала определяющей. Лишь недавние кризисные явления заставили народы больше думать о собственной самобытности и путях, позволяющих сберечь лучшее в ней.

Причины малого внимания и порой презрительного отношения в Европе к османской истории американские историки объясняют рядом причин. Вначале этому способствовал страх перед османским нашествием, а позднее, когда стало очевидным непреодолимое отставание Османской империи от Европы, появились пренебрежение и презрение. Американские историки подчёркивали, что уже с XVIII в. антитурецкие настроения начали широко использоваться для оправдания империалистических притязаний на территорию Османской империи, поэтому нельзя было ожидать, чтобы европейские учёные проводили объективные исследования османского общества, которому они предрекали гибель в ближайшем будущем. Такие европейские авторы, как М. д'Оссон, Э. Энгельгардт, А. Убичини, Л. Уркварт и другие, довольно подробно обрисовывавшие состояние Османской империи, представляли то или иное европейское государство и смотрели на Османскую державу с точки зрения интересов своего правительства. Даже отношения Османской империи с Европой, проблема наиболее хорошо изученная, и она освещалась лишь с позиций европейской внешней политики, тогда как взаимодействия и взаимовлияние, т.е. весь комплекс международных отношений между Европой, Африкой и Османским государством мало интересовал европейских исследователей. Констатируется, что даже в XX в., несмотря на новые фундаментальные исследования П. Витека, Б. Льюиса, Ф. Бабингера, Ж. Дени и других европейских

учёных, все ещё наблюдается отставание османистики от уровня мировой исторической науки.

На конференции указывалась и ещё одна причина такого отставания. Наиболее категорично она была сформулирована профессором У. Макниллом. Суть её заключалась в разбивке истории бывшей Османской империи на отдельные национальные истории. Подчёркивалось, что попытка вычленить турецкую, греческую, болгарскую, сербскую, албанскую, курдскую, арабскую и другие национальные истории из общего османского ареала неизбежно вела к искажению прошлой реальности.

У. Макнилл напомнил, что был период, когда даже турки «повернулись спиной к своей истории». После провозглашения Турецкой Республики основные интересы турецких историков сосредоточились на чисто турецком прошлом, исходе тюрок из Центральной Азии, их появлении в Анатолии и т.п. Османский период был отодвинут на второй план. Тогда даже крайние националисты воспринимали османский «длительный симбиоз с арабскими и балканскими народами» как нечто «оскверняющее чистые купели турецкой национальной культуры». К. Карпат, турецкое происхождение которого придаёт особую значимость его мнению, вспоминал, что после 1928 г. в Турции были предприняты немалые усилия по созданию такой версии истории, чтобы турецкая молодёжь не отождествляла свою страну исторически и культурно связанной с османским прошлым. Следствием этого было то, что молодая интеллигенция 1920–1930-х годов в своих взглядах сочетала турецкий национализм с резкой и грубой критикой всего османского, а термин «османцы» имел в лексике того поколения такой же презрительный и уничижительный смысл, как выражение «а-ля тюрк» среди тех европейцев, которые были свидетелями упадка османского государства в XIX в.

Кемаль Карпат отмечал, правда, что в Турции в тот период были и такие люди, как, например, Фуад Кёпрюлю, которые своими исследованиями и личными усилиями пытались пробить брешь в общем осуждении всего османского. Заинтересованное отношение к османскому прошлому проявилось в Турции лишь после Второй мировой войны. Но об этом немного позже. Пока же вернёмся к проблемам американской османистики.

На конференции особо подчёркивалось, что, разумеется, каждый народ имеет свою национальную историю и вправе изучать именно её, но это не исключает необходимости комплексного изучения всего региона бывшей Османской империи. Два этих направления — национальные истории и общерегиональные исследования — не следует противопоставлять. Они должны не исключать, а дополнять друг друга. В США же сложилась такая ситуация, что османская история воспринималась лишь как вспомогательная дисциплина при изучении европейской истории (это было характерно почти всей западной историографии), а также без какой-либо связи с языком и культурой османов. Главными источниками служили сообщения европейцев, побывавших в стране, либо, в лучшем случае, христианских подданных Османской империи. Турки и турецкие источники в европейских штудиях почти не присутствовали. Ст. Шоу, комментируя такое положение, замечал: «Трудно понять, как почтенные и опытные историки, которые отвергли бы как абсурдную мысль, что общество и правительственные учреждения Франции можно изучать, опираясь лишь на английские описания, пытались исследовать Османскую империю по таким мало убедительным свидетельствам». В предложенную на конференции программу османистических исследований в США он считал необходимым внести следующий пункт: «Никакие исследования по внутренней

истории Османской империи или современной Турции не могут быть выполнены без использования турецких источников, причём не из вторых рук, а изученных самим автором исследования». Возможно, этот тезис излишне категоричен, но порождён он был тогдашним состоянием османистики и, по своей сути, конечно, бесспорен.

Призыв американских туркологов к расширению и углублению источниковедческой базы османских исследований был услышан, тем более что турецкая историческая наука подготовила к тому времени неплохую источниковую базу, были опубликованы многие материалы и упорядочены архивные коллекции. Современные обобщающие труды по истории Османской империи, изданные в Турции и за её пределами, показывают, что прогресс в османистике, конечно, весьма значителен. Обратим внимание на уровень тех османистических работ, которые за последние два десятилетия были переведены на русский язык. Это работы лорда Кинросса (П. Бальфура), Д. Кицикиса, К. Финкель, турецкая двухтомная «История османского государства, общества и цивилизации» и ряд других. Из книг, до которых не дошли пока руки наших переводчиков, лично мне особенно интересны англоязычные работы С. Вриониса, Х. Иналджика, М. Кука, П. Коля, Р. Олсона, Ст. и Э. К. Шоу, «Кембриджская история Турции», а также некоторые последние обобщающие многотомные истории Османской империи, изданные в Турции. Как мы можем видеть сегодня, вызов американских османистов был принят и не только в США, хотя поработать именно там (в Штатах) соглашались историки из многих стран. Это давало возможность улучшить своё материальное положение, более ярко проявить себя в османистическом сообществе и опубликовать работы на английском языке. А вот, к примеру, опубликованные в это же время по-турецки интереснейшие

и блестящие, с моей точки зрения, исследования М. Акдага, остались почти незамеченными западной историографией. И, очевидно, не только они.

Большое внимание на той конференции было уделено и проблеме отношений к османскому прошлому в разных восточных странах. Отмечалось, что более тепло вспоминают османское прошлое в тех странах, которые в своё время были насильственно отторгнуты от империи в тот период, когда в самих этих странах начинались необходимые им преобразования. Особенно интересна в этом плане была статья А. Хурани, а в качестве «ностальгирующих» стран называли прежде всего Алжир и Ливию. Кстати, в последние годы, как мне представляется, воспоминания об османском периоде активно пересматриваются и в других арабских странах (см., например, работы египтянина Аш-Шенауи). При этом усиленно подчёркивается, что именно османы сумели уберечь эти страны от наиболее жестоких форм раннего европейского колониализма.

Говоря об американских коллегах, хотелось бы отметить одну «околонаучную» деталь. Мы все жили и работали в условиях идеологической войны. Нам приходилось отстаивать своё право выполнять работу объективно. Поэтому все мы порой прибегали к принятой у нас фразеологии об идеологической борьбе и идеологических противниках. Подобное существовало и у американских учёных. Необходимость исследований в интересующей их области истории они порой обосновывали практически теми же словами, что и мы. И читая их презентацию работ широкой публике, мы иногда хохотали — как же это было похоже на наши собственные обоснования важности, актуальности и т.п. Думаю, читатель, знакомый с этим явлением, чувствовал также нечто родственное в доводах американских и турецких коллег.

Общность проблем периодически проявлялась и в другом. Так, Елена Иннокентьевна Маштакова, кажется, ещё в конце 1950-х годов получила через третьих лиц копию интересовавшей её османской рукописи, отправленную ей, тоже через третьи лица, одним известным турецким профессором. Позднее, на конференции, она встретилась с этим профессором и попыталась поблагодарить его. Тот сделал вид, что ничего об этом не знает, и прекратил разговор. Потом Елена Иннокентьевна очень переживала: «Кажется, я совершила бестактность и поставила этого профессора в неудобное положение, но, слава Богу, рядом не было никого, понимающего по-турецки». Вспоминается и другой случай, правда известный мне лишь по рассказу Г. Г. Литаврина. В аспирантские годы он жил в общежитии в одной комнате с неким иностранным аспирантом. У них сложились дружеские отношения, и в первые годы после аспирантуры, разъехавшись, они даже переписывались. Позднее изменилась политическая обстановка (а как известно, она менялась не раз). Страна иностранного коллеги заняла антисоветскую позицию. На одном научном форуме, проходившем за границей в период очередного обострения холодной войны, нашей научной делегации была устроена обструкция. Этот коллега, как и все его соотечественники, в ней участвовал: стучал, захлопывал и т.п. Позднее, встретив Геннадия Григорьевича и поравнявшись с ним, он тихонько сказал: «Я всё хорошее помню». Это очень знаменательная фраза. Особенно остро она ощущалась позднее, когда наши соотечественники уезжали в Израиль и вынуждены были демонстрировать свой антисоветизм. Тогда бывали и разочарования в прежних знакомых, и подставы, и неожиданная помощь, и многое другое. Мне известен, например, такой случай (правда, также не из сферы османистики): один из наших индологов, занимавшийся

изучением грамматики одного из индийских языков, тесно сотрудничал с неким индийским учёным. Тот выпустил свою грамматику этого языка, которую наш соотечественник в личной беседе резко раскритиковал. Индеец обиделся и пожаловался в наше посольство. Там всячески лелеяли хорошие отношения с Индией, и в институт на нашего специалиста пришла обвинительная «телега». Ему тогда сделали серьёзный выговор и упрекали, что, когда имеешь дело с иностранцем, расположенным к нашей стране, надо в своей критике быть осторожней. Помню, что коллега очень был расстроен, и я слышала, как он жаловался филологу-туркологу К. М. Любимову в нашем Кабинете Гордлевского: «Грамматика действительно плохая, но я ведь сказал ему это лично, а мог бы написать разгромную рецензию. Зачем эти наши расхождения выводить на посольский уровень». Я лично с подобными недоразумениями не сталкивалась, а напротив, только с дружеским сотрудничеством. Помню, как Ирен Меликофф уже во время перестройки вспоминала с благодарностью, что Анна Степановна Тверитинова в своё время прислала по её просьбе копию необходимой ей рукописи «Данишменд-наме» из ленинградской коллекции. Эту историю я знала. Просьба пришла тогда, когда с этой же рукописью работала В. С. Гарбузова, ленинградский филолог. Чтобы избежать конкуренции, Анна Степановна поспособствовала тому, чтобы работа Гарбузовой была издана поскорее, но Ирен не отказала. И вот вам доказательство, что двух одинаковых исследований быть не может. Положив в основу один и тот же источник, Гарбузова и Меликофф написали совершенно разные работы, тем более что одна была филологическая, а другая историческая. Это в очередной раз убеждает меня, что в настоящей науке не следует бояться конкуренции. Каждое исследование добавляет что-то своё.

Своё общение с Ирен Меликофф вспоминаю очень тепло и не могу удержаться, чтобы не рассказать об этой замечательной женщине. Её жизнь и судьба очень любопытны. Она родилась в Петрограде 7 ноября 1917 г. Когда собирались переименовывать Ленинград, она всех нас спрашивала, какое будет принято название. Ей очень хотелось, чтобы вернулся «Петроград». Названием «Петербург» она была очень разочарована, говорила: «Опять я осталась рождённой в городе, которого больше не существует». По рассказам Ирен, её отец был очень богатым бакинским нефтепромышленником. Мать — русская, из семьи среднего достатка. Очень красивая. За несколько месяцев до Октябрьской революции произошёл такой случай: в контору её отца ворвался какой-то, как все решили, не совсем нормальный мужчина и обратился с просьбой дать ему определённую сумму денег, которая ему жизненно необходима, а если он её не получит, то тут же покончит с собой. Для отца эта сумма была незначительной, и он её дал, чтобы погасить конфликт. Об инциденте забыли. Но когда в первый же день революции отца Ирен арестовали и привели в какой-то революционный штаб, начальником оказался именно этот человек. Он узнал своего спасителя и сказал ему: «Я тебя сейчас отпущу, но учти, что тебя опять арестуют. Срочно уезжай из Питера». После этого семья с двухдневным ребёнком, прихватив что-то из имущества, срочно переехала в Финляндию, а позднее переехала оттуда во Францию. Как рассказывала Ирен, во Франции они совсем не бедствовали, но её отец никак не мог смириться со своим новым эмигрантским положением и довольно рано ушёл из жизни. Мать же всю свою жизнь признавала и в жизни, и в быту, и в культуре только русское. Франция осталась ей чужда. Там она родила ещё одного ребёнка, брата Ирен, и потому могла получить французское гражданство, но отказалась от

него, оставаясь всю жизнь русской эмигранткой. Сама Ирен училась во французских школе и университете, но дома находилась в русской среде и всегда чувствовала некую двойственность своего положения. Поэтому, как она рассказывала, своих дочерей (а их отец — турок Фарук Сайар, с которым Ирен довольно рано рассталась) она пыталась сделать француженками, однако, как она сама с сожалением говорила, и они оставались с некоей внутренней двойственностью, не определив для себя, кто они (*kimli* — как по-турецки говорила Ирен). Сама она была человеком довольно острым на язык, авторитетным в османистической среде, интересной исследовательницей. В последние годы жизни увлеклась изучением истории турецкого алевизма (две статьи на эту тему она опубликовала в наших сборниках), редактировала выходившие в Страсбурге такие авторитетные европейские издания, как «*Turcica*» и «*Archivum Ottomanikum*».

Во Франции, чуть раньше американского подъёма и держась, как мне представляется, несколько особняком как от своих, так и от иностранных османистов, начала развивать османистическое направление школа А. Беннигсена, приступив к разработке османских источников по истории Восточной Европы. Она выступила не так ярко и шумно, как американцы, но в чём-то «копая» глубже, а для нас (российских историков) — и интереснее. Представители этой школы вовлекли в научный оборот материалы из так называемого «Реестра важных дел» («*Mühimme Defteri*») — документов, хранящихся в Османском архиве при ведомстве премьер-министра (*Başvekalet*). Эта уникальная коллекция представляет собой реестровые книги, содержащие копии всех документов, исходивших от имперских органов управления. С их помощью можно ознакомиться с жизнью османского общества во всей полноте, включая военную,

хозяйственно-административную, дипломатическую и другие сферы. Французские коллеги обнаружили 1264 копии документов, прямо или косвенно касающихся Московии, Крыма, Кавказа и Центральной Азии XVI–XVII вв., подчёркивая при этом, что, возможно, какая-то часть документов осталась ими незамеченной и работа по выявлению подобных документов ещё не закончена. Вот с этим источниковым богатством и начал работать коллектив, собранный А. Беннигсеном из молодых тогда французских туркологов и русистов. Французские коллеги сумели привлечь к совместной работе и многочисленных в тот период эмигрантов из Турции (вспомним жестокие гонения, обрушенные в 1950–1960-е годы турецкими властями на левую университетскую профессуру). Многие документы, как подчёркивали в своих позднейших публикациях французские учёные, переводились и обсуждались коллективно. Для них такая совместная работа стала хорошей школой (что я опять-таки воспринимаю с большой завистью). Позднее они расширили свою источниковую базу и за счёт документов подобного же содержания, хранящихся в других турецких архивах (архив дворца Топкапы и некоторые другие).

Мы, советские туркологи, не сразу приобщились к этим французским публикациям, так как прежде, чем собрать свои работы вместе и подать их общей публикацией, французские коллеги печатали их в разных журналах, но главным образом в «*Cahiers du monde russe et soviétique*» — издании, хранившемся у нас в спецхране, т.е. являвшемся для многих специалистов библиографической редкостью. Сложилось так, что научная школа А. Беннигсена оказалась тогда монополистом в разработке османо-тюркских документов по истории Восточной Европы. Идеологические шоры, поставленные в этом плане в СССР, породили много ошибок и непонимания, что, на наш взгляд,

продолжает сказываться до сих пор. Тогда же в СССР существовал полный отрыв друг от друга двух отраслей научных знаний — тюркологии (т.е. всего, что касалось истории и культуры тюркских народов, проживавших на территориях Российской империи и СССР) и туркологии (в данном случае — истории Османской империи). Специалисты, пытавшиеся преодолеть этот разрыв, нередко обвинялись в пантюркизме со всеми следовавшими за этим оргвыводами и репрессиями. Поэтому тюркско-турецкие связи у нас почти не изучались, а османские источники по Восточной Европе долгое время оставались не востребованными. В настоящее время главные французские публикации по этой проблематике переведены на русский язык. В Турции начата публикация томов «Mühimme Defteri». Копии многих документов, касающихся истории Среднего и Нижнего Поволжья, Генеральное управление государственных архивов Турецкой Республики передало архивному ведомству Республики Татарстан. Итак, как видим, «падчерица мировой истории» и тогда, и сейчас — далеко не бесприданница, успехи в её изучении немалые, но предстоящей работы и, главное, возможностей новых открытий — ещё больше.

Можно отметить ещё одну особенность в развитии османистики, о которой как об одной из самых характерных говорил на одном из конгрессов Турецкого исторического общества Стэнфорд Шоу, — феминизация нашей отрасли науки. Не знаю, хорошо это или плохо, но убеждена в большом научном вкладе в османистику таких учёных, как И. Меликофф, Э. Захариаду, С. Фароки, К. Финкель, З. Весела, О. Зироевич, М. Иванич, М.-М. Александреску-Дерска, В. Мутафчиева, Ш. Лемерсье-Кельеже, Е. Грозданова, Б. Цветкова. Этот список явно не полон. Например, я с восторгом прочла книгу Х. Вурм о Хюсейне Хезарфене.

На мой взгляд, это блестящая работа, но других работ этой османистки я не обнаружила.

И ещё одно замечание – уже о жизненных проблемах османов. Многие из них, особенно те, что работали в США, выработав определённый стаж, начали получать американскую пенсию. Пенсионерам в США работать в университетах не положено. В Турции же можно, заработав пенсию на государственной службе, продолжить трудиться в частном секторе и зарабатывать ещё одну пенсию. Одна из турецких коллег мне рассказывала, что её муж-генерал, получая довольно приличную военную пенсию, пошёл работать в одну крупную фирму (разумеется, не на низшую должность) и скоро начнёт получать ещё одну пенсию. По её словам, их старость теперь была обеспечена не хуже, чем во время их трудовой деятельности. Такой возможностью пользуются и многие профессора — османисты. В Турции есть несколько весьма авторитетных частных университетов, которые, желая повысить свой престиж, с удовольствием берут на работу иностранных профессоров с высокой научной репутацией. Это, в свою очередь, очень повысило качество научной подготовки, которую университеты дают своим студентам. По крайней мере, в истории и османистике это именно так. Как я могла наблюдать, за последние 30 лет очень многие более-менее известные тюркологи-османисты из США и Европы продолжали свою карьеру в Турции. Но хотя общий научный уровень это подняло, в идеологическом плане турецкая историческая наука кое-что и утратила в своей самобытности.

И ещё несколько наблюдений о турецкой организации науки и образования. Думаю, это может быть интересно нашему читателю. Находясь на территории кампуса Ближневосточного технического университета, европеизированного, англоязычного, я удивилась тому, что среди

студентов больше девочек, чем мальчиков. Спросила об этом сопровождавшего нас с Е. И. Уразовой преподавателя университета. Он согласился и объяснил это тем, что, по его мнению, девочки более старательны (*çalışkan*), а также рассказал о правилах приёма в университет. Мы тогда впервые услышали об экзаменах в форме тестирования и о том, что у нас сейчас называется ЕГЭ. Тогда наш турецкий гид очень расхваливал эту систему. Вопросы для экзамена, как он говорил, заранее не известны. Они едины по всей стране, а составляющие их профессора перед экзаменом изолированы от общества. Поэтому даже министр не может протолкнуть в университет своего отпрыска, сообщив ему заранее содержание вопросов. Возможно, в турецкой организации этой системы и было что-то разумное, но года через два после этого разговора у нас в институте выступал министр просвещения Турции. К тому времени во властных структурах страны произошли большие перемены, и к власти впервые пришло происламское правительство. Мы ещё не оценили в то время значение этих перемен и не знали, какие сферы жизни турецкого общества они затронут. Спрашивали министра о многом, в том числе и об этой системе экзаменов-тестирований. Он ответил, что это порочная система, которая разучивает студентов думать. В нашей стране тогда только начинали вводить систему ЕГЭ. В Турции же уже поняли всю его неоднозначность. То есть мы подбирали то, что другие уже отвергли. Обидно. Образование — это очень значимая для общества сфера, и с ней надо быть предельно осторожным. Сейчас, когда общественное мнение у нас явно осуждает систему ЕГЭ и назревают необходимые перемены, страшно, что наши руководители опять пойдут всё реорганизовывать привычными для революционеров разрушительными методами. В гуманитарной сфере мы одно поколение уже потеряли.

А ведь именно оно будет проводить реорганизацию. Есть опасность, что можно снова «наломать дров». Ведь необходимо, учитывая все факторы, искать своё, а не возвращаться назад или заимствовать чужое.

Хочу отметить ещё два момента из турецкой научно-образовательной практики, с которыми, как мне кажется, не всегда можно согласиться.

Во-первых, при учёте выполненной научной работы в Турции не поощряется заниматься, пусть даже углублённо, одной темой. В отчётах требуется многотемье, «широта научного кругозора». Когда приезжавшим к нам начинающим турецким научным работникам я говорила: «Ты разбрасываешься, доведи до конца одну тему, а потом уж берись за следующую», — они отвечали: «Мне это не зачтётся, нужно показать, что я могу и что-то другое».

Во-вторых, очень строго в Турции блюдут такое правило: заведование одним научным подразделением не может длиться дольше двух сроков, даже если нет нового подходящего кандидата, а нынешний хорошо выполняет свои функции. Бывало, что после маститого и уважаемого заведующего кафедрой его сменял чуть ли не недавний аспирант. Но закон есть закон. Турция — очень бюрократическая страна, и отступление от правил там невозможно даже тогда, когда оно было бы разумно.

Глава III

«МЫ ВОВРЕМЯ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ИМПЕРИИ»

В начале своих научных занятий я ёрничала перед коллегами по сектору Турции, которые буквально все были нацелены на изучение современной Турции и пытались вовлечь в это и меня: «Не знаю, чем вы занимаетесь, я вот изучаю великую державу».

Позднее, больше узнав и глубже войдя в тему, я любила начинать свои выступления и статьи, посвящённые российско-османским отношениям, словами: «Российская и Османская империи складывались и развивались во многом похоже, синхронно, в начале своего существования независимо друг от друга, каждая в своём геополитическом пространстве». Примерно так я и начала свою речь перед историками Анкарского университета в раннее перестроечное время, когда мы, советские историки, были всем интересны уже одним фактом, что смогли приехать из-за «железного занавеса». Разговоры были тогда очень познавательно-полезными и довольно откровенными. В ответ на привычное для меня введение из аудитории турецких историков была брошена реплика (напоминая, что это было в конце 1980-х годов, когда СССР был ещё жив и ничто не предвещало его распада): «Да, это так, но мы вовремя

избавились от империи». Когда я в Москве рассказывала об этом разговоре своим коллегам, было много шуток: «Ха-ха, избавились, их избавили и т.п.». Но уже буквально через год-другой мы все пережили нечто подобное. Причины, степень, последствия разные, но суть общая: трагедия распада великого государства.

Мы все знаем, что Турция трудно преодолевала своё имперское прошлое и в конце концов сумела добиться значительных успехов в национальном государственном строительстве. Была и борьба с оружием в руках, и выработка новой идеологии, и отказ от активного участия в кровавых событиях Второй мировой войны. Всё это уберегло турецкую национальную государственность. Сумеет ли она устоять на позициях страны зрелой, разумной, осторожной, мудро оберегающей свою выстраданную государственность и не участвующей в авантюрах глобального характера, — покажет время. По крайней мере, сейчас у неё есть возможность без каких-либо агрессивных поползновений стать региональным лидером в мусульманском мире, взаимно обогащать свой культурный и многий иной багаж за счёт дружеских контактов с другими тюркскими народами и государствами, использовать в свою пользу мировые трудности и своё возможное посредничество в международных конфликтах. Дай Бог, чтобы её лидеры не сорвались с этой разумной позиции и не устремились к каким-либо имперским авантюрам.

К сожалению, в современной мировой публицистике зачастую любая политическая инициатива турецкого правительства, в том числе разумная, выдаётся порой как стремление к восстановлению Османской империи. Османское прошлое в средствах массовой информации (причём, как правило, активнее за границей, чем внутри страны) всё ещё продолжают вспоминать и даже, я бы сказала, назойливо

напоминать о нём туркам. Иногда мне кажется, что это делается западной пропагандой сознательно, что сродни назойливым западным рассуждениям о стремлении современной России восстановить СССР. В нашей политической публицистике такие, порой неуместные и неразумные, напоминания об османском прошлом тоже присутствуют, но мне кажется, что у нас они повторяются просто по неразумию. На Западе же таким образом надеются преодолеть турецкую осторожность и превратить в будущем и Турцию в новый рассадник оголтелого национализма, который можно будет использовать в своих целях. Надеюсь, что национальный исторический опыт не позволит турецким лидерам скатиться в смертельно опасный для их государственности омут имперского реваншизма. В вопросах государственного строительства превалирование устремлений к расширению, а не к углублению и обустройству всегда губительно. Большой опыт в этом плане демонстрируют судьбы стран, появившихся или восстановивших свою государственность на территории бывшего османского региона. Это огромная тема. За её раскрытие я не берусь, но некоторые факты, которые я могла наблюдать лично, попробую изложить.

В 1986 г. в Будапеште проходила научная конференция, посвящённая 200-летию освобождения Буды (ранее самостоятельного города, части современного Будапешта) от османского владычества. Это событие в стране отмечалось торжественно. Была организована не только конференция (да и она была довольно представительна), но и различные концерты, представления, шествия и т.п. Любопытно, что, передавая мне официальное приглашение на эту конференцию, тогдашний заместитель директора нашего института китаист В. М. Солнцев, смеясь, рассказал, что заголовок приглашения «Буда. 1686» ввёл дирекцию в недоумение, так

как его восприняли как нечто связанное с буддизмом. Потом разобрались, в чём дело, и то лишь потому, что в приглашении было указано моё имя, а я с буддизмом ничего общего не имею. Этот факт знаменателен — он ещё раз показывает, что интересы института были ориентированы строго на Восток. Османская империя со своей евразийской расположенностью выпадала из этих интересов. То же самое наблюдалось и у балканистов — у них, напротив, далеко не всегда воспринимались восточные реалии османского времени.

Будапештское мероприятие оказалось очень знаменательным. Оно не имело антиосманской направленности. Были концерты как венгерской, так и турецкой музыки, разыгрывались сценки с турецким колоритом, возлагались цветы на могилы не только венгерских повстанцев (знаменательно, что присутствовали их потомки даже из украинского Ужгорода), но и последнего османского паши Буды. Само мероприятие именовалось не «освобождением», а «возвращением Венгрии в лоно европейской культуры». Известно, что в истории Венгрии было всякое: и войны, и разрушения, и лишение страны королевских регалий, и раздробление её территорий, и борьба за освобождение. Но венгры не вычёркивали эти сложные для них периоды из своей национальной истории. Всё это изучается, а не только обличается в антиосманском духе, как во многих других постосманских странах. Помню, что тогда на конференции присутствовали несколько коллег-женщин из различных славянских стран. Мы и раньше были знакомы, а потому при посещении различных мероприятий держались вместе. Между собой договорились, что каждая будет говорить на своём языке. Шутили, что хотя мы и не братья, как называют наши народы, но сёстры — а следовательно, поймём друг друга. В мой адрес (я была единственной рус-

ской) были шпильки: «Старших сестёр нам не надо». На что я парировала: «Не забывайте, что старшим всегда бывает труднее других». Ну да это были по своей сути дружеские перепалки. Меня принимали на равных, наши научные и личные отношения сложились ещё раньше, а после конференции контакты стали даже более активными. У нас тогда было много интересных разговоров, в том числе и по существу нашей профессии. Одна из югославских коллег, к тому времени уже авторитетный специалист по истории Османской империи, так прокомментировала настроение, царившее тогда в Будапеште: «Вот что значит европейцы (а тогдашняя Европа всем нам в то время казалась образцом межгосударственных отношений — С. О.). Умеют ценить и свой народ, и свою историю. Не то, что мы, балканцы. Мы ничего не любим — ни свою землю, ни своё государство, ни своё правительство, ни свою историю». Это горькое высказывание, очевидно, грешит преувеличением, но задуматься заставляет. Венгрия потеряла многие свои бывшие национальные территории. Она не забывает об этом (напомню хотя бы памятник венгерским князьям — стоящие полукругом конные статуи им установлены в Будапеште на одной из центральных площадей, и почти половину из них составляют трансильванские правители). Историю помнят, но не живут былым величием, а берегут и ценят ту собственную государственность, которую Венгрии удалось получить в результате сложных международных коллизий и после длительного существования в других государственных образованиях. Для моего собственного понимания ментальных трудностей постимперской жизни этого региона будапештская конференция была очень важна, заставив подумать о многом, на что ранее я обращала мало внимания. Мне приятно, что тогда и мой доклад о содержащихся в наших архивах материалах русских посольств, нестандарт-

тно рисующих ситуацию на Балканах в 80-е годы XVII в., хорошо прозвучал и даже был среди немногих удостоен специальной медали.

Совсем другая ситуация была на конференции в Болгарии, которая проводилась под покровительством патриарха Максима и была посвящена положению христианства в Османской империи. Конференция была довольно помпезна, на неё были приглашены многие западные специалисты по истории Османского государства. Казалось, всё было замечательно: интересные для общения люди, прекрасные условия размещения. Я тогда первый раз попала в эту страну. София меня пленила своими античными памятниками, парками с небольшими изящными скульптурами, жёлтой мостовой центральной улицы, памятником царю-освободителю, соборами, замечательными иконами и горным массивом с интереснейшим водопадом. Пообщались с коллегами, с многими из которых мы с Мишей Мейером, тоже участником предстоявшей конференции, были знакомы. От них узнали о некоторых трудностях, которые испытывали местные туркологи в последнее время. Дело в том, что в стране готовился, как у них говорили, «возродительный процесс». В Болгарии оставалось миллионное турецкое население. Власти боялись, что в их стране может произойти то, что совсем недавно случилось на Кипре, где обособилась турецкая община. Власти искали возможности избежать развития такого сценария в Болгарии и пытались сплотить население. К сожалению, начинали преобладать сторонники самых неумных, «топорных», методов. О последствиях этого напишу чуть позже. В то время это проявлялось пока лишь в критике тех османистических работ, где османский период болгарской истории подавался не с такой степенью осуждения и разоблачения, как ожидали инициаторы национально-охранительных мер. Самый примитивный

пример тогдашних претензий – объявлялось неправильным выражение «османское владычество». Следовало говорить «османское иго» или что-то подобное.

Началась конференция. В речах организаторов звучат резкие антиосманские выпады и заявления, что болгарский народ подвергнулся в империи наибольшему гнёту, массовой исламизации и отуречиванию (а ведь туркологам известно, что это не совсем отвечало реальности). Все участники конференции сидят за одним большим овальным столом, и мы видим, как иностранные османисты (конференция, повторяю, была очень представительная) начинают недоуменно переглядываться. Идти на скандал никому не хочется, но и соглашаться с подобными высказываниями, особенно с их фиксацией в итоговом документе, где твоё имя будет указано в качестве участника, тоже нет желания. Михаил Серафимович говорит мне тихонько: «Надо спасти братушек, пока не разгорелся скандал. Начнёшь?». Я выступила первой и стала говорить что-то в таком ключе: Османская империя просуществовала более половины тысячелетия. В её составе были разные области, каждая из которых внесла свой вклад в её развитие. Балканский опыт был использован империей, и благодаря этому ей удалось подтянуть до цивилизационного уровня многие периферийные области. Болгария внесла свой вклад в историю этого государственного образования. Его надо изучать. Далее я заговорила об успехах болгарских османистов, высоко оценивая их вклад в изучение Османского государства. Во время своей речи я чувствовала, как менялось настроение аудитории и спадало напряжение. Потом Миша меня подержал, ещё более развернув обсуждение в сторону османской историографии и болгарского вклада в неё. В этом плане стали выступать и другие иностранные участники. А чуть позднее, совершенно для нас неожиданно, попросил

слово протоиерей Русской православной церкви В. Г. Кучерявый, о присутствии которого на конференции мы не знали. Он выступил с очень яркой речью, прекрасно уловив и по-своему развив все наши доводы. Особым, религиозным, языком он подчеркнул тяжесть трагедий, пережитых народами, и недопустимость сопоставления глубины этих трагедий. Всё это было сказано разумно, спокойно, логично, интересно, необычно для нас по форме. Своим изложением я, конечно, упрощаю, а может быть, даже несколько искажаю его выступление. Передаю прежде всего своё впечатление и напоминаю, что это было до начала перестройки, ещё в советское время. Мы были совсем не подготовлены и к таким доводам, и к такому языку, но слушали и воспринимали его речь с восторгом. Он сумел примирить и местные религиозные круги, и османистов. Мы старались увести конференцию в сторону от опасных вопросов, он же сказал о самой сути: нельзя таким образом, как местные организаторы, выстраивать свои отношения с окружающим миром. Потом мы с Мишей подошли к Владимиру Григорьевичу (отцу Владимиру). Он был тогда заместителем директора по представительской работе Московской духовной академии (расположенной в Троице-Сергиевой лавре). Опытный и блестящий полемист. Для меня это знакомство стало духовным потрясением. Воспитанная в атеистическое время и в атеистической среде, немного знакомая с церковной архитектурой и живописью, но очень далёкая от церкви (хотя и любила говорить, что я человек православной культуры), я впервые почувствовала ту духовную силу, которую может нести в себе религиозная проповедь и даже просто умение использовать свойственные ей доводы в обсуждении и житейских, и научных проблем. Позднее я несколько раз была у Владимира Григорьевича в лавре со своими коллегами, моими детьми и приезжавшими в Москву болгарам. Лично

меня именно он сподвиг на то, что, хотя и в очень зрелом возрасте, я решилась креститься. Правда, к сожалению, воцерковлённой я так и не сумела стать. Насколько мне известно, года через полтора после нашего знакомства отец Владимир ушёл со своей тогдашней должности и принял другое религиозное служение. Жаль. Повторяю, как яркий, умелый полемист он мог бы принести большую пользу на международной арене. Знаю, что позднее он служил настоятелем Успенской церкви в Сергиевом Посаде, подняв её из руин, стал архимандритом, был одним из руководителей и солистом (головщиком) хора Троице-Сергиевой лавры. Сейчас, к сожалению, его уже нет в живых.

Тогда наша конференция прошла спокойно и академично, хотя первые звоночки неладного уже чувствовались. Позднее в Болгарии разразился этнополитический скандал. Власти объявили, что все болгарские турки являются болгарскими, насильственно обращёнными в ислам, и должны вернуться в состав своего народа, а для этого им следует сменить свои мусульманские имена, фамилии и даже имена своих родителей, на болгарские (или иные христианские). Были, очевидно, и другие подобные насильственные мероприятия, но именно это оказалось наиболее заметным, массовым и вызвало всеобщее удивление и недовольство. Помню, как наш болгарский коллега Джингиз Хаков вдруг превратился в Дженью Харькива. Потом, правда, ему разрешили сохранить прежнюю фамилию, так как его имя было известно в международных научных кругах. И смех и грех. Но были ведь и настоящие трагедии. Началась довольно многочисленная эмиграция турок из Болгарии в Турцию. Позднее я встречала в Турции таких переселенцев. Некоторые из них прекрасно устроились, но были и большие человеческие трагедии. Многие жаловались на насильственные действия болгарских властей при их переезде, на

разделённые семьи и т.п. Вот так в Болгарии в 1980-е годы проходила борьба с остатками османского наследства. Глупость получалась несусветная, но её пытались претворить в жизнь серьёзные государственные мужи. Сложно в подобных действиях разглядеть государственную мудрость, зрелость, бережное отношение к собственной государственности и уважение к своему населению.

Но вот другой пример. Вспомним Косово, исторически значимое место для сербского народа. Там началось вроде бы стихийное, а может быть, и сознательно организованное сосредоточение албанского населения. Наш коллега профессор университета Приштины Юсуф Гылдыран рассказывал о начале этого процесса. Сам он происходил из семьи помаков — болгар, принявших ислам (это иная этническая группа, чем те мусульмане-турки, которых в Болгарии насильственно пытались «оболгарить»). Этот народ помнил о своём болгарстве, сохранил язык, но оставил мусульманскую веру. По моим наблюдениям, в бытовом плане помаки были даже более привержены религиозным правилам, чем многие турки и албанцы-мусульмане. Так вот, как рассказывал Юсуф, в его родной деревне ещё в 1970–1980-е годы албанцы начали скупать дома и всячески пытались вытеснять из Косова не только сербское население, но и единоверцев-помаков. И вот, например, такая жизненная картинка: вечерами старики выходят посидеть на завалинке, побеседовать с соседями. Соседями дома его отца, купив дома, стали албанцы. Они вечерами тоже выходили, перекликались со своими соплеменниками, точили шашки и ножи и обсуждали, когда же они начнут резать этих сербов и помаков, которые им мешают. Тем самым они всячески побуждали последних продать дома и уехать из родных мест. Мы знаем, что позднее произошло с Косово, когда албанское население стало там преобладать, и что

за этим последовало. Как я слышала, сам Юсуф Гылдыран во время этих событий погиб. Не знаю, что случилось, но помню, что он был очень искренним, немного наивным человеком, добросовестным в своих научных занятиях, увлечённым собирателем альбомов классической живописи, искренне стремившимся к любому культурному познанию.

Многие проблемы этнических взаимоотношений на Балканах действительно до сих пор не урегулированы, а порою и очень опасны. К ним надо относиться осторожно и мудро. На этой проблеме продолжают играть те, кому выгодно разжечь там новое беспокойствие. Балканы уже были «пороховой бочкой» Европы перед Первой мировой войной. Обидно, но полученного урока пока, видимо, оказалось недостаточно. Амбиции и взаимные обиды всё ещё присутствуют в правящих кругах некоторых этих стран, мешают спокойно и достойно решать жизненно важные для их народов проблемы, не создавая при этом, как было в Болгарии, новых этнических конфликтов. Горжусь тем, что среди моих знакомых коллег-османистов были очень яркие борцы с «возродительным процессом».

Итак, общее имперское прошлое и многовековое совместное проживание совсем не способствуют мирному размежеванию при становлении новых национальных государств. Постосманский опыт в этом очень убедителен и разнообразен — как в положительном, так и отрицательном плане. В 1920-е годы, например, при разделе османской территории попытались применить метод насильственного переселения и обмена территориями. Тогда многие воспринимали это как нечто необходимое и разумное. Греков переселяли из Анатолии, а турок — с Балкан. Но такой метод обмена населением и территориями был приемлемым не для всех. Например, грекоговорящие переселенцы из Южного Причерноморья до сих пор вспоминают своё близ-

кое родство с лазами. Другая история в Болгарии. Одна из моих болгарских коллег рассказала мне, что во время туристической поездки по Греции все её болгарские спутники с сожалением и укором в адрес властей говорили о том, что Болгария не получила выхода к Эгейскому морю, а некоторые городки эгейского побережья они продолжали считать болгарскими. При этом никто не вспоминал, что Болгария за эти районы получила территории, ранее заселённые греками. Этот разговор состоялся, когда мы были с моей коллегой в монастыре Св. Кирика и Юлиты. По своей архитектуре он типично греческий, как и окрестные селения. Теперь это район Болгарии и заселён исключительно болгарами. Они считают его своим, а тот факт, что за него отдали часть территории в другом месте, полагают несправедливостью и ущемлением болгарского национального достоинства. Хочу подчеркнуть, что это общая проблема постимперского размежевания. Претензии к соседям, воспоминания об утерянных преимуществах в составе империи имеются почти у всех постимперских государств, но в разумном решении этих проблем и должна проявиться та национальная зрелость, которая только и позволяет народам иметь своё собственное национальное государство. Предки боролись за свою государственность, их потомки должны научиться её беречь и жить в согласии с соседями, признавая и их право на свою государственность.

Есть во всём этом ещё и другая проблема. Если свою государственность страна получила в результате международного конфликта, то многие трудности государственного становления можно переложить на те силы, которые помогали народу вырваться из состава империи. Формируется менталитет некоего иждивенчества — «нам недодали». Россия в XIX в. столкнулась с этим в полной мере. Напомню не раз цитируемое в последние годы в нашей публицистике

предсказание Ф. М. Достоевского: «... не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными!». Это и не плохо и не хорошо, это просто закономерная данность. Нашей стране это надо понимать, так как с подобными явлениями мы продолжаем сталкиваться и сейчас после распада Советского Союза. Помню проскочившее в печати высказывание одной известной грузинской актрисы: «Мы так хорошо жили в последнее время, думали, что после получения независимости будет ещё лучше. Но вдруг появились какие-то неожиданные проблемы, стало не хватать многого, к чему мы привыкли...» Вот из этого-то и рождаются многие обиды и претензии. Строительство своего государства требует собственных усилий и дополнительного, порой жертвенного, труда. Если же успех приходит не сразу, все трудности очень легко свалить на тяготы былого имперского прошлого и недостаточную помощь извне. В этой связи вспоминается мудрое предостережение А. М. Горчакова об опасности помогать тогда ещё внутренне не вызревшему балканскому освободительному движению, так как за предыдущие выступления и пролитую кровь претензии будут предъявлены именно России.

Разрушение империй — столь же сложный процесс, как и их складывание. Он требует осторожности, деликатности и времени. Османской империи нет уже более ста лет, а отзвуки её всё ещё сказываются на судьбах её бывших подданных. Память народов хранит многое, причём обиды дольше, чем благие дела. У каждого из её народов есть свои заслуги перед империей, было и что-то полезное, что она дала им. Однако хорошее часто замалчивается, вычёркивается из национальной памяти, чем многие народы обедняют сами

себя и предают своих предков. Думаю, что османистика призвана помочь преодолению этой проблемы. Она даёт такую возможность.

Распад империй нам памятен. К этой теме примыкает и ещё одна: почему такие государства-монстры (по европейским понятиям) вообще могли возникнуть и так долго оставаться организаторами социальной жизни огромных регионов. Я имею в виду империи мирового уровня, к которым относятся Российская и Османская. Благо это или зло? А может быть, некая необходимость для выживания и выравнивания уровня развития отдельных регионов, народов и освоения человечеством новых территорий? Сам термин «империя» широко используется, но трактуется по-разному, например: складывание Французской или Германской империй (в доколониальный период) — это просто заключительный этап этнического единения. В османском случае мы видим нечто иное, порой трудно объяснимое, — не только завоевание и поиск завоевателями новой родины, но и выработку условий для возможного длительного сосуществования мусульманства и христианства. Так было и в России, где формирование имперской структуры шло иначе, чем у османов, но в результате также наблюдалось сосуществование этих двух главных религий (и не только их), хотя руководящую роль в двух империях, как известно, играли разные конфессии.

Нам, россиянам, Османская империя особенно интересна тем, что её геополитическая, хронологическая, полиэтническая и конфессиональная схожесть с нашей страной, при всём различии целей в ранний период развития, породила в конце концов и определённую общность интересов. Эта общность заставляла противостоять Западу, не отвергая при этом кровных связей с европейской культурой и цивилизацией.

Восточное Средиземноморье, с центром в Константинополе-Стамбуле (Царьграде), на протяжении тысячелетий становилось базой различных имперских структур. Потому-то и стало широко популярным утверждение Николае Йорги: «Тот, кто владеет городом на Босфоре, обречён становиться создателем Великой империи». Почему? Неизвестно, но факт остаётся фактом, так происходило тысячелетиями. Как писал (правда, по другому поводу) Ф. М. Достоевский: «Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы». История – великий экспериментатор. Изучая Ближний Восток, мы волей-неволей наблюдаем и попытки построения чисто мусульманских государственных образований (халифатов), и попытки выделить особую территорию мусульманского мира так, как это попытался сделать великий завоеватель Тимур, отозвавший свои орды от византийского Босфора и московских лесов и болот (т.е. чуждого геополитического пространства), и враждебное обособление христианских стран, объявивших борьбу мусульманскому миру с его иной идеологией, и попытки обеспечить сосуществование христиан и мусульман в одном государстве, как было у османов и в России.

Стамбул в своё время страшил Кемаля Ататюрка, строившего турецкое национальное государство и стремившегося разорвать связи с имперским прошлым. М. Кемаль стремился к тому, чтобы этот город вернулся под власть нового турецкого государства, но так и не сделал его столицей. О мистическом воздействии Стамбула ярко пишет и современный турецкий писатель Орхан Памук. Я не берусь оценивать достоинства произведений этого лауреата Нобелевской премии по литературе. Это дело литературоведов и персонально каждого читателя. Но его психологические наблюдения о воздействии Стамбула на менталитет жителей и в целом на турецкое мировидение очень интересны.

Многие русские политические мыслители считали Стамбул «роковым» городом и для России, предостерегая своё правительство от продвижения российских пределов в эту сторону. Вспомним несколько наиболее ярких высказываний по этому поводу. В. А. Жуковский, являвшийся в своё время воспитателем царских детей, писал в 1845 г. одному из своих воспитанников, Великому князю Константину, в ответ на его восторженное письмо о Стамбуле, который тот незадолго до этого посетил, пленился его красотами и вспомнил о походах киевских князей на Царьград: «В Царьграде, который по своему чудесному положению среди двух знаменитых морей, по всем окружающим его очарованиям природы, искусства и воспоминаний исторических – имеет полное право быть столицей великой империи, православные русские цари исчезли бы для России за стенами султанского серала, вновь обращённого во дворец византийских властителей». И далее (особо обращая внимание!): «...роковой город. ...избави Бог нас от превращения русского царства в империю Византийскую. Не брать и никому не давать Константинополя — этого для нас довольно. ...России, для ее блага, для ее истинного величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное национальное развитие. ... Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно. ...Все завоевания для россиян уже вполне завершены». В ещё более сильных выражениях звучит эта мысль в статье известного общественного деятеля Б. Н. Чичерина, также являвшегося одно время воспитателем наследника царского престола — Николая (сына Александра II, из-за болезни рано ушедшего из жизни). В 1878 г. он писал: «...разные патриоты ... кричали, что надо водрузить крест над Святой Софией. Но русское правительство благоразумно воздержалось. Оно

видело, что этим может накликать на Россию новую и на этот раз уже европейскую войну. ... Для нас существенно важно, в чьих руках находится ключ к Чёрному морю. ... Балканский полуостров составляет естественную сферу нашего влияния», но «ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании Турции и о присоединении к себе Константинополя. Такое расширение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести переместился бы с севера на юг, в нерусские земли, через это владычество народность потеряла бы свою особенность и неизбежно получила бы второстепенное место. Россия ... безмерно расширив свои пределы, пала бы от внутреннего расслабления. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и встать у Средиземного моря». В другом варианте этой статьи предостережение ещё более сильное: овладев Константинополем, «Россия перестала бы быть Россией». Того же мнения придерживался Ф. М. Достоевский, отмечавший в «Дневнике писателя», что расширение России в османские пределы может толкнуть её на некую «азиатскую дорогу», и страна этого бы «не вынесла». Её развитие бы замедлилось и, более того, «её русская сила и её национальность были бы остановлены в своём ходе. Мощный великорус остался бы в отдалении на своём мрачном снежном севере, служа не более как материалом для обновления Царьграда». Константин Николаевич Леонтьев, соглашаясь, что Стамбул «роковой» для России город, предостерегает и от другого: «Образование одного сплошного всеславянского государства было бы началом... разложения России», разложением «той государственной формы, в которую вылилась политическая жизнь русского племени».

В истории обеих империй не раз бывали моменты, когда вставал вопрос о коренных поворотах и необходимости самосбережения самих имперских структур — об остановке

территориального расширения, а возможно, и об отказе от завоёванных территорий. Посмотрим с этой точки зрения на XIX в. Начнём с России и её отношений с Османской империей.

На протяжении всего XIX в., хотя Россия воевала с Османской империей четыре раза, власти очень осторожно подходили к проблеме расширения границ в османском направлении. После екатерининских войн границы России на юге и юго-западе стали опираться на такие крупные водные преграды, как Днестр и Кубань, установилась власть над значительной частью черноморского побережья. Россия к этому времени полностью реализовала те свои южные имперские амбиции, которые были оправданы и порождены геополитическими потребностями её существования в качестве великой восточноевропейской имперской державы. Вспомним, что в 1762 г. канцлер М. И. Воронцов, информируя Екатерину II в первые дни её восшествия на престол, сообщал, что на юге «Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать ... линии с знатным числом войск и пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности». А в 1802 г. В. П. Кочубей, близкий соратник Александра I в первые годы его царствования, констатировал, что проблема южных границ решена. Россия больше «не имеет нужды в расширении». Для неё теперь «нет соседей покойнее турок». Нельзя, однако, забывать, что, как писал С. М. Соловьев, к Турции, как в своё время и к Польше, «не переставали обращаться люди, считавшие своей обязанностью возбуждать вражду к России». На конгрессе Священного союза была сформулирована общеевропейская внешнеполитическая доктрина, названная «Восточный вопрос». Формально он был направлен против Османской империи и призван помочь освобождению от османского владычества балканских христианских народов,

но, как позднее констатировал А. М. Горчаков, Россия не могла «относиться к Востоку лишь с точки зрения чистой политики». «Родовые и религиозные симпатии» роднили её с христианским Востоком, выступая как некий «моральный мотив», который нельзя было не учитывать. На этом-то и играла европейская дипломатия, стремясь сосредоточить внимание России на османском направлении и тем самым отвлечь её от участия в решении судеб Европы. Но и на юге ей не позволялось быть единолично самостоятельной. Николай I, видя это и решая совместно с европейскими странами тогдашние греческие и сербские проблемы, заявлял перед началом войны 1828 г.: «Я докажу Европе, что не мечтаю ни о каких завоеваниях, будучи довольным своим положением, как оно есть». Приказывая И. И. Дибичу в конце войны отступить от Стамбула, а И. Ф. Паскевичу вывести свои войска из Малой Азии, царь объяснял: «Наша умеренность зажмёт рты всем нашим клеветникам, а нас самих мирит с нашей совестью».

Такая позиция не была некоей благотворительностью. Николай I никогда не отказывался от стремления усилить влияние России, в том числе и в османском регионе, но он понимал возможности и потребности России и в данном случае выступал как реальный политик. Были войны, конфликты, некие просчёты, но почти до самого конца XIX в. российские государственные деятели пытались не выходить из той геополитической ниши, в рамках которой Россия могла развиваться. Исключением, вынужденным и трудным (а может быть, с имперско-сберегательной точки зрения и совсем нежелательным) для самой России, стала кавказская политика. Ещё по договорам 1772-1783 гг. с Османской империей и Крымским ханством, в состав Российского государства вместе с Кабардой вошла и часть Осетии, зависевшей от Кабарды, а это означало российский

переход в Закавказье и непосредственное соприкосновение российских границ с грузинскими землями. В нашей историографии эти события обычно рассматриваются как нечто полезное для страны — создание «опоры России в случае новых столкновений с Турцией». Эта «опора» усилилась ещё больше, когда Ираклий II, царь Восточной Грузии, заключил с Россией Георгиевский трактат (1783 г.). Россия получила право ввести в Тбилиси свои войска и обязалась защищать это грузинское государство от внешних врагов. Нельзя забывать, однако, что это означало и проникновение России в иное, закавказское, геополитическое пространство. Относительная лёгкость такого продвижения заставляла забыть о мотивах целесообразности и трудностях в освоении новой территории, хотя предостережения в этом плане в российском обществе звучали.

Позднее, как известно, Картли и Кахетия были включены в состав Российской империи. Принятие этого решения на российском Государственном совете (апрель 1801 г.) сопровождалось большими возражениями. Высказывались сомнения в возможностях России надёжно защитить эти области от нападений Ирана и Турции, что свидетельствовало не о безразличии Государственного совета к судьбам единоверного народа, буквально истекавшего тогда кровью от вторгавшихся в их земли иранских войск (см. об этом интереснейшие работы О. И. Гигинейшвили), а о той ответственности, которую чувствовали российские правящие круги в отношении новых подданных, и понимании опасности расширения пределов империи столь далеко на юг. Постепенно все, веками раздроблённые на отдельные княжества, грузинские земли были собраны воедино под российской государственной властью, но установление необходимой связи с ними обрекло Россию на почти столетнюю Кавказскую войну, потребовало больших вложений

сил и средств для освоения нового региона, отвлекая, естественно, от других областей государства. Россия и по своему жизневосприятию, политическим потребностям и даже по бытовому менталитету больше повернулась к Востоку.

Николай I, ведя свою османскую политику в контакте с «концертом» (как тогда говорили) европейских держав и считая себя равноправным членом этого «концерта», предложил своё решение Восточного вопроса: «Все христианские области Турции» вернуть в то, «чем были, княжествами, христианскими государствами, и как таковые вернуться в семью христианских стран Европы». Кстати, нечто подобное предлагалось ранее и в так называемом «Греческом проекте» времён Екатерины, который был объявлен (и до сих пор так и трактуется в исторической литературе), как доказательство российских «агрессивных» намерений в отношении Османской империи. Казалось бы, в Европе такое предложение должно было быть воспринято как разумное, явно назревавшее и в конце концов, как мы знаем, претворённое в жизнь. Кстати вспомним, что в европейских правительственных кругах выдвигалось тогда множество «прожектов» такого рода. Многие из них были очень радикальны. Они всё ещё продолжают выявляться и публиковаться как некие утопические предложения. Сами же такие публикации особого интереса не вызывают, рассматриваются как некие политические курьёзы. Но екатерининское предложение исходило от России и тем испугало Европу, заклеившую и испугавшуюся его как проявление опасной для них самостоятельности России. Так произошло и в николаевское время. Желание Николая I приступить к осуществлению таких намерений, выразившееся в требовании царя предоставить России право религиозного покровительства православных подданных Османской империи, а также в попытке защитить в этом плане Дунайские

княжества (что позволялось России по заключённым ранее международным договорам), европейская общественность восприняла как начало российской агрессии против Османской империи. Россия была тогда вовлечена в войну фактически со всей Европой. Но в тогдашних российских действиях можно увидеть и совсем иное. Россия предлагала освободить Османскую империю от балканских христианских народов, становившихся для неё чуждыми, и, возможно, тем самым спасти её имперскую сущность. Да и к себе Россия их присоединять не предполагала.

В той общеевропейской войне 1853–1856 гг. Россия потерпела поражение, правда, на мой взгляд, не столько материальное, сколько моральное, и в чём-то отрезвляющее, заставившее её больше обратить внимание на внутренние проблемы. То же произошло и после победоносной войны 1877–1878 гг. Александр III, в молодости являвшийся одним из активных сторонников войны 1877 г., а позднее вкусивший военные «прелести» той войны, в период своего правления оказался царём, который не вёл ни одной войны. Осмелюсь предположить, что тут не обошлось без влияния процитированного нами ранее мнения Б. Н. Чичерина с его резкой оценкой антиосманского направления в государственной политике. Известно, что прежний воспитатель Александра III К. П. Победоносцев, который был противником Чичерина и считал его точку зрения неприемлемой для русского человека, вынужден был, вопреки собственной воле, передать чичеринскую записку Александру по его собственной просьбе.

От политики осторожности и умеренности в своих внешнеполитических амбициях Россия отошла в последние годы XIX в., включившись в процесс империалистического раздела мира. Были забыты предостережения Ф. М. Достоевского: «Не нужно нам воинственной политики, не нужно

дальнейших завоеваний...». Россия «служила... в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам». У нас свои большие внутренние проблемы: «...вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё ещё как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Устремление же на юг, овладение проливами и Константинополем для России «было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, ... потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм. Идею эту не видят и не признают ... разве уж самые слепые из русских европейцев, да вместе с ними, и к стыду их, биржевики. Биржевиками я называю здесь условно всех вообще теперешних русских, которым, кроме своего кармана, нет никакой в России заботы».

К началу вступления России в роковую для неё Первую мировую войну она полностью отошла от былой позиции здравого смысла. К этому времени крупная российская буржуазия начинает претендовать на активное участие в межимпериалистической борьбе за колонии и рынки. Для оправдания своего, как определял его В. П. Рябушинский, «здравого милитаризма» тогдашние лидеры России начали привлекать старые идеологические теории византизма, «третьего Рима», различные религиозные и панславистские лозунги. Претензии к Османской империи они стали определять как «завершение старого нашего незавершённого исторического процесса». Лидер кадетов П. Н. Милюков конкретизировал планы следующими словами: «полное обладание» Россией проливами Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов» и объединение под протекторатом России Армении в её этнографических границах. Именно на юг, по мнению некоторых российских публицистов того времени (С. А. Котляревского, например),

передвинется «экономический центр». Следовательно, предостережения В. А. Жуковского и Б. Н. Чичерина, как никогда ранее, становились актуальными. Россия могла перестать быть Россией. Об этом напоминал сборник материалов и извлечений «Россия, Царьград и проливы», изданный в 1915 г. под редакцией и с предисловием Р. Стрельцова, где непонимание опасности и «полное незнание» с проблемой отмечалось «не только у заурядных обывателей, но даже у людей, играющих руководящую роль в нашей общественной жизни». Отказ от былой сдержанности и этот новый имперский авантюризм во многом опирались на те европейские обещания, которые вытекали из предвоенных международных договоров. Сами же авантюрные высказывания того времени дали материал для утверждений, до сих пор бытующих в исторической литературе (а порой и в политике), о постоянной и непримиримой враждебности, будто бы существовавшей между двумя империями. Забыты были и бывшие договорённости, и геополитическая целесообразность, присутствовавшая в том территориальном разграничении, которое было установлено ранее.

Итоги Первой мировой войны оказались губительными для обеих воевавших друг против друга империй – Российской и Османской, хотя и находились эти империи в противоположных воюющих лагерях. Россия, напомним, оказалась единственной страной победившего блока, которой пришлось уступить стране, побеждённой в мировой войне, свои анатолийские владения.

Все эти вопросы российского имперского строительства были мною уже не раз затронуты в книге С. Ф. Орешковой и Н. Ю. Ульченко «Россия и Турция: проблема формирования границ» и ряде статей, некоторые из которых помещены в моей книге «Общий очерк истории Османской империи». Кроме того, в книге «Крымское ханство в XV-

XVI вв.: (к вопросу о роли османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы)» подробнее изложены взгляды автора на османское имперское становление.

Российская империя перестала существовать. Правда, после кровопролитной Гражданской войны большевикам удалось собрать воедино основную часть имперских владений и реорганизовать их по-новому. Во введённом ими внутригосударственном делении было много геополитических ошибок. Некоторые из них за значительный исторический период существования советского государства удалось как-то сгладить, но были и ошибки рокового характера. На одну из них в ряде своих статей указывает Н. А. Нарочницкая, ссылаясь на мудрое пророчество П. Н. Дурново, содержащееся в его докладной записке царю, поданной в январе 1914 г. Речь шла тогда о Галиции, которая, как мы знаем, была присоединена к территории Советского Союза при И. В. Сталине в предвоенное время. Дурново же за четверть века до этих событий предостерегал: «Нам явно не выгодно... присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь». Более того, присоединение этой области «крайне опасно», так как увеличит «число беспокойных украинских элементов» и может стать «зародышем крайне опасного малороссийского сепаратизма». В этой же записке П. Н. Дурново говорит и о российских целях в отношении Османской империи. На тогдашнюю шумиху по поводу необходимости завоевания Россией Черноморских проливов он отвечал, что чисто географически «выхода... в открытое море проливы нам не дают». «Россия смело могла бы приветствовать такую комбинацию, которая, не передавая непосредственно в наши руки проливов, обеспечила бы нас от прорыва в Чёрное море неприятельского флота. Такая комбинация... вполне

достижимая без всякой войны, обладает ещё и тем преимуществом, что она не нарушила бы интересов Балканских государств, которые не без тревоги и вполне понятного ревнивого чувства отнеслись бы к захвату нами проливов». Предупреждал Пётр Николаевич и о том, что «в Закавказье мы, в результате войны, могли бы территориально расширяться», но «лишь за счёт населённых армянами областей, что, при революционности современных армянских настроений и мечтаниях о великой Армении, едва ли желательно». Расклад сил был таков, что этим империям не за что и смертельно опасно было идти на конфликт друг с другом, но все мудрые предостережения, а они были и с османской стороны (В. И. Шеремет, анализируя позицию османских дипломатов того времени, писал, что «они очень не хотели воевать»), оказались проигнорированными. Вступив в Первую мировую войну, обе империи начали явное движение к своей гибели.

В Османской империи складывались свои взгляды на судьбу собственной государственности и её предназначение. Вторая тюркская миграционная волна из Средней Азии (первая была в XI в.), связанная с монгольским разгромом региона в XIII в., включала в себя не только мобильных скотоводов и воинов, как было в первой волне, но и многочисленное население, имевшее опыт оседлой жизни, земледельческого и ремесленного труда. Будучи изгнанными монголами со своего бывшего местожительства, они стремились найти в завоёванных землях новую родину. Все османские султаны, вступив на престол, давали клятву своим воинам вести их и далее на новые завоевания, вплоть до овладения мифическим «красным яблоком» («kızıl elma») — символом окончания мусульманского продвижения в новые земли. Вначале таким яблоком считался Константинополь, затем речь шла о Риме, а последним

вожделенным объектом завоеваний стала Вена (1683 г.), т.е., складывавшаяся империя долго не могла определить пределы желаемого территориального расширения. Более того, во второй половине XVII в., в условиях глубокого кризиса той общественной структуры, в рамках которой она развивалась ранее, османы попытались выйти за рамки той геополитической средиземноморской ниши, которая была колыбелью их становления. Новым направлением для расширения своих границ они попытались сделать тогда южные восточноевропейские территории.

У османов и ранее уже наблюдались попытки проникнуть на север Каспийского моря и утвердиться в Астрахани, но окончились они в 1569 г. гибелью османской армии, причём не от противостояния с противником (до военных действий дело тогда не дошло), а от жары и безводья. Больше на этой отдалённой окраине османы своих военных действий не возобновляли. В источниках сохранилось и описание событий 1640–1642 гг., когда казаки самовольно захватили османскую крепость Азов и хотели её передать под власть России. Россия, как известно, отказалась от этого подарка, не желая ссориться с османами. Крепость пришлось вернуть прежним владельцам. Конфликт был погашен, но известно, что перед этим в османских армейских подразделениях, присланных для отвоевания крепости, царил паника. Окружающую обстановку оценивали так: «С одной стороны — море, на севере — Кефиристан, на востоке и юге — степь Хейхат!», т.е. безжизненная и смертельно опасная область. Наступает зима, «безжалостная, как сабля», когда море промёрзнет и холод закуёт дороги. Северные причерноморские земли воспринимались ими тогда как некий край света. Но ко второй половине XVII в. настроения стали меняться. Османы приблизились к региону с запада.

К этому времени восточноевропейские степи, превратившиеся после распада Золотой Орды и изменения климата региона в так называемое Дикое поле, становятся более пригодны для пашенного земледелия, чем для кочевого животноводства. Природные изменения вели в этом районе и к новому политическому разграничению.

Пионером вольной колонизации Дикого поля являлось казачество, миграционные потоки которого были связаны как с Россией, так и с польско-литовской Украиной. Украинский миграционный поток в Дикое поле был зачастую стихийным, он особенно усилился после Люблинской унии 1569 г., объединившей королевскую Польшу и Великое княжество Литовское. Украинские казаки и крестьяне с охотой устремлялись в этот, запустевший было в эпоху татарского владычества, район и надеялись там укрыться от гнёта польской администрации и польских панов, под власть которых после унии были переданы украинские земли. Именно в эти годы происходит и закрепление запорожского казачества в районе днепровских порогов (т.е. у самых границ Крымского ханства — османского вассала). Это казачество формировалось в условиях, когда в турецко-татарско-польско-русском пограничье возможно было заниматься земледелием или какими-либо промыслами, лишь ведя полувоенный образ жизни, причём не только защищаясь, но и нападая самим. Со временем казацкие рейды на крымские и турецкие прибрежные земли стали настоящим бедствием для причерноморского региона. Казаки разбойничали на море и грабили прибрежные поселения. В начале XVII в. на Чёрном море порой разыгрывались настоящие сражения, во время которых от казацких «чаек» страдал даже османский флот. Казацкие отряды появлялись по всему Причерноморью, включая окрестности Стамбула. Черноморский регион был тогда внутренней османской об-

ластью, интегрированной в османскую экономику. В турецкой и западной историографии (см. работы Х. Иналджика, К. М. Кортепетера и др.) начало упадка региона и османские навигационные запреты того времени связывают именно с казацкими рейдами на османские черноморские владения. Эти рейды действительно оказывали дестабилизирующее воздействие на торговую жизнь и материальное благополучие многих областей региона (блестящий материал об этом приводит Эвлия Челеби), хотя, конечно, в условиях социального, экономического и политического кризиса, который переживала Османская империя с конца XVI в., это явилось не единственной причиной ослабления здесь турецких позиций и той озабоченности, которую стали проявлять османские власти в отношении региона.

К этому времени из общего христианского населения пограничья («русов», как его называли в османских источниках) начинает выделяться казачество, которое, как и приходившее с севера, ориентировалось на Россию. Происходило этническое размежевание. В османских источниках спустя время их стали называть «московами». В качестве особого этнического элемента они постепенно вливались в формировавшуюся русскую нацию, как некий её южный компонент.

Начиная с 1648 г. многие лидеры украинского казачества в своей борьбе с польской властью не раз обращались за помощью к крымским ханам. В сложной внутренней и международной обстановке, в которой оказались тогда украинские области Речи Посполитой (а Россия, в свою очередь, в этом вопросе проявляла сдержанность и осторожность), казаки видели в ханах единственно возможного союзника в их антипольской борьбе. Казацкие отряды, кстати, не раз участвовали и в татарских набегах на польские и русские земли. У них даже была договорённость,

что при дележе добычи татары получают полон (пленных), а казаки грабят поселения. Некоторых гетманов привлекал и тот относительно свободный статус османских вассалов, в котором находились в Османской империи правители её северных вассальных владений — Валахии, Трансильвании, Молдавии, самого Крымского ханства и некоторых северокавказских владетелей. Жёстких рамок дозволенности, в которые империя ставила своих вассалов, они тогда ещё не чувствовали.

Установить более тесное сотрудничество не только с ханами, но и с самим Османским государством первым сумел Пётр Дорошенко. Начав своё возвышение как ставленник крымского хана (1665 г.), ведя переговоры с Москвой и одновременно установив связи с мятежным населением днепровского Левобережья, Дорошенко стал в конце концов гетманом «обеих сторон Днепра». Тогда-то он и обратился уже не к крымскому хану, а к османскому султану, прося подданства и защиты. Это обращение в корне изменило положение в Северном Причерноморье. Именно тогда османские власти пришли к выводу, что в северном пограничье, которое ранее они не считали привлекательным и традиционно оставляли в компетенции крымских ханов, можно получить выгодные для себя земли и тем спасти рушившуюся у них тогда тимарную систему. К тому же в лице украинцев они увидели силу, способную помочь осуществить новое расширение без особых трудностей. Петру Дорошенко была отправлена султанская грамота о принятии его в османское подданство и присланы такие символы инвеституры османского вассалитета, как бунчук, барабан, знамя (1669 г.). Начавшаяся вслед за этим война с Польшей на первых порах подтверждала надежды султанских властей. Был легко взят Каменец-Подольский (1672 г.). По миру, заключённому с Польшей в том же году,

Подолія перешла под власть османского султана, Киевщина и Брацлавщина как вассальные османские территории были оставлены под управлением П. Дорошенко. Последовавшая затем война с Россией (1676-1681 гг.) территориальных приращений османам не принесла, но после неё впервые было зафиксировано наличие общей границы между этими двумя государствами. Границей был объявлен Днепр, но с добавлением к этому «в сторону царского величества» Киева с его ближайшими окрестностями, которые находились на правом, турецком, берегу Днепра. Территория между Бугом и Днепром должна была оставаться безлюдной и пустынной, где обе стороны обязывались никаких новых поселений не заводить.

Итак, впервые было документально зафиксировано геополитическое соприкосновение этих двух, имперских по своей сути (т.е. сложных по этнорелигиозной и социальной структуре), государственных образований. Для османов это было вторжением в чуждую для них геополитическую зону. В империи были деятели, понимавшие это и даже пытавшиеся противостоять таким намерениям. Против Чигиринских походов 1677-1678 гг. возражал шейхульислам Чатаджалы Али-эфенди, так и не давший великому везиру своей благословляющей эту войну фетвы. О непопулярности войны говорил русскому гонцу Поросухову в 1678 г. переводчик дивана Александр Шкарлат-Маврокордато. Хорошо уловил ситуацию и П. Б. Возницын, русский дипломат, ездивший в Стамбул в 1681 г. для подписания русско-османского мира: турки, «хотя Чигирин взяли, однако его бросили и не держали, потому что им за отдалённостью... держать было нельзя», «они не так войной, как отдалённостью и всякой нуждой пропали и едва возвратились». По его сведениям, если бы мир с Россией не был подписан, то тогдашний великий везир неминуемо был бы устранён со

своего поста. Итак, «отдалённость», т.е. геополитически это уже иной регион, не нужный и опасный для империи.

В дальнейшем, как мы знаем, попытки османов как-то обосноваться в этих новых для них землях успехом не увенчались. Благодатная Подолия, жители которой, уставшие от внутренних распрей, встречали османские войска «хлебом и мясом», была взята под центральное имперское управление, где османские власти попытались даже ввести свою традиционную тимарную систему землепользования. Однако получившим там владения тимариотам нужна была земля обихожённая, сразу же дающая доход. Подольскую же «руину» нужно было ещё восстанавливать. Потому-то, как свидетельствуют османские источники, новые её хозяева, не получая желаемого, буквально бежали оттуда. Даже снабжение турецкого гарнизона крепости Каменца-Подольского вынуждена была взять на себя соседняя Молдавия. Османские завоевательные устремления были направлены тогда к уже знакомой им Центральной Европе, «гяурскому раю», как назвала её одна из османских хроник. Там, однако, также из-за отдалённости, им пришлось вести военные действия на крайних пределах тех возможностей, которыми располагала кавалерийская армия, действовавшая по тогдашним традициям ведения войны. Разгром османских войск под Веной в 1683 г. и начавшаяся война с объединённой европейской «Священной лигой» (1684-1699 гг.) положили конец османскому территориальному продвижению и в этом направлении.

Итак, территориальное расширение империи закончилось. Напомню, что к этому времени ударные армейские силы и многие административные функции империя отдала в руки кыпыкулу («рабов августейшего порога», выходцев из недавно обращённых в ислам представителей имперских нацменьшинств). Природные турки-мусульмане роптали:

все наши беды идут оттого, что нами управляют нетурки – эджнеби. Для самосохранения империи явно нужны были внутренние преобразования. Они начались, но не теми темпами и не всегда в том направлении, которое требовала жизнь. О реформах написано довольно много, но эта тематика не входила в круг моих научных изысканий, так что ограничусь лишь более знакомыми мне проблемами внешнеполитического воздействия на судьбу Османской империи и появлением в европейской политике так называемого «Восточного вопроса».

Зафиксировав в 1681 г. свою непосредственную границу с Османской империей, Россия как бы приблизила себя к тому региону, где шла борьба европейских стран с османским нашествием. Сложившаяся в 1684 г. антиосманская «Священная лига», в которую вошли Австрия, Польша и Венеция, объявила о «приглашении к участию в ней всех христианских правителей, но особенно (это подчёркивалось) царей московских». Будучи наиболее заинтересованным в присоединении России к антиосманской коалиции, польский король Ян III Собеский вынужден был пойти на ряд уступок, главной из которых было признание Речью Посполитой Киева и Запорожья, как находившихся во «владении и державе» Российской. Это было зафиксировано в русско-польском «Вечном мире» 1686 г. — Россия, в уплату за польское признание и так уже фактически находившихся в её власти территорий, обязалась разорвать выгодный для неё мир с Османской империей и присоединиться к антиосманской «Священной Лиге». В рамках военных действий «Лиги» русскими войсками были предприняты так называемые крымские походы В. В. Голицына, а позднее и Азовские походы Петра I. Приходится констатировать, что с этого времени не было ни одной войны России и Османской империи и ни одного договора между этими державами,

которые можно рассматривать как исключительно двусторонние. Европейская дипломатия, прямо или закулисно, но обязательно выступала в них участником. Фактически для России именно с 1686 г. начинается тот Восточный вопрос, который предусматривал коллективное европейское решение всех проблем, связанных с присутствием Османской империи в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Возможен ли был иной подход к проблеме? Да, его в своё время предлагал А. Л. Ордин-Нащокин, руководитель российской внешней политики в период правления царя Алексея Михайловича. При заключении мира с Османской империей в 1681 г., уже будучи в отставке, Ордин-Нащокин писал молодому царю Фёдору Алексеевичу: «... ныне по турецкой склонности к миру» надлежит «с салтаном турецким царству Московскому искать крепкого мира», но при этом «королевство Польское от совету общего не отлагать». В это время, следовательно, в русских правящих кругах была надежда на возможность мирного трехстороннего (польско-османо-русского) размежевания интересов в Восточно-Европейском регионе. Обязательное трехстороннее решение было необходимо потому, что, по мнению Ордин-Нащокина, именно польские интриги привели к русско-османской конфронтации. Непосредственных же претензий друг к другу у османов и России не существовало.

Мудрый совет Ордин-Нащокина не был претворён в жизнь. Проблема, как мы знаем, разрешилась иначе. Россия отказалась от мира с османами, встала на сторону антиосмански настроенных европейцев и фактически отдала решение судьбы своих южных границ под контроль европейского сообщества.

При Екатерине II Россия сумела добиться выгодного для себя территориального разграничения с Османской

империей и возможности опереть свои границы на определённые естественные рубежи. Международная обстановка помогла ей в этом, так как европейские страны, занятые своими проблемами, оказались вынуждены смириться с утверждением России в Северном Причерноморье. Да и правительство Екатерины II было достаточно осторожно и умеренно в своих запросах. Снова напомним екатерининский проект о создании по периметру османских границ восстановленных христианских государств. Но тогда время ещё не пришло, и Россия отступила. Известно, что единственным последствием этого проекта стало имя Константин, данное второму внуку Екатерины. Российские власти при Екатерине, получив желаемое, не пошли на конфликт и не перешли тех границ дозволенности, которые вынуждена была предоставить России Европа, занятая другими европейскими межгосударственными проблемами.

Внутри Османской державы постепенно всё более и более давала о себе знать балканская проблема. По единоверию и этническому родству она была особенно близкой России, провоцировалась Европой и никак и не поддавалась решению в самой Османской империи.

В этом мусульманском государстве немусульманские сообщества продолжали существовать как обособленные общины — миллеты, жившие по своим собственным внутренним законам, но изолированно от принятия каких-либо политических решений общеимперского масштаба. В своё время Мехмед II (период правления 1451–1481 годы), введя так называемую миллетную систему, сумел с её помощью встроить немусульманские сообщества завоёванных земель в османскую социальную структуру. Это было компромиссным решением для всех конфессиональных групп. Самой многочисленной немусульманской конфессией в Османской империи была православная община. После завоева-

ния Константинополя султан назначил новым православным патриархом Геннадия Схолария, являвшегося ранее известным религиозным деятелем Византии, но выступившим против Флорентийской унии, отошедшим в связи с этим от религиозных дел и ушедшим было в монастырь. После разгрома Византии он принял от султана-победителя назначение на пост патриарха. Именно он и православная церковь под его руководством пошли на сотрудничество с мусульманскими завоевателями. Это было вынужденное и разумное решение, так как спасало православную паству от гибели и создавало некую определённую в положении немусульманского населения внутри исламского государства. Следует учесть при этом, что на сотрудничество шла и другая сторона — исламское государство, которое с этого времени предоставляло законный статус проживания в его пределах немусульманским конфессиям, обязав их, правда, платить более высокие налоги, чем платили мусульмане. Конечно, идилии в этом сосуществовании не было. Бывали — и в центре, и, особенно, на местах — всплески воинствующего исламизма, но всё-таки система работала. Эту форму сосуществования различных конфессий оценивают неоднозначно. Пишут, что эта система конфессионального обособления помогла сохраниться нетурецким народам, не утратить свою самобытность, культуру, язык. Не обращается внимание только на то, работала ли такая система на пользу самой имперской структуре и для её внутреннего развития. На первых порах миллетная система действительно придала государственной структуре определённую устойчивость, организовав сосуществование исламского государства и неисламских народов. Но само наличие замкнутых обособленных религиозных общин способствовало консервации общества и замедляло рост национального самосознания отдельных народностей. Людям невозможно

было выбиться из своей среды. Не случайно, что даже девширме (набор в янычары) – жесточайший «налог кровью», как его называли, использовался порой как легальный путь для продвижения в иные социальные слои. Наиболее яркой фигурой в этом плане был Мехмед Соколлу, выходец из славянского рода Соколовичей, поднявшийся по служебной лестнице до поста великого везира и много полезного сделавший не только для империи, но и для своей семьи, народа и сербской церкви.

Османская империя была государством военным, строго регламентировавшим жизнь своих подданных и жёстко расправлявшимся со всеми проявлениями недовольства, а особенно сепаратизма. В условиях ослабления империи и активного подстрекательства европейской дипломатии в межконфессиональных отношениях Османского государства начинают нарастать всё большие и большие противоречия. Проблемы в этом плане возникали и у сочувствующей единоверцам России.

Балканские народы никогда не жили плохо материально. Помню одно по форме шутовское, но серьёзное и мудрое высказывание крупного болгарского историка, которое было произнесено во время какого-то застолья и явно не для печати: «Вот если бы болгары в своём движении на запад остановились бы где-нибудь севернее, они, быть может, сумели бы сыграть какую-то заметную роль в истории, но свалившись в этот благодатный Балканский котёл, они утратили какие-либо великие стремления». Это высказывание меня тогда поразило. Я привожу его как лирическое отступление, но крупица истины в нём явно присутствует. Балканским народам не приходилось бороться за кусок хлеба, а лишь за свою политическую свободу. А для осознания её необходимости, умения ею воспользоваться и понимания важности сберечь её после обретения надо ещё внутренне

дорости. Чем легче политическая независимость достаётся после распада империй, тем больше всяких внутренних склок и претензий к имперскому прошлому, конфликтов с соседями и т.п.

Ф. М. Достоевский, много размышлявший и писавший об этом в своём «Дневнике писателя», обратил внимание на публикацию в тогдашней нашей печати о том, что русские солдаты, пришедшие освобождать болгар в 1877 г., были поражены благоустроенными чистенькими домиками, относительным достатком местных жителей и т.п. И лишь столкнувшись с последствиями расправ османских карателей с недовольными, сумели реально оценить обстановку. Он же предвидел, что «с уничтожением же мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнёта на свободу, страшный хаос».

Вышеуказанную опасность чувствовали и российские государственные деятели. Наиболее ярко об этом писал А. М. Горчаков в своей записке-отчёте царю «О внешней политике России с 1856 по 1867 г.»: «Столкновения императорского двора Турции с его подданными и вассалами-христианами были разрозненными, происходили постепенно, изолированно, что и позволило подавить выступления. Однако они выявили постепенный закат оттоманского владычества перед лицом поднимающейся волны чаяний христиан». «Естественный ход вещей» обеспечит им в конечном счёте «право на политическую жизнь». В настоящее же время «эти народы... не... достаточно зрелы ни для того, чтобы завоевать независимость, ни для того, чтобы сохранить её своими силами». «Доводы разума» ими, однако, «с трудом воспринимаются». Соседство и пример Италии, «подстрекательство» от «провокаторов всеобщей революции... зажигают огонь надежды»! «Проповедывать несносное для них терпение» и «дольше их сдерживать

невозможно». Если же предоставить им, как они просят, «деньги и оружие» (на большее Россия тогда по своему международному положению и при своих внутренних проблемах была неспособна), то возможно «общее восстание», которое «всерьёз встряхнёт Османскую империю». Обращая внимание, что для судеб самой империи такая встряска, как он считал, могла бы оказаться даже полезной. Но «победа (восставших — С. О.) в этой одиозной политической игре» нереальна, и христианские повстанцы «рано или поздно... спросят у нас отчёт за напрасно пролитую кровь». Разумная политика А. М. Горчакова смогла на десять лет отодвинуть назревавшее решение балканской проблемы, балканские христиане были прямо предупреждены о том, что «они должны рассчитывать лишь на себя самих», не переоценивать «возможности нашей помощи». Мудрый министр заботился тогда прежде всего о судьбе собственной страны, справедливо полагая, что ей необходимо сосредоточить «своё внимание и силы на внутренней работе». «Вес её в Европе» (и возможности разумно помогать другим) «зависят исключительно от положения внутри страны». «Лихорадочное волнение не к лицу здоровой нации». И более того, во внешней политике «20 лет бездеятельности и застоя — ничто для жизни такого народа, силы его лишь крепнут, в то время как одна политическая ошибка может отбросить его на полвека назад, пусть даже она и не будет чревата непоправимыми последствиями».

Такая ошибочная поспешность виделась ему и в войне 1877–1878 гг., положившей начало новой политической карте Балкан, изменения в которой всё ещё происходят на наших глазах.

Распад Османской империи, его причины и последствия – это тот политический опыт, который многое дал мировому сообществу, но, к сожалению, и отдельные люди, и на-

роды лучше учатся не на чужих, а на своих ошибках и набитых шишках лишь на собственных лбах. Много проблем, созвучных османским, возникло и в нашей стране после крушения Советского Союза и воссоздания Российской Федерации. Потому-то и полезно объективное знакомство с османским опытом. Ведь среди общих трудностей, которые пришлось в роковые годы пережить нашим народам, есть и такие, которые всё ещё сближают нас с турками как соучастников имперских сообществ. Как виделось тому же А. М. Горчакову, среди последствий «есть и то, что заложено в природе вещей, — справиться с этим можно лишь в силу возможностей».

Закончить этот не завершённый ни жизнью, ни наукой османо-российский исторический опус сравнений мне хочется ещё одним личным воспоминанием о том, как я, вскоре после распада Советского Союза, сорвала бурные аплодисменты, выступая в турецкой аудитории. Я сказала тогда: «Русский и турецкий народы много сил и жертв принесли на алтарь имперского строительства, получив от этого меньшие выгоды, чем многие другие, но больше других критики и упреков». Что ж, в этом, очевидно, тоже объективная закономерность.

Глава IV
**ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС –
АНТИРОССИЙСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ
ЕВРОПЫ**

Общеввропейская международная проблема, называемая «Восточным вопросом», в исторической литературе толкуется весьма по-разному. О противостоянии традиционной Европы с её восточными соседями историки говорят уже с начала Средних веков. Хотя Византия (Восточная Римская империя), со своими особенностями становления средневекового общества, продолжала восприниматься тогда в Европе как некий культурный образец, но порой виделась и как возможный соперник, противник, а то и как иной пример развития – возможно, более архаичный, мешающий европейским процессам. Разрыв византийского региона с Европой постепенно нарастал, вылившись не только в социально-политический, но и религиозный раскол европейского мира.

Кроме Византии на Востоке были ещё малоизвестные европейцам «Тартария» и Золотая Орда, о которых они имели весьма смутные, а то и фантастические представления. Сохранявшиеся, хотя порой и незначительные, поступления предметов роскоши, пряностей и другой экзотики из далёких восточных стран продолжали возбуждать любопытство и привели в конце концов к Великим

географическим открытиям. Значительная часть Европы, обратившись к морям и заморским странам, на многие годы ослабила интерес к примыкавшим к ней с востока территориям России, а на юго-востоке – и к растущему османскому государству. Лишь Венеция, Польша и восточные Габсбурги вынуждены были отвлекаться на османские проблемы, больше шумя на эту тему, чем активно противодействуя османскому продвижению в Европу. Османы тоже, с времён Селима, активнее действовали в Средиземноморье, чем в Центральной Европе. Лишь к концу XVII в. османская угроза снова стала актуальной для этого региона. Тогда-то католическая Европа и обратила внимание на поднимающееся на Востоке Московское государство. Его пригласили в складывавшуюся в 1684 г. «Священную Лигу». Нужно ли было это самой Московии? Скорее – нет. Ранее она самостоятельно определяла свои южные рубежи, обозначая их крепостями и засечными укреплениями, т.е. рассчитывая на их длительное сохранение. Внутренние отношения в Речи Посполитой и европейские посулы нарушили эту осторожную политику. Московия изменила не только свою политику, но в какой-то мере и саму социально-хозяйственную суть своего развития, которое блестяще описано в замечательном исследовании Л. В. Милова «Великорусский пахарь». Там показана сама хозяйственная основа российского становления. У «бедной» Московии были свои собственные социально-хозяйственные перспективы. Более того, она сумела к этому времени преодолеть натиск восточного кочевничества, установить над частью его свой протекторат и вырабатывала удобные ей условия сосуществования с ним. Употребляя термин «кочевничество», я прекрасно отдаю себе отчёт, что он не точен. Просто не могу найти другого, более адекватного. Хотя прекрасно понимаю, что

в тюркско-татарском мире Восточной Европы шли свои социально-хозяйственные процессы, но он исторически не успевал самостоятельно преодолеть ту кочевнически-набеговую активность, которая давала призрачную надежду на сохранение былой общественной сути их общества. Интересно развивавшееся Казанское ханство (я уже писал в своих работах о блестящей статье на эту тему Рафаэля Миргасимовича Валеева в 4-м томе «Истории татар», вышедшей в Казани в 2014 г., где автор показывает хозяйственные успехи этого ханства) не успевало «переварить» постоянно пополнявшие его юго-восточные татарские орды и пойти на мирное сосуществование с земледельствующим миром Запада, который в этом регионе представляла Московия. Отринув московский протекторат, а потом спровоцировав разгромное завоевание, Казанское ханство утратило собственную государственность. Московию же, вынужденную защищаться от набегов, это обрекло на необходимость строительства государства имперского типа. Весь Восток до Тихого океана оказался доступен ей для хозяйственного и этнического освоения. Вовлечение в западноевропейские коалиции и собственный южный соблазн (хотя, по моему пониманию, он пробудился позднее) нарушили те закономерности, которые были присущи раннему московскому имперскому строительству. Мне кажется уместным сравнение истории российской государственности с историей Соединённых Штатов Америки. Там тоже шло освоение огромной территории, в процессе которого государство мало отвлекалось на общемировые события и европейские интриги. Отсюда и результаты. Россия европейских соблазнов избежать не сумела. Были, правда, в её истории периоды, когда она решительно отходила от внешних влияний и старалась остаться не Европой и не Азией, а самой собой. На при-

мере российско-османских отношений могу указать два таких примера — наиболее показательных, как мне представляется.

Первый относится к 20-м годам XVI в. Тогда в Москве сложилась уже довольно авторитетная прослойка балканогреческой эмиграции, представленной как торговыми, так и культурно-религиозными кругами. Среди них широко бытовало намерение, во имя освобождения их собственных государств, втянуть Россию в антиосманскую войну, а потому балканские эмигранты всячески запугивали российское общество рассказами об османской опасности, грозившей будто бы и его стране. Это усугублялось ещё и крымским заявлением о будто бы недавно произошедшем принятии Казанского ханства под османский вассалитет. Весь этот клубок дипломатических игр уже не раз описан в нашей литературе (см. работы Б. И. Дунаева, И. И. Смирнова, Б. Н. Флори, И. В. Зайцева и др.), но до сих пор присутствуют и не совсем грамотные (как мне представляется) отсылки к нему. Так вот, в той ситуации российские государственные деятели прекрасно разобрались, где чуждые им дипломатические побуждения, а где разумное для страны внешнеполитическое поведение. Тогда всех распространявших слухи об османской опасности для Восточной Европы стали объявлять шпионами. На церковном соборе 1525 г. за высказывание о том, что московскому князю от турок не устоять – «пойдёт турецкой, и ему либо карачь (харадж. — С. О.) дати, или бежати», – осудили даже Максима Грека, известного духовного авторитета тогдашнего русского общества. Знаменательно, что с этого времени Москва стала строить свои отношения с татарскими юртами, исходя прежде всего из своих интересов и возможностей, без особой оглядки на Османскую империю. Такую же политику в отношении Османской империи

проводила и соседняя Польша. Там была очень популярна антиосманская публицистика, но в политике в XVI в. антиосманских проявлений почти не наблюдается. Более того, в этом веке зафиксировано более пятидесяти посольских пересылок между этими странами, мирным путём улаживавших всевозможные конфликты, возникавшие между ними. Османская империя в отношении Северо-Восточного региона тоже соблюдала определённую сдержанность. Это было не то геополитическое пространство, в котором она стремилась распространить свою власть, а потому османы огораживали свои пределы в этом регионе поясом вассальных владений, таких как Трансильвания, Валахия, Молдавия, Крымское ханство, владения северокавказских князей, а вдобавок к этому – собственными крепостями, из которых приглядывали за вассалами. Согласие российских властей в 1686 г. войти в «Священную лигу» изменило ситуацию. Польша и Россия оказались в одном антиосманском блоке, политическую направленность которого стали определять отнюдь не эти страны. Я уже говорила о предостережениях Ордина-Нащокина и утрате Россией самостоятельности в решении проблем с определением своих южных границ. Вспомним, что даже в XVIII в. (1736–1739 гг.) австрийская дипломатия продолжала усиленно убеждать российских дипломатов, что Крым и северное побережье Чёрного моря — это засушливый район, приобретение которого станет для России лишь обузой и не принесёт стране выгод подобных тем, что их страна надеялась получить на благодатных Балканах. «Война с пространством», как определил тогдашние военные действия Миниха Н. Н. Петрухинцев, казалось бы, подтверждала правильность австрийских предостережений. Любопытно, что османские дипломаты тогда не раз заявляли, что с Россией они всегда сумеют договориться, а вся конфронтация идёт лишь от Австрии. В дальней-

шем проблему решала уже не дипломатия и даже не геополитика, а чистая география. Получив с добровольным присоединением части Украины огромные пространства равнинной территории, Россия вынуждена была думать об их обороне. Засечные линии здесь уже не спасали, хотя их строительство поначалу велось. Нужны были надёжные рубежи, коими и стали Чёрное море и реки Днестр и Кубань. Российские имперские интересы и аппетиты были удовлетворены.

Второй эпизод, когда Россия хотела разумно остановиться в своей юго-западной активности, произошёл в период правления Александра III, когда царь, непосредственно вкусивший ужасы войны 1877–1878 гг., попытался продолжить разумно-осторожную политику А. М. Горчакова и отстраниться от европейских разборок. Казалось бы, Восточный же вопрос, как международная проблема, получившая во времена Священного союза своё название и чётко определённое содержание (необходимость для европейских стран коллективно бороться против Османской империи за освобождение из-под её владычества христианских народов), был решён. Известно, что русское общество, будучи в эйфории от победы и Сан-Стефанского мирного договора, болезненно восприняло его урезки Берлинским конгрессом. Считалось, что «победителям позорно отдавать себя на суд Европы». И. С. Аксаков, со славянофильской точки зрения, громогласно обличал тогдашние уступки русских дипломатов и ратовал за славянское единение. Но вспомним опять Б. Н. Чичерина, который предвидел, что с крушением османской власти на Балканах возникнут «бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивавшихся друг с другом стремлений освобождённых народов», к чему присоединится «соперничество европейских держав, желающих каждая свою долю влияния», «...начнутся конфликты, которые

затронут не только Балканы, но и Великие страны Европы». Это, по его мнению, уже иной Восточный вопрос, в котором России следовало бы занять позицию «спокойного выжидания». Такая политика, опять же по Чичерину, будет иметь «право на благодарность русского народа».

России нужно было обратить внимание на свои внутренние проблемы, экономическое развитие, правовое совершенствование, умение строить внутри государства отношения гражданского общества. Успехи на этом поприще у России были, но исторического времени ей не хватило. Она была вовлечена в Первую мировую войну. Виной тому как общий мировой настрой на борьбу за передел мира, вне которого боялась остаться рвавшаяся к власти российская буржуазия, так и недостаток понимания своей исторической роли у российских правящих кругов.

Россия, раскинув свои владения на огромных территориях, включив в свой состав многие народы, не нашла тогда ещё своей формы общего сосуществования. А эти формы искали тогда многие. Вспомним хотя бы Исмаила Гаспринского — человека, выросшего в мусульманской среде, но сумевшего войти в русское культурное сообщество, являвшегося одно время секретарём-помощником в Париже у такого русского европейца, как И. С. Тургенев, повидавшего Европу и посетившего наиболее авторитетные центры мусульманского мира, где тогда, подобно процессам у мусульман России, шли поиски путей приобщения к мировым цивилизационным высотам и сохранения при этом своей собственной религиозно-этнической идентичности. Ознакомившись со всем этим миром, он пришёл к выводу о необходимости для России выработки «Славяно-мусульманского» единения, что отвечало бы отнюдь не только российским имперским интересам, но и интересам самих проживающих в Российском государстве мусуль-

манских народов. Обращаю внимание, это было бы, по его мнению, полезным не только для имперского сохранения, но и для самосохранения и культурного развития самих тюркских народов. Исмаил Гаспринский – это поистине знаковая фигура для тюркского мира. Он был очень почитаем при жизни, позднее же его стали воспринимать неоднозначно. Обвиняли и в прорусскости, и в пантюркизме, и во многом другом. Любопытно, однако, и на это обратил внимание Р. Г. Ланда в одной из своих работ, исследующих ислам, что даже очень рьяный обличитель этого мыслителя, Зеки Валиди Тоган (эмигрант из Поволжья, ставший позже турецким профессором), в своих «Воспоминаниях» отзывался о Гаспринском очень тепло и уважительно. Как бы ни казалась нежелательна объективная реальность, она не может не заставить задуматься.

Опять отвлекусь на личные воспоминания. Роберт Григорьевич Ланда – мой сослуживец по Институту востоковедения, арабист, видный специалист в своей области, а я помню, что, когда пришла в институт на работу, мы с ним оказались в одной комсомольской группе: Ланда, Глуходед, Сейранян, я и кто-то ещё. Он был нашим комсоргом и знакомил меня с молодёжным коллективом. А Баграт Сейранян, тоже арабист и позднее крупный специалист по современному Египту (кстати, один из любителей работать в Историчке, куда любил убегать даже в присутственные дни, благо от Армянского переуллка, где в те годы находился институт, это было совсем близко), а тогда, как и я, недавний выпускник истфака МГУ, предупреждал, что единение по комсомольской группе, в отличие от истфаковских традиций, здесь не столь тесное, в институте другие приоритеты отношений. Мы ведь тогда все эти объединения — пионеры, комсомол – воспринимали не как что-то политически принципиальное, а просто как данность нашей жизни, без

чего нельзя обойтись. Партия – это уже было нечто более серьёзное, но в нашей среде тоже привычное и почти необходимое (кстати, Ланда после комсомола не перешёл в партию, и это было в нашей среде не единичным случаем, но редкостью). Вообще-то более 90% советской интеллигенции (в том числе и сотрудников института) в партии состояли. Многолетнее пребывание в одном коллективе сплавляло нас не только работой, но и жизнью и её проблемами, а обсуждались они часто именно на партийных собраниях. Политическое размежевание и столь же массовый выход из неё (как раньше членство) начались лишь в период перестройки.

О своей сплочённости любили шутить, что постепенно превратились почти в родственников: знаем друг о друге всё, что хотим, чтобы другие знали, а что не хотим – всё равно всем известно. Вот и сейчас, пишу, вроде бы, о серьёзных вещах, а попутно мысли всё время перескакивают на людей, с которыми я общалась, работала, в чём-то была единомышленницей, а в чём-то расходилась во мнениях, т.е. на что-то почти личное. Прошу прощения у читателя, но в моём возрасте по-другому (не через воспоминания) мыслить не получается.

Итак, вернёмся к основной теме. Восточный вопрос – европейское орудие, толкавшее Россию заниматься зачастую совсем не теми проблемами, которые бы ей полезно и разумно было тогда решать. Христианские народы были освобождены, но упрёки к России сохранились. Они присутствовали и в периоды её активности в этом вопросе, и в периоды попыток отстраниться от него. В настоящее время их особенно культивируют в Армении и Греции. Первая, не получив ничего после распада Османской империи, обижена на то, что Россия не сумела решить её проблемы в период Первой мировой войны. (Ведь современ-

ная Армянская Республика – это лишь та часть бывшего иранского государства, которую Россия сумела в своё время присоединить.) В Греции же продолжают вспоминать о Константинополе. Недаром ходит много пророчеств, что Россия вернётся в этот район и завершит недоделанное. Такие пророчества приписываются даже монахам Афонского монастыря. Кстати (опять отвлечение), напоминаю османистам, что рукописные коллекции Афона – это и для них пока ещё не тронутый кладёз исторических источников. Мне о них рассказывал Ванчо Бошков, югославский коллега, с которым мы познакомились на будапештском семинаре. Ему удалось немного поработать с османскими документами одного из афонских монастырей. Он с восторгом говорил о том незабываемом ощущении, когда ты понимаешь, что первым держишь в руках документ, который до тебя сотни лет никто не видел. Сам Ванчо был очень интересным человеком. Родился в Скопле (Скопье). Учился в Германии и Сараеве. Преподавал в университете в Боснии, но как раз в год нашего знакомства снова перебрался на родину, где предполагал (и местные власти ему в этом способствовали) создать новый центр османистики. Большинство из нас явно шли от общих представлений к источникам, с помощью которых мы подтверждали полученные ранее сведения, развивали их или опровергали. Он же, и это чувствовалось, воспринимал знания через источник – от истоков. У него уже были очень нестандартные интересные статьи, а беседы с ним демонстрировали, что он готов к тому, чтобы заявить о себе как о новой яркой звезде на нашем османистическом небосклоне. Но не вышло. Буквально через год после нашего знакомства он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Очень жаль. Знавшие его восприняли его уход как очень большую утрату.

Вообще тогда в Будапеште я впервые близко познакомилась с балканскими османистами, особенно из разных республик Югославии. Мы много говорили о жизни в целом, они все были очень расположены к нашей стране, с удовольствием читали нашу литературу, смотрели наши фильмы. Из кинофильмов особенно восхищались недавно появившимися на экранах «Зеркалом» Тарковского и нашим культовым «Москва слезам не верит», правда, никак не могли понять, почему фильм так называется. То, что у нас есть такая присказка-пословица мне пришлось им объяснять. Я очень удивлялась их восторгам, говорила, что я воспринимала эти фильмы как нечто сугубо наше, национальное. Особенно «Зеркало». Для меня-то это был взгляд в моё детство, в период эвакуации и собственное знакомство с российской глубинкой. Они возражали, что это фильм общечеловеческого звучания. Мне они тогда советовали обратить внимание на фильмы Эмира Кустурицы и говорили, что это поможет понять их, балканцев. Помню ещё и такой эпизод из тогдашних разговоров с балканскими учёными. Тогда только что вышел роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Они его очень сочувственно обсуждали. Я на этом обсуждении не присутствовала, но одна болгарская коллега (я сознательно не называю имён более молодых коллег, так как время сейчас беспокойное, антирусские настроения в мире очень распространены, а мне не хотелось бы навлечь на них каких-либо упреков с той или иной стороны) тогда пересказала мне его содержание. Не помню сути, но в чём-то я не согласилась с их оценками и высказала иное мнение. Её реакция была примерно такая: «Мне казалось, что мы так интересно обсудили это произведение, а ты несколькими словами разбила все наши доводы. У меня сейчас такое чувство, что мы малые дети, а ты намного старше нас. Приеду домой и ещё раз перечи-

таю, теперь по-болгарски, потому что по-русски, может быть, я не всё уловила. Буду думать». Я эти беседы хорошо запомнила. Мы ведь жили за «железным занавесом», и это были мои первые откровенные общения с людьми дружелюбно настроенными, но всё-таки воспитанными по-другому. Помню, в будапештском магазине я купила несколько дефицитных у нас русских художественных книг, в том числе хороший сборник стихов Ф. Тютчева. Перечитывая их тогда, я, при всей нашей тогдашней расположенности друг к другу, почему-то внутренне всё время повторяла тютчевскую строфу: «Не поймёт и не заметит гордый взор иноплеменный...» и далее. Я очень чувствовала тогда, что мы иные. Жили же мы тогда в Вышеграде, под Будапештом, очень весело. Заседания проходили лишь по утрам, когда приезжали наши венгерские коллеги. Позже мы были предоставлены сами себе. Идём на автобусную остановку: смотрим, написано «Эстергом». Хорошо, едем туда и т.п. Так наша международная «банда» туркологов десять дней бродила по стране без какого-то пригляда «хозяев». Йордан Йорданов из Болгарии, у себя в стране не раз выступавший организатором научных конференций, удивлялся, как можно так оставлять гостей без присмотра. Спрашивал у меня: «У вас такое возможно?». Я отвечала, что у нас такой свободы иностранцам просто не разрешили бы. Помню, после десяти дней такой вольницы мы все очень устали и от прогулок, и от посещения местных кофейшек с танцами, и от Венгрии, и особенно от звучавшего вокруг незнакомого языка. В последний день в Венгрии мы все поехали в Будапешт, разошлись по городу, у каждого были свои дела, надо было купить сувениры и т.п. Договорились вечером встретиться в привокзальном кафе. Чувствуя уже некоторую усталость от впечатлений и этой венгерской «свободы», все постарались вернуться к месту сбора немного раньше

назначенного времени. Заказывая себе кофе, произносили венгерское слово, чуть ли не единственное, которое выучили: «тешек» («пожалуйста»). Я, сидя за столом и попивая кофе, повторяю это слово: тешек, тешек... тешеккюр эдерим (по-турецки *teşekkür ederim* — «спасибо»). И вдруг сидевший рядом Тахсин Джемиль (турколог из Румынии крымско-татарского происхождения, владевший турецким как родным и проявивший себя на этом семинаре в числе лучших по пониманию османских текстов. На заседаниях я любила садиться с ним рядом, так как он мне многое пояснял из того, за чем я не успевала уследить при обсуждении) спрашивает по-турецки: «*Teşekkür ederim — ne dir?*» («Что значит «спасибо»?»). Я удивилась, а он пояснил: «Я думал, ты какое-то новое слово по-венгерски узнала». Мы все тогда вместе дружно посмеялись и решили, что это знак, указывающий на то, что нам пора из Венгрии уезжать. Мне тоже пора, видно, заканчивать эту главу, так как я явно перехожу на легкомысленный тон. Хотя нет, ещё одно воспоминание. Джон Александр (Янис Александропулос), учившийся в Америке и там начавший работать под этим новым именем, во время наших прогулок читал все вывески, не мог их понять и всё время приговаривал: «Не индоевропейцы, не индоевропейцы, ничего непонятно». Мы над ним подшучивали – а у вас, в Греции, разве понятно, тоже вывески не прочтёшь. Он возражал: «У нас надо знать лишь алфавит, а корни слов общие». С греческим языком мне иметь дело не приходилось, в венгерском же, если разобраться, много тюркских и славянских вкраплений, так что если нужно, то разобраться можно.

Глава V
**«РОССИЯ НЕ МОЖЕТ ОТДЕЛИТЬСЯ
ОТ АЗИИ И ОСТАТЬСЯ РОССИЕЙ»**

Эта спорная на первый взгляд формулировка, вынесенная нами как заголовок раздела, который будет посвящён проблемам развития османистики, принадлежит В. В. Григорьеву и содержится в его официальном обращении в правительственные сферы в связи с необходимостью, по его мнению, учреждения в Петербургском университете кафедры истории Востока.

К. А. Жуков в своей недавней статье о В. В. Григорьеве отметил, что во второй половине XIX в. российское академическое востоковедение приобрело новый качественный характер, «достигло своей классической фазы, превратилось в своеобразный культурный феномен российской цивилизации». Ведущей отраслью не могло не стать изучение наиболее географически «близкого» к России Ближнего Востока и тех восточных народов, которые, по мере расширения империи, входили в её подданство. Начало востоковедения было связано с освоением арабского, персидского и тюркских языков и чтением собственных писаний этих народов, т.е. с филологией.

Фундаментальная база знаний ближневосточного востоковедения была заложена в российских университетах

«великолепной тройкой отцов-основателей»: профессорами О. И. Сенковским, Х. Д. Френем, А. К. Казем-Бекком. С 1855 г. (т.е. года открытия в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков) востоковедные штудии и в России государственным распоряжением были сосредоточены именно там. К этому времени в Петербурге уже имелись и значительные рукописные и нумизматические коллекции, которые, также по государственному распоряжению, собирались по всей стране и за её пределами. Так была заложена значительная источниковая база для более широких и глубоких востоковедных исследований. С 1863 г. объединяющей для востоковедов становится вновь учреждённая кафедра истории Востока, которую возглавил В. В. Григорьев. Эта кафедра должна была не только давать студентам некий общий взгляд на Азию и расширять их культурный кругозор, но и удовлетворять определённые государственные потребности. Как пояснял сам Григорьев, «... мы должны знать Азию, как для прояснения собственного самосознания, так и для рациональности нашего на неё воздействия, а лучший путь к этому — историческое изучение её судеб». Именно с этого времени востоковедение, ранее рассматривавшееся как вспомогательная (подготовка филологов-переводчиков), а также культурно-научная дисциплина, тесно связывает себя с политикой и государственным строительством.

В. В. Григорьев, стоявший у руля российской востоковедной науки в самый яркий период её истории, — знаковая фигура, о которой следует вспомнить особо. По своим научным занятиям он не был османистом, но являлся тюркологом очень широкого профиля, и именно он поспособствовал тому, что османистика стала оформляться как самостоятельная отрасль востоковедной науки.

В Петербургском университете В. В. Григорьев (1816–1881) был учеником О. И. Сенковского. О своём учителе сам он писал так: «Профессор О. И. Сенковский, оставляя в стороне его необыкновенный ум, такие же дарования, превосходное классическое образование, начитанность, поражающую разнообразием и обширностью, наконец знакомство с языками всех важнейших народов Европы и Азии, вымерших или ещё существующих, — О. И. С. долговременным и на месте (т.е. в странах, где говорили на этих языках. — С. О.) изучением Арабского и Турецкого языков, которые преподавал он в университете, приобрёл такие глубокие в обоих сведения, что равного себе в них соперника не имел, по убеждению моему, ни на Востоке, ни на Западе». На его занятиях студентам предлагалось самим переводить восточные тексты. Профессор лишь поправлял и комментировал. Как свидетельствовал Василий Васильевич, «чтобы переводить в течение двух часов лекции... тот или другой восточный текст, надо было посвятить на это от 5 до 7 часов домашнего приготовления»; «...нам некогда было бездельничать, и мы по опыту знали, что значит работать усидчиво», а потому и по другим преподаваемым в университете предметам «ориенталисты были всегда из первых».

После университета Василий Васильевич работал в Ришельевском лицее в Одессе. Именно оттуда он сумел съездить в Крым и Бессарабию, бывшие османские владения. Побывал в Стамбуле. Позднее он прошёл хорошую школу практического знакомства с Востоком, переехав на работу в Оренбургский край, где участвовал в организации управления, как тогда говорили, «кыргызскими ханствами». Василий Васильевич знакомился с внутренними отношениями в ханствах, составлял для управляющих властей записки об истории «кыргызов», начал составление «татарских слова-

рей», первым заговорил о многообразии тюркских языков и выделил из них таджикский язык (что не понималось ранее).

У него установились тогда уважительные отношения с оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовским, которому он писал о том, что некоторые ханства можно перевести под непосредственное российское управление, и они к этому готовы, с другими же отношения следует строить по-иному, доказывал выгоду России от развития торговли во вновь присоединяемых землях и далее в восточном направлении, предлагал создать в этом районе «на кумысе» курорт для россиян и т.п.

Василий Васильевич был участником так называемой Сырдарьинской экспедиции, после чего (в 1854 г.) был назначен на должность главы Оренбургской Пограничной комиссии. Он сам писал об этой своей должности: «За экспедицию на Сыр дали мне чин “действительного”, а потом и место председателя Оренбургской пограничной комиссии. Комиссия эта имеет обязанности управлять киргизами, ... коих будет до миллиона... душ. ... Хива, Бухара, Кокан принадлежат теперь к моему ведомству».

После ухода В. А. Перовского с поста генерал-губернатора обстановка в губернии стала меняться. Планы Григорьева, которые он сам определял как желание совместить «блага степи» и «блага России», не всегда принимались новым начальством. В конце концов ему пришлось покинуть эту стезю деятельности. О своих настроениях тех лет он сам поведал в одном частном письме: «Место мною занимаемое одно из лучших в России, потому что даёт возможность действовать иногда по убеждению, со всем тем я несчастлив, потому что на каждом шагу принуждён исполнять то, что представляется мне противным пользам России и того народа, которым заведую. Как ориенталист,

я, на беду мою, понимаю Азию и Азиатцев, а те которые руководят моими действиями, не знают аза ни в том, ни в другом, и, меряя всё на европейский аршин, седлают корову арчаком, а коня запрягают в ярмо. И никак этого никому не растолкуешь. Станешь доказывать, так обижаются, и тебе же говорят, что не понимаешь дела. Знающий человек, по крайней мере даром без цели не сделает вреда, а невежа делает его походя, да ещё с мыслию, что ужасно как хорошо поступает». Конец цитируемого письма говорит о полнейшем разочаровании автора в окружающей его чиновническо-управленческой среде, завершается письмо возгласом: «Ей Богу, тяжело».

В те же годы В. В. Григорьев оказался ещё и под огнём российской либеральной критики за свою статью — некролог о Т. Н. Грановском, с которым он был дружен в молодости. Т. Н. Грановский был кумиром либеральной части российского общества. Василий Васильевич в своей статье, вполне доброжелательной, на мой взгляд, и основанной на их личной дружеской переписке, позволил себе некоторые критические замечания, а главное, выказал несогласие с тем европовосхищением, которое царило тогда в значительной части российского культурного сообщества.

В частном письме общему их с Грановским приятелю он так характеризовал этого учёного: он «не был ни мыслителем, ни гражданином», «профессор-артист – вот, по-моему, вернейшее определение его характера и заслуг». Кстати, и о московском профессорско-либеральном сообществе он высказывался в таком же духе: «Не знаю, самолюбие ли говорит во мне, или это действительно так, только эти господа не показались мне весьма учёными мужами. Хуже всего то, что дальше Немцев они и глядеть не осмеливаются». Развивая такие свои впечатления, В. В. Григорьев и в некрологе охарактеризовал московское окружение Гра-

новского (в которое входил А. И. Герцен до своего отъезда за границу) как склонное к «эпикуризму» в личной жизни, а в суждениях – поверхностное, отличающееся малознанием, легкомысленно-барским отношением к жизни и усвоением европейских идей, даже наиболее близких им. Все тогдашние западники, а они были разного толка, приняли это как обвинение в свой адрес и ополчились против Григорьева.

В современной российской историографии В. В. Григорьева зачастую характеризуют как противника западников и славянофила (других идейных течений почему-то не замечают), но это не так. В. В. Григорьев был востоковедом и государственным деятелем, выступал за разумное имперское строительство, учитывавшее интересы вновь вступавших в состав империи территорий и народов. Он понимал, что империи строятся не только завоеваниями. Бывало, что к сильному государству, спасаясь от других противников или учитывая собственную выгоду, вынужденно-добровольно, но без кровавых войн, присоединялись многие территории и народы. В России так было, например, с Украиной Богдана Хмельницкого или сибирскими улусами после Кучума, а в Османской империи — с алжирскими владениями братьев Барбаросса. Эти традиции, при разумной политике, могли работать и дальше.

Как проследил К. А. Жуков, антигригорьевскую кампанию инициировал А. И. Герцен, уже находившийся тогда за границей и на статью Григорьева откликнувшийся репликой: «Неужели у Грановского не осталось ни одного близкого друга в России, который бы палкой не отдул этого мерзавца». Полемика вылилась в жесточайшие формы. Как писал П. С. Савельев, выступивший в защиту В. В. Григорьева: «Давно не слышали мы такого тона в нашей литературе... Выражения: улика, уличать, поступок, недобросовестность,

невежество, так и сыплются. Не довольствуясь крупными (К. Жуков видит в этом определении намёк на псевдоним Герцена: доктор Крупов. — С. О.) выражениями... журнал этот (имеется в виду «Русский вестник» со статьёй Н. Павлова. — С. О.) употребляет даже угрозы против тех, кто и впредь осмелится писать и думать несогласно». К. А. Жуков объясняет причины такого «озлобления» тем, что Григорьев очень точно выявил те болевые точки, которые к этому времени уже обозначились в формирующемся российском интеллигентском сословии. Это – идеологическая несамостоятельность и «явное несоответствие между прокламируемыми нравственными и духовными принципами и реальным, вполне буржуазным мировоззрением и образом жизни» тех, кто претендовал на «обладание титулов “совести нации”». Вспомним, вслед за К. А. Жуковым, ту характеристику этих вождей либерализма, которую дал им позднее Ф. М. Достоевский: «... ненавидели они крепостное право «по-своему, по-европейски», в том-то и вся суть. То-то вот и есть, что ненавидели они крепостное право не ради русского мужика, на них работавшего, их питавшего, а стало быть, ими же в числе других и угнетённого. Кто мешал им, если уж до того их одолевала гражданская скорбь, ... просто-запросто освободить хоть своих крестьян с землёй и снять таким образом гражданскую скорбь, по крайней мере, хотя с своей-то личной ответственности?». Григорьев не подходил к вопросу столь глубоко, но уже тогда явно почувствовал и выразил в своём некрологе эту двусмысленность в идеологии тогдашних российских западников. Критика же на него обрушилась тогда буквально за всё – даже за интерес к Востоку, за изучение татарского языка, за то, что мир! «не видится глазу из местопребывания Киргиз-Кайсаков». На эту беспардонную критику достойный ответ сумел дать коллега и друг Василия Васильевича,

известный нумизмат П. С. Савельев. Однако в прозападном обществе антивостоковедный настрой всё-таки оставался. Востоковеды с того времени оказывались между двух огней: им приходилось сдерживать разрушительный пыл российской бюрократии и в то же время пытаться воспитать в российском обществе интерес и уважение к Востоку.

В 1863 г. В. В. Григорьев ушёл с государственной службы. Ушёл в никуда. И лишь через некоторое время его приютила альма-матер, Петербургский университет. Именно там он стал профессором и первым, не только в России, но и в Европе, начал читать специальный курс истории Востока, основав и возглавив соответствующую кафедру, позднее стал деканом Восточного факультета и организатором III Международного съезда ориенталистов (Петербург, 1876 г.). Много печатался. Начав свою научную деятельность с изучения ярлыков Золотой Орды, В. В. Григорьев позднее стал для Европы первооткрывателем среднеазиатской истории, писал о событиях, происходивших в Бухаре, Коканде, Кашгаре. Первым начал изучать Восточный Туркестан. Знаменательно, что некоторые из его первых статей, ещё оренбургского периода, были уже тогда переведены в Лондоне, где внимательно следили за российской практикой отношений с местным населением и порой перенимали кое-что для организации своего управления колониями.

К концу жизни кроме членства в Российской академии наук Василий Васильевич Григорьев являлся почётным членом Лондонского Королевского азиатского общества, Парижского Азиатского общества, Германского общества ориенталистов в Лейпциге.

Периодически В. В. Григорьев исполнял обязанности редактора «Правительственного вестника» и ряда других печатных изданий и, особо обращая внимание, шесть лет (с 1874 г.) занимал должность начальника Главного управ-

ления по делам печати, т.е. был главным цензором России. Эту последнюю сферу его деятельности хорошо показал и оценил Н. И. Веселовский, ученик и уважительный его биограф, посвятивший своему учителю очень интересное исследование. Он напоминает, что действовать Василию Васильевичу приходилось в трудное время, когда «возбуждение общества достигло наивысшей степени: сербское восстание, наша война с Турками, Берлинский конгресс, — всё это требовало большой осторожности... со стороны начальника по делам печати». «Запретительные циркуляры», тогда издававшиеся, не могли не ставить «периодическую печать в затруднение», и изменить их было не во власти Григорьева. Но при нём «ни одно крупное талантливое произведение не подверглось преследованию и цензурным урезкам, хотя бы сам он и не сочувствовал направлению такого произведения». Но он не был всемогущ на этом посту. Так не было утверждено его представление о разрешении И. С. Аксакову издавать газету «Русь». (Такое разрешение издатель получил уже после ухода Василия Васильевича со своего поста.) Но, например, «Дневники» Ф. М. Достоевского (которые мы не раз цитировали) были опубликованы в это время именно благодаря содействию Василия Васильевича. Сам он к этому писателю относился с большим почтением. Писал о нём: «Г. Достоевский – талант перворазрядный не только в отечественной, но и в европейской литературе». Есть у него и замечание: «...я оказываюсь главным его сотрудником». Поэтому мы с полным правом можем согласиться с уже звучавшим в литературе мнением, что именно В. В. Григорьев был одним из главных информаторов Ф. М. Достоевского о положении на Балканах, и они во многом были единомышленниками. Вообще востоковеды того времени были тесно связаны с литературной средой. Сам Василий Васильевич вспоминал, что в доме известного литератора

и поэта (позднее ректора Петербургского университета) П. А. Плетнёва он в 1834 г. встречался с А. С. Пушкиным, и у них даже намечались какие-то общие издательские планы. Вместе с П. С. Савельевым, П. П. Ершовым (автором «Конька-горбунка»), Т. Н. Грановским они в своё время были вхожи в светский и литературный салон О. И. Сенковского. Известно, что другой известный востоковед, А. К. Казем-Бек, после приезда из Казани был с большим интересом встречен в петербургском светском обществе, поддерживал дружеские отношения со многими поэтами, писателями, научными деятелями. Его дочь Ольга вышла замуж за сына поэта Е. А. Баратынского. Это была общая культурная среда, в которой профессора-востоковеды встречались и своими знаниями в какой-то степени оказывали влияние на воспитание имперской культурной верхушки. Как писал уже упоминавшийся нами востоковед-нумизмат П. С. Савельев, востоковедная картина мира предостерегала от «бессознательного пристрастия ... русских людей ко всему иноземному, и вещественному и духовному», от шедшего с Запада «лёгкого перенимания чужой национальности, даже в образе мыслей», от «недоверия к собственным умственным и нравственным силам», «щегольства отречения от своей народности». Это было нечто иное, чем влияние всячески восхваляемых у нас западников и порой порицаемых славянофилов.

Востоковеды были сознательными государственниками, но государственниками разумными, и потому зачастую вступали в конфликты с правящей имперской элитой. Тот же В. В. Григорьев писал: «Будь у нас более исторического знания Востока, мы бы давно и гораздо дальше ушли в нашем влиянии на Азию и ушли бы с меньшими пожертвованиями крови и денег». Как подметил К. А. Жуков, статья В. В. Григорьева «Русская политика в отношении к Средней

Азии» может считаться «первым манифестом евразийского учения», поставившим вопрос о евразийской сути России глубже, чем многие более поздние лидеры этого учения. Причём на Западе к этой идее отнеслись уже тогда более внимательно, чем у нас в стране. Имеются английский и немецкий переводы этой статьи.

Что касается востоковедения, то, опять вслед за К. А. Жуковым, повторим сформулированные учеником В. В. Григорьева бароном В. Р. Розеном пожелания его учителя: главное внимание следует обращать на те отрасли ориентализма, «в которых либо благодаря характеру академических лекций, либо благодаря историческим и географическим условиям, русские учёные могут и должны идти во главе других».

Ученик В. В. Григорьева В. Д. Смирнов стал первым российским османистом, выделившим своими трудами эту отрасль российской тюркологии в самостоятельную научную дисциплину. Поощряя эту направленность научных изысканий своего ученика, Василий Васильевич так писал в своём отзыве на его работу, представленную как магистерскую диссертацию, — «Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции»: «Турция, с которой мы воюем вот уже два столетия, весьма ещё нам мало известна, да не нам одним, а всей Европе. Книг о ней написано десятки тысяч, а дельных между ними и полусотни не наберётся», «дойти до понимания этого весьма сложного и загадочного организма» нельзя, «не потрудившись предварительно ознакомиться с языком турок и их литературой». И вот «...в лице г. Смирнова является ориенталист, от которого, судя по настоящему труду его, можно ожидать основательной и плодотворной разработки прошлой жизни турок, а потому и ясного понимания их настоящего положения».

О Василии Дмитриевиче Смирнове имеется большая литература. Все признают его родоначальником российской османистики, отмечаются его огромные заслуги в описании собранных в нашей стране турецких рукописей, широко используются опубликованные им османские документы, его докторская диссертация о «Крымском ханстве под верховенством Отоманской Порты» до сих пор остаётся наиподробнеешим из имеющихся в науке изложением истории этого османского вассала. Я готовила эту монографию к современному переизданию, так что знаю её неплохо. Со времени написания этой книги прошло более ста лет. Конечно, за это время были выявлены новые источники, появились новые сведения и дано иное осмысление ряду тогдашних событий. От некоторых выдвинутых Василием Дмитриевичем гипотез, особенно касающихся ранней, доосманской, истории ханства, следует отказаться, но это исследование до сих пор сохраняет свою научную ценность.

Очень приятно, что недавно появились интереснейшие работы А. А. Непомнящего и о жизни В. Д. Смирнова, и о нём как об историке Крыма. А. А. Непомнящий приступил наконец и к давно необходимому изучению архива Василия Дмитриевича. О научной ценности и интересности тех материалов, которые остались после неожиданной смерти учёного, писал ещё А. Н. Самойлович в некрологе. Сейчас эти документы хранятся в петербургском ИВР РАН. Ранее с этой коллекцией, насколько я могу судить по опубликованным работам, был знаком лишь А. М. Некрасов, который первым из современных историков ввёл в научный оборот некоторые из разработок и переводов источников, сделанных в своё время В. Д. Смирновым. Как и многие другие материалы этого архива, они всё ещё остаются недостаточно изученными.

Интересующимся научными трудами и самой личностью В. Д. Смирнова я с удовольствием и внутренним удовлетворением рекомендую интересно и ярко написанные статьи о нём А. А. Непомнящего, но один нюанс отношений к этому учёному, до сих пор звучащий в историографии и всё ещё остающийся и для меня самой не до конца понятным, постараюсь изложить в моей собственной интерпретации.

В. А. Гордлевский в некрологе писал о Василии Дмитриевиче, что он был независим, обладал живым, насмешливым умом, горячим темпераментом и, невзирая ни на чины, ни на лета, смело высказывал обо всём суждения и наблюдения, ядовитые и меткие. И ещё: «Он был русак, любил исключительной любовью всё русское, веруя в торжество русской идеи, веруя (как он выразился раз в университетской речи), что «завоевания наши оружием есть только предтеча мирных завоеваний в области науки и культуры»».

Указанные выше черты характера не могли не вызывать как уважения, так и определённой настороженности в отношении его личности. Это до сих пор ощущается и в отношении к его работам, в частности к его монографическому исследованию о Крымском ханстве. Этот труд был опубликован ещё в дореволюционное время, т.е. советской предвзятости по отношению к нему быть не может, но его не переводят (и даже редко цитируют) на Западе. Большим удивлением для меня лично стали критические замечания, как бы вскользь звучавшие об этой книге в работах группы А. Беннигсена. Её серьёзный многонациональный коллектив осуществлял очень нужную источниковедческую работу - извлечение из османских архивов и перевод османских источников о Восточной Европе. В него входили специалисты, знавшие русский язык, и с книгой В. Д. Смирнова они явно были хорошо знакомы. Неоднократно можно наблюдать, как интересно они развивают дальше его

идеи, при этом указывая их первоначальный источник. И вдруг такая реплика: «В. Д. Смирнов, апологет политики русского завоевания», желает доказать, что «Османская империя была единственным виновником многочисленных «недоразумений» между Крымом и Московией, а также окончательного исчезновения ханства». Далее следует утверждение, представленное как мнение В. Д. Смирнова об османском владычестве, парализовавшем «своим вмешательством самобытный склад и ход жизни крымского юрта и мешавшем образованию в нём правильно организованного государства».

Василий Дмитриевич действительно выявляет многие недостатки в османской социальной структуре (возможно, со стороны они заметнее, чем виделось внутриимперским критикам), но это совсем не означало, что он призывал к русскому завоеванию (был «апологетом политики русского завоевания»), и уж совсем не видел в османах губителей крымско-татарской государственности. Вспомним ту цель, которую он сам поставил при публикации своей диссертации: дать «свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках» и недоступны многим специалистам из-за «необщепринятости и нераспространённости турецкого языка в учёном мире». При этом он подчёркивал, что «справедливость требует... не забывать взаимности обид» между народами, живущими по-соседски, и «история показывает, что каждый народ чаще бывает мученик, чем баловень судьбы своей». Ещё первый рецензент, тогда текста диссертационной работы Смирнова, Н. И. Веселовский (1887 г.) отмечал, что порой в турецких источниках просматривается «стремление унижить татар перед турками, показать, какое великое преимущество имеет султан перед крымским ханом». Что ж, высокомерие и имперские амбиции у османских властей, бесспор-

но, были. В приводимых автором документах встречаются и критика, и недовольство, а временами и восхищение татарской удачью и воинственностью, но почему в этом надо обвинять В. Д. Смирнова? Ещё раз повторю, что, будучи редактором переиздания книг Василия Дмитриевича в 2005 г., я внимательно прочитала его работы, а потому могу засвидетельствовать, что в них встречаются цитаты из сочинений турецких авторов с негативными отзывами о крымцах и описаниями некоторых татарских обычаев, в настоящее время воспринимаемых весьма критически, но их очень немного и поданы они вполне корректно.

К сожалению, такой корректности не видно в утверждениях французских коллег, позволивших себе в адрес В. Д. Смирнова замечание, что его работы ввергают в заблуждение «классического османоцентризма», т.е. видения «в Крымском ханстве лишь колониально-зависимой территории Османской империи, где институты и идеология власти, а также политика были лишь несовершенным и грубым отображением таковых Блистательной Порты». В этих утверждениях присутствует явное огрубление точки зрения Смирнова. Ни в авторском тексте, ни в приводимых автором материалах нет той категоричности, о которой пишут его оппоненты. К тому же, напоминая, Василий Дмитриевич подчёркивал, что рассматривает свою работу как некое справочное издание, где «другие исследователи, могущие обнять предмет шире», смогут наводить, «когда встретится надобность, справки в данных, которые заключаются в памятниках турецкой письменности». При этом он всегда указывал на имеющуюся разность в сведениях о крымских событиях, идущую из сочинений османских писателей и произведений, написанных по-турецки авторами крымского происхождения. «Османоцентризм» здесь явно не присутствует, хотя крымские события подаются на

фоне османской истории, и это закономерно, ведь тогда это было единое государство. Современному русскоязычному читателю это должно быть понятно, так же как и то, что, говоря о периоде, когда существовали Российская империя и Советский Союз, нельзя без знания общегосударственных исторических реалий уяснить историю Белоруссии, Украины, Средней Азии, Закавказья и других входивших в эти государства этнических сообществ. Абсолютно неуместно в данном контексте и используемое французскими исследователями выражение «колониально-зависимые территории». Это уж явный «европоцентризм» и реалии абсолютно иного хронологического периода. Крымско-османские отношения относились к совершенно другой идеологической среде, и в них присутствуют иные методы зависимости. Кстати, и термин «вассалитет», широко используемый при описании крымско-османских отношений, не совсем соответствует османским реалиям. Историкам, однако, его приходится использовать, так как не находится иного (и лучше бы османского) эквивалента для определения тех государственных областей, которые как самостоятельные единицы были включены в Османскую империю.

Описывая крымско-татарское прошлое, В. Д. Смирнов во многом видел упущения османских властей, но это не значит, что этим он становится «апологетом политики русского завоевания». Да, он был не диссидентом, как сейчас принято говорить (и принято расхваливать), а представителем официальной университетско-академической российской науки, профессором С.-Петербургского университета и объективным учёным-исследователем. Не историк создавал те трудные условия, в которых оказывался крымско-татарский народ на протяжении своей истории. Он их лишь констатировал и в период процветавшей тогда официальной религиозной нетерпимости подготовил се-

рьёзное исследование о Крымском ханстве, прекратившем к тому времени своё существование, изучал крымские архивы, османские источники об этом государстве, пытался объективно изложить его историю. В подстрочных примечаниях он не раз выражает благодарность за помощь, оказанную ему в изыскании источниковых материалов, полученную от иностранных учёных, библиотек и библиотечарей, а также таких деятелей, как, например, Исмаил Гаспринский — известный крымско-татарский просветитель, издатель первой газеты на крымско-татарском языке, или Ф. Ф. Лашков — ещё один интересный исследователь крымско-татарской проблемы, выступивший со своими исследованиями несколько позже В. Д. Смирнова.

Исследования В. Д. Смирнова отражают современный ему уровень знаний о Крымском ханстве. Уровень этот был довольно высок и, как можно констатировать, в настоящее время пока ещё не превзойдён, хотя и дополнен отдельными деталями, источниками и размышлениями. Как отметили Д. А. Мустафина и И. А. Мустакимов в своём историографическом обзоре (2017 г.), «в отечественной историографии межгосударственных контактов в Восточной Европе в XV–XVII вв. получили развитие посылы и выводы, содержащиеся в сочинениях В. Д. Смирнова. Они стали основой для признания как полной зависимости Крымского ханства от Османской империи, представляемого слепым и послушным орудием султана, так и самостоятельности Крымского ханства в проведении своей внешней политики в постордынском пространстве». Действительно, источники материалы, приводимые в этом исследовании, разноплановы, и сведения, вырванные из контекста, могут быть по-разному интерпретированы. Отношения Османского государства и его крымского вассала были непростыми и менялись на протяжении четырёх столетий их совместно-

го сосуществования. В. Д. Смирнов был осторожен в подаче этого материала, радикальные же выводы делает не он, а его не всегда добросовестные оппоненты.

Своими исследованиями, касающимися тонкостей внутренней организации не только Крымского ханства, но и других тюркских народов, переходивших из османского подчинения в российское, В. Д. Смирнов побуждал российские имперские власти быть более осторожными и грамотными с введением европейских новшеств в социальную структуру этих народов. И если это не всегда учитывалось, то в этом вина не учёного.

В своих научных трудах он был осторожен, объективен, строго следовал за источниковым материалом, не позволял себе какого-либо проявления личных эмоций. Другое дело – его публицистика. В ней он стремился выразить своё собственное отношение к происходившим тогда событиям. Уже в 1875 г., посетив Турцию, он был очень разочарован её «европеизацией», о которой с восторгом писали в Европе, видел трудности приобщения исламского общества к достижениям европейской культуры, в чём-то проявлял пессимизм (возможно, излишний) в отношении возможностей для османского общества такого пути развития. Более того, мало занимаясь сутью ислама как религии, он наблюдал, что тогдашние исламские просветительские структуры зачастую препятствовали приобщению мусульманских народов к европейским достижениям и порой настраивали мусульман на вражду ко всем немусульманам. Зная об этих взглядах учёного, принято считать, что, будучи цензором мусульманской литературы и членом комиссии по образованию в мусульманских школах, он своими запретами тормозил культурный рост мусульман, мешал публикации сочинений российских мусульман. Как пишет В. А. Гордлевский, «имя Смирнов – «Измсмирнов»,

как говорили турки, было символом вражды, недоброжелательства русского правительства к мусульманам». С отзвуками таких настроений я столкнулась в совсем недавнее время. После переиздания книг В. Д. Смирнова о Крымском ханстве (2005 г.) я попыталась передать несколько экземпляров этой книги в Крым. Как мне рассказали знакомые крымские татары, Мустафа Джемилев, тогдашний руководитель крымско-татарского меджлиса, будто бы заявил, что этот Измирнов им не нужен. Думаю, это говорит не о недостатках книги, а о культурном уровне самого меджлиса в то время. Что же касается цензурских ограничений, которые приписываются Василию Дмитриевичу, то хочу обратить внимание на то, что эту проблему никто не изучал. Думаю, эти разговоры могли возникнуть и потому, что, будучи учёным, хорошо разбирающимся в проблеме, своими ограничениями он просто не пропускал недостаточно компетентные работы. Опять напоминаю его очень доброжелательную и благодарственную отсылку в книге о Крымском ханстве к Исмаилу Гаспринскому. Да и вообще, нельзя забывать, что это было время подъёма тюркского просветительства – джадедизма. Его сторонники активно публиковались. Много из этой литературы проходило через руки В. Д. Смирнова. С тогдашним бумом мусульманской литературы можно ознакомиться по ежегодным сообщениям самого В. Д. Смирнова об этих публикациях – в «Записках Восточного отделения императорского русского археологического общества» – и только после этого судить о его роли в этом процессе. Завершить же мои размышления о Василии Дмитриевиче будет справедливо, как мне кажется, тем же вопросом, которым завершил свой некролог В. А. Гордлевский: «Сумеют ли хулители и порицатели завещать потомству научное наследие, равное тому, что оставил нам В. Д. Смирнов?».

В. Д. Смирнов умер в 1922 г. Начинался трудный и во многом перестроечный период во всех сферах жизни нашей страны. О трудностях в сохранении османистических традиций немного скажу попозже, а пока хочу лишь ещё раз напомнить ту мысль, которая содержится в заголовке этой главы: «Россия не может отделиться от Азии и остаться Россией».

Строя своё государство в постордынском мире, России пришлось защищать свою европейскую идентичность и вместе с этим искать формы сосуществования с тюркским миром, а потому как-то приспосабливаться к нему. Были войны и попытки установления разных форм вассального соподчинения, но в конце концов Московия вынуждена была пойти на включение тюркских анклавов в своё государство, т.е. начать строительство своего имперского государственного образования. Прекрасно осознаю, что заслужу упреки в излишнем национализме, но всё-таки продолжаю твёрдо стоять на том, что термины «российская экспансия», «агрессия», бытующие в описаниях этого процесса российской истории, не оправданны. Это было вынужденное оберегание своей собственной государственности, необходимое ещё и потому, что в европейское общество, как показал период Ливонской войны, Россию допускать явно не хотели, а её противостояние Востоку и мусульманству до второй половины XVII в. не воспринималось в Европе как союзничество крестоносной политике.

В Восточной Европе и далее в Северной Азии сложилось некое своё, особое, христианско-исламское сообщество, в котором христианская Московия стала играть руководящую роль. Русский народ после ордынского вынужденного застоя продемонстрировал такой пассионарный взрыв, который позволил ему, зачастую даже не по государственному велению, а по собственной инициативе (вспомним

российских первопроходцев), добраться в своём территориальном расширении вплоть до Тихого океана. О допетровском времени Ф. М. Достоевский писал: «Россия... медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины». Подняв Россию на дыбы, Пётр ускорил её развитие, но, как и любое ускорение, оно не могло быть повсеместным, охватить все стороны общественной жизни. Появлялись отстающие области, не хватало осмысления достигнутого. Научное востоковедение, и особенно тюркология, помогало этому осмыслению, а османистика, показывая иной имперский опыт, давала пример сравнения и в чём-то – предостережения. Ну и, конечно, русским необходимо было знать Азию для укрепления территориальных и культурных внутригосударственных связей и выработки собственного самосознания. Ведь они осуществляли – вспомним Н. М. Карамзина — не завоевание, а «собрание воедино», в трудные же моменты, препятствовавшие этому, приходило осознание, что беда пришла «не к государству, а к отчизне».

Глава VI

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОСМАНСКИХ РУКОПИСЯХ

Основоположники российского востоковедения не считали возможным появление у нас той или иной отрасли этой науки до тех пор, пока в стране не будет собрана достаточная источниковая база.

Посольства ведущих европейских держав в Османской империи к сбору документов и вообще различных восточных писаний (первоначально, разумеется, рукописных) целенаправленно приступили ещё в XVII в. Именно на базе их коллекций и начинало развиваться европейское научное востоковедение. В российском внешнеполитическом ведомстве такой, заданной сверху, целенаправленности по отношению к османским документам не было, но исподволь они накапливались. Этому способствовали географическая близость, религиозное и языковое родство с народами, включавшимися в состав российского государства, миграционные процессы и, конечно, дипломатические контакты. Путешественники, паломники, дипломаты, местные администраторы, а позднее и военные вносили свой вклад в общую копилку знаний о соседнем государстве не только своими личными впечатлениями, но порой привозили и письменные памятники, а первым студентам,

получавшим в российских университетах востоковедное образование и отправлявшимся в учебную командировку на Ближний Восток, уже специально поручалось приобретение, по возможности, рукописей восточных сочинений. Во второй половине XIX в. насущным стал вопрос о систематизации, учёте и описании накопившихся в стране турецких рукописей. В наведении порядка в этой отрасли рукописного богатства огромна роль В. Д. Смирнова. Если посмотреть на список трудов Василия Дмитриевича, составленный и опубликованный А. П. Григорьевым, то поражешься количеству описанных им коллекций и количеству должностных лиц, передавших в распоряжение учёных имевшиеся у них турецкие рукописные сочинения. В первой главе этих воспоминаний я уже упоминала о наших ленинградских коллегах, и в наше время продолжающих систематизацию и описание этих рукописных богатств. Казалось бы, основная работа в этом плане уже закончена. Но это не так. Перспективы в этой деятельности весьма значительны и новые открытия вполне реальны, в чём я убедилась даже на своём личном, весьма скромном, опыте, о котором и хочу рассказать.

Работая над своей кандидатской диссертацией о русско-турецких отношениях начала XVIII в., я заказала из Рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР копии трёх рукописей, которые, судя по каталогу, содержали турецкие сочинения, относящиеся к моей теме. Два из них оказались турецкими описаниями Прутского похода 1711 г. Я ими воспользовалась. Они помогли мне сопоставить события, происходившие во время похода на русской и турецкой стороне. Не скажу, что это было главным в моей работе, но некоторое украшение ей использование таких сочинений придало. С третьей же рукописью я тогда разобраться не сумела. Это была ту-

рецкая рукопись, ни автор, ни дата написания которой не были указаны. Имелось лишь заглавие: «Mübahassa-i misri ve şami ve hükümet-i Babiali müsalaha-name», что можно перевести примерно так – «Рассуждение египтянина, сирийца, и [представителя] Высокой Порты о [каком-то] соглашении о мире». В предварительных описаниях и изданном в 1965 г. каталоге тюркских рукописей, хранившихся в Ленинграде, значилось, что в сочинении обсуждаются проблемы Прутского мира (он действительно упоминался на первых страницах рукописи). Согласно каталогу, это сочинение было предположительно отнесено к 1714 г. Такой год значился на рукописи, хотя и был написан другой рукой и явно европейцем. Пытаясь читать это сочинение, я тогда никак не могла соотнести его с историей изучаемого мною периода. Диссертацию надо было заканчивать. Время поджимало, и этот документ был мною отложен до лучших времён.

Позднее я не раз ещё обращалась к этой рукописи и в конце концов поняла, что это сочинение XVIII в. неправильно описано и датировано. Оно излагает события 1737 г. Тогда тоже шла война Османской империи с Россией, но были надежды на скорое заключение мира. Австрия предложила своё посредничество в мирном урегулировании. В связи с этим в османских правительственных кругах попытались разобраться, как строятся отношения между европейскими странами, что собой представляют принятые у европейцев межгосударственные договоры (мусульманским странам несвойственные), насколько возможно Османскому государству включиться в европейскую систему международных отношений и поверить в искренность миролюбивых предложений Австрии. У меня есть две статьи об этой рукописи, где я пишу о ней как о публицистическом сочинении, показывающем попытку османов понять европейскую дипломатическую практи-

ку и самостоятельно приобщиться к ней. Действительно, в сочинении излагается разговор трёх лиц, названных как египтянин, сириец и представитель Высокой Порты, которые обсуждают эту проблему. Сириец в этом разговоре предстаёт знатоком европейских обычаев, египтянин отстаивает исламскую практику межгосударственных отношений, а представителю Порты предлагается сопоставить эти взгляды и найти правильное решение. Как сказано в рукописи: «Двумя глазами посмотреть на мир». Мне было известно, что существует несколько османских сочинений примерно того же времени, похожих по форме (правда, беседа в них шла непосредственно между европейцем и османцами) и содержанию. Сопоставлялись в них состояние армейских сил и правила ведения войны. В результате делался вывод об отставании Османской империи в военной области и о необходимости преобразований, учитывавших европейский опыт. Рассматривая находившееся в моих руках сочинение, я писала тогда, что дипломатическая сфера стала второй после военной, где османские власти почувствовали своё отставание от Европы и начали вводить необходимые новшества. Исполдволь же я начала присматриваться к периоду русско-турецкой войны 1736–1739 гг., чтобы лучше осмыслить попавший в мои руки документ, понять причины его создания, а возможно, и определить автора. Результатом этого моего многолетнего интереса стала долго готовившаяся книга о Немировском конгрессе 1737 г., опубликованная лишь в 2010 г. В период работы над этой книгой документ предстал и для меня, и, надеюсь, для читателей в несколько ином свете.

Суть в следующем. Отличие рассматриваемого нами документа от других публицистических сочинений тех лет, похожих на него по форме, состоит в том, что в нём авторы пытались решать конкретную дипломатическую задачу,

стоявшую перед османским правительством – принять ли австрийское посредничество в предстоявших переговорах с Россией. Следовательно, перед нами не умозрительные соображения о проведении необходимых стране проевропейских реформ, а некая самостоятельная, практически необходимая, попытка понять европейскую дипломатическую практику и решить свою проблему новыми, европейскими, методами. Согласие османского правительства на австрийское посредничество и надежда с его помощью заключить мир с Россией привели к русско-турецким переговорам, начавшимся в 1737 г. в городке Немирове (в то время польском). Многостороннее обсуждение этой проблемы и в результате согласие турецкой стороны на австрийское предложение как раз и описывается в рассматриваемом нами документе. Не случайно завершается наш документ фразой: «Итоги обсуждения передаются в султанский диван». Говоря современным языком, мы, следовательно, имеем дело с рабочим документом соответствующего ведомства, определявшего внешнюю политику страны. Но дальше в оценке этого документа начинаются сложности. Известно, что описываемой в документе точки зрения придерживался кетхуда (помощник, секретарь) великого везира Осман Халиса-эфенди. Он был тогда в османском правительстве очень авторитетен и фактически определял внешнюю политику. Именно он не раз заявлял о дружеском расположении к Османской империи Австрийской монархии и верил, что при её посредничестве возможно достигнуть выгодного для османов соглашения с Россией, а потому ратовал за скорейшее начало мирных переговоров. Именно эта точка зрения и нашла отражение в рассматриваемом нами сочинении. Но случилось так, что эта точка зрения оказалась ошибочной. Австрия не только не выполнила свои обещания о посредничестве, но и сама объявила войну османам. Открытие

Немировского конгресса, планировавшегося как мирный, совпало с вступлением Австрии в антитурецкую войну. Не сумевший предвидеть этого Осман Халиса-эфенди был снят со своей должности и казнён. Следовательно, содержание рассматриваемого нами сочинения содержало политический прогноз, который оказался неверным. Это интересно тем, что показывает «внутреннюю кухню» принятия политических решений в Османской державе, а в данном случае – ещё и тех лиц, которые начинали делать первые (и пока неудачные) шаги включения в европейскую международную политику. Документ уникален (не оправдавшиеся прогнозы обычно не хранят) и даже загадочен ещё и тем, что он сохранился в нашем, российском, архивохранилище. Известно, что он был передан в Рукописный отдел петербургского Института востоковедения археографической комиссией В. А. Забирова и С. Г. Вахидова, собиравшей восточные рукописи в Поволжье в 1934 г. Можно предполагать, что часть османских пленных, многие из которых, в том числе и довольно высокого ранга, после Белградского мира 1739 г. по разным причинам не вернулись домой, обосновались в среде тюркских народов этого региона, и в их личных вещах сохранился этот, по сути, черновой документ. Я несколько раз обращалась к своим казанским коллегам и предлагала кому-либо из молодёжи посмотреть архивные записи той археографической экспедиции, попробовать выяснить, кто передал собирателям эту рукопись, а также, может быть, узнать какие-то семейные предания, связанные с ней. Пока, к сожалению, никто на этот призыв не откликнулся.

Была в моей жизни и ещё одна попытка заняться изучением коллекции османских рукописей, которая находится в нашей стране, но до неё опять-таки ещё не дошли руки исследователей. Когда после защиты кандидатской диссертации я искала для себя новую тему для исследо-

ваний, то обратила внимание, что в одном из старых путеводителей Архива древних актов (теперь РГАДА, тогда ЦГАДА) числился «Архив» документов османского «губернатора» крепости Хотин Ильяса Колчак-паши, захваченный русской армией в 1737 г. Решила посмотреть, что это за коллекция. В архиве её обнаружить не сумели, забеспокоились и тоже стали выяснять, что это за архивное дело, никому неизвестное и неизвестно куда исчезнувшее. После довольно длительных поисков и расспросов одна из старых работниц архива предположила: сразу после войны из архивов изымались оригиналы всех официальных договоров с иностранными державами, и прежде всего на иностранных языках. Они передавались в архив Министерства иностранных дел. Так как коллекция туркоязычная, то вполне возможно, что её тоже туда передали. И это тем более вероятно, что передача документов тогда шла спешно, с большими строгостями, не позволявшими хорошо присмотреться к передаваемым документам. Проще было отдать лишнее, чем, не дай Бог, оставить у себя то, что требовали службы МИД.

Архив МИД был в моё время довольно закрытым учреждением, и для работы в нём требовалось специальное разрешение. Тем не менее я туда позвонила, и мне ответили, что такая коллекция у них действительно имеется. Я получила от института необходимую бумагу о том, что изучаю русско-турецкие отношения и прошу разрешения ознакомиться с архивом пограничной турецкой крепости. Отдала, мне было предложено позвонить через несколько дней. В назначенное время по телефону мне ответили, что данная коллекция не имеет отношения к изучаемой мною теме. Мы в секторе поиронизировали на эту тему, и я отнесла в МИД другую бумагу, что занимаюсь непосредственно Хотинском и личностью Ильяса Колчак-паши. Опять через некоторое

время мне ответили, что имеющееся у них архивное дело не разобрано, они не знают, что в нём находится, и возможно, там содержатся документы, могущие быть «интерпретированными во вред политике Советского Союза», поэтому мне его не выдадут. Вот такая была формулировка для отказа в выдаче документов. Моя реплика, что я могла бы им помочь в описании документов, принята во внимание не была. Мне было сказано, что они ведомственное учреждение и у них свои планы работы. Все эти переговоры шли по внутреннему телефону в проходной. В сам архив тогда меня даже не пустили. Я поогорчилась, внутренне повозмущалась, но что поделаешь. Такое было время.

Через много лет, уже в период перестройки, я вспомнила об этой истории и решила всё-таки узнать, что же это за коллекция и можно ли с ней поработать. Позвонила в архив. Мне ответили, что я могу к ним прийти. На вопрос, описана ли коллекция, ответили, что разобрана и описана. Меня это очень заинтриговало: кто же выполнил эту непростую работу и никому не рассказал, ведь всех, кто в нашей стране способен это сделать, я знала. Прихожу в архив. Мне дают дело. Оно содержит около 2500 османских документов, которые разложены сотнями по папкам. К некоторым даны небольшие пояснения, но явно не специалистов-туркологов. Некоторые детали были описаны правильно, но рядом соседствовала явная безграмотность с точки зрения османиста. Как я потом выяснила, многие из этих пояснений были взяты из сохранившегося до наших дней предварительного описания, сделанного ещё в 1749 г. тогдашним «студентом» (так он сам себя именует) Александром Равичем. Кстати, для тех, кто будет в будущем работать с этими документами, ещё раз подчёркиваю, что заметки Равича более информативны, чем позднейшее сопровождающее их описание.

Честно говоря, увидев эту массу документов, я просто растерялась. На их разборку можно потратить всю жизнь (так бы, наверное, у меня и было, если бы меня к ним допустили в 1960-е годы). Теперь же я их полистала, кое-что для себя выписала, но поняла, что с разбором этого собрания рукописей просто не справлюсь. На нескольких международных конференциях я говорила об этой коллекции и приглашала коллег к совместной работе. Знаю, что ею интересовался польский исследователь Дариуш Колодзейчик, который слышал мои рассказы о коллекции. Приехав в Москву, увидев это множество арабописьменных листов и имея всего несколько дней для работы в архиве, он позвонил мне, ошарашенный обилием и фактической неразобранностью этого собрания, и спросил, где в этом изобилии можно отыскать документы, касающиеся земельных владений Ильяс-паши (я упоминала о них, рассказывая о коллекции). Время было летнее, я жила тогда на даче, архивной тетради при мне не было, и я могла лишь сказать ему, в какой сотне находится документ. Мы с ним погоревали, что маловато времени для более подробного освоения этих рукописных богатств. Насколько я знаю, ему пока не удалось вернуться к этим документам. Изъявлял желание поработать с этим собранием вместе со мной и один работник турецкого посольства, но этот тандем так и не состоялся. Я тогда была занята чем-то другим, а он был не очень активен в своих намерениях и вскоре вернулся к себе в страну. Не так давно мне написал аспирант из Калуги, готовивший диссертацию по истории русско-турецких отношений и намеревавшийся в будущем заняться хотинским архивом. Я приветствовала это намерение, но спросила, как у него обстоят дела с турецким и насколько он готов к работе с османскими рукописями. Больше он мне не писал. Итак, пока эти материалы, спо-

собные пролить новый свет на то, как работала османская пограничная администрация, как осуществлялся контроль за ней со стороны центра, а также больше узнать об отношениях Османской империи с Россией и Польшей в тот период, остаются неосвоенными. Те немногочисленные данные, которые я сумела извлечь из этого архивного собрания, изложены в моей книге о Немировском конгрессе, но это лишь малые крохи тех сведений, которыми могут нас обогатить эти архивные материалы.

Я пишу лишь о своём, очень малом, соприкосновении с османскими рукописными материалами, хранящимися в нашей стране. Количество их намного значительнее, чем официально известно, и османистам в этой области ещё предстоит многое освоить.

Когда я начинала работать с османскими рукописями и появились какие-то соображения по поводу рукописи 1737 г., мне очень хотелось с кем-то поделиться своими догадками, получить поддержку, а может быть, и консультацию. В Москве таких специалистов не было. Е. И. Маштакова посоветовала обратиться к польскому коллеге З. Абрахамовичу, сотруднику Краковского архива. Она была с ним в переписке и дала его адрес. Я знала, что это очень квалифицированный специалист, составитель образцового «Каталога турецких рукописей», хранившихся в Польше (а значит, османист высшего класса). К тому же он хорошо знал русский язык, так как происходил из тракайских караимов. От Елены Иннокентьевны я слышала, что в Тракае жила его мать, и в последние годы жизни сыну, оказавшемуся в Польше после учёбы, стало трудно её навещать, он очень переживал по этому поводу. К коллегам же, несмотря на все обиды на наши власти, он всегда был доброжелательно настроен, хотя (как предупредила Елена Иннокентьевна) порой и «ехиден» в своих замечаниях.

Я тогда очень заинтересовалась караимами. Моим просветителем по этому вопросу стал Николай Александрович Баскаков. Это ещё одна яркая личность тюркологического мира. Филолог, знаток многих тюркских языков. В то время он довольно часто приходил к нам в сектор, так как был одним из редакторов готовившихся к печати «Избранных трудов» В. А. Гордлевского. Сам же он тогда вместе с С. М. Шапшалом занимался подготовкой к изданию «Караимско-русско-польского словаря». Николай Александрович рассказал, что С. М. Шапшал, успевший в начале XX в. прославиться как одиозный правительственный консультант предреволюционных Персии и Турции, в начале Второй мировой войны сумел добиться от гитлеровского правительства организации антропологического обследования караимов, надеясь спасти от Холокоста этот тюркский народ, исповедующий иудейскую религию доталмудистского толка. Идея себя оправдала. Полученные этим обследованием данные подтвердили восточное происхождение этого народа. Правда, загадка всё-таки осталась — действительно ли трое уважаемых немецких антропологов, ранее придерживавшиеся определённых взглядов, изменили своё мнение, получив новые данные исследования, либо пошли на это из желания спасти народ от уничтожения. Меня в то время этот рассказ Николая Александровича потряс, показав объективную возможность искажения научных выводов под влиянием жизненных условий. Это понимание заставляет, работая с источниками, обращать особое внимание на ту среду, в которой создавалось то или иное сочинение, и цели, ради которых, возможно, оно было написано.

Итак, я написала З. Абрахамовичу. Он ответил мне очень любезно. В ответ на моё обращение «Многоуважаемый профессор» сразу же поправил: «Я не профессор (а только Dr., что у Вас — канд. н.) и проф. уже не буду. Прошу меня так

не называть, а просто Зигмунд Захарович». Приложенную к письму мою первую статью о «Мюбахаса», как он сразу стал называть сочинение 1737 г., о котором я написала в начале этой главы, очень приветствовал, хотя и сетовал, что пока сведений об этом документе у меня приведено мало. Своим опытным взглядом он сразу уловил пару небольших (не принципиальных), но неточностей в переводе, которые я, конечно, учла при дальнейшей работе над текстом. При этом его замечания были высказаны с оговоркой, что, возможно, он не прав, так как не видел всего текста, — т.е. очень деликатно. В дальнейшей нашей переписке я почувствовала, что его замечания о работах коллег действительно могут быть очень едкими и критичными, но в мой адрес это не проявлялось. Более того, он настоятельно советовал мне поскорее опубликовать этот источник. Так как в то время прекратилось курировавшееся А. С. Тверитиновой издание восточных источников по Восточной Европе (венгерские коллеги, взявшиеся было за эту работу, не смогли её осилить), З. Абрахамович предлагал: «Было бы прекрасно, если бы Вы, советские учёные, выпустили в свет том из сокровищ Ваших коллекций — одним из них и явилось бы Ваше «Mübahasa»».

Сам Зигмунд Захарович выпустил тогда интереснейшее исследование о Кара Мустафе и осаде Вены. Эта статья хотя и довольно пространная, однако, на мой взгляд, она стоит многих книг и диссертаций. События в ней описаны интересно, документировано, во многом по-новому (об этом см. мои статьи в книге «Общий очерк истории Османской империи»). В это же время Зигмунд Захарович в польской аудитории выступил с докладом о титулатуре османского султана. В одном из писем он сожалел, что это выступление прошло как-то малозаметно. Мне он прислал его текст, даже более полный, чем резюме, опубликованное в Польше. Мы

его опубликовали в одном из наших сборников. По-моему, интересное исследование. К сожалению, из печати этот сборник вышел тогда, когда Зигмунда Захаровича уже не было в живых. Переписка наша была не очень регулярной, но интересной, а для меня и очень полезной. Однажды, неожиданно для меня, я получила от него по почте целую пачку оттисков его работ разных лет, аккуратно подписанных и явно подобранных по моим интересам. Я не успела даже поблагодарить в ответном письме, как узнала о его кончине. Этим последним подарком я была очень тронута. Сейчас, с приближением к концу научного и жизненного пути, я передала все эти оттиски в нашу Историческую библиотеку.

Завершить эту главу мне хочется концовкой одного из писем Зигмунда Захаровича Абрахамовича, эти слова несправедливо адресованы мне, но думаю, что они должны распространяться на всю нашу османистику, которая, надеюсь, ещё возродится и скажет своё слово: «... пишите скоро и не мало, не сжато, так как многое может ускользнуть от меня при сжатом изложении. А у Вас, продолжательницы великих традиций, не одно найдётся, что мне будет поучением. Поверьте, что говорю правду, что шлю Вам искреннюю благодарность и *hürmet* и *selam*». А дальше была приписка: «Прошу простить за ошибки в русском». И ещё один его совет — при всей индивидуалистичности нашей работы необходимо общение с коллегами, обмен мнениями, взаимными советами. Опять из письма Зигмунда Захаровича: он сообщает, что переживает трудное время, болеет жена, дети где-то далеко. У него появилось свободное время, и он сумел написать несколько писем коллегам, в том числе и мне, «потому что мне уже стало скучно от всей этой возни с бумагами только, когда не с кем о работе поболтать». Так вот, напоминаю, что «о работе поболтать» — это очень важная часть нашей жизни.

Глава VII **ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В МОСКВЕ**

Хотя университетским Уставом 1804 г. при Московском университете предписывалось создать кафедру восточной словесности, на которой должен был преподаваться и турецкий язык, но это предписание выполнено не было. Вообще тюркские языки в университете начали преподаваться Н. К. Дмитриевым лишь в 1925 г., когда этот курс был введён на этнографическом отделении этнологического факультета. Позднее Николай Константинович работал на филологическом факультете, а я его помню лишь как очень доброжелательного импозантно-интеллигентного пожилого экзаменатора, приглашённого (как куратора) нашей преподавательницей А. А. Ждановой принимать у нас экзамен по турецкому языку на первом курсе.

В Москве, однако, существовало частное «Армянское Лазаревых учебное заведение», которое объявило своей целью «юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставать способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков». В начале это было учреждение лицейско-гимназического статуса с хорошим уровнем общего образования. Известно, что в нём учились многие

будущие видные представители московской интеллигенции. В 1871 г. при училище были созданы «специальные классы» университетского уровня. Лазаревский институт славился хорошей языковой подготовкой своих воспитанников, игравших заметную роль на российской дипломатической службе и в управлении восточными окраинами государства, но как востоковедный научный центр он стал проявлять себя лишь в последнем десятилетии XIX в., когда в нём начали работать такие университетские профессора как Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, В. И. Герье, А. Н. Веселовский и др. К тому же расписание занятий составлялось таким образом, чтобы студенты могли посещать помимо своих занятий ещё и лекции в Московском университете. Именно тогда в Лазаревском институте получили образование два выдающихся востоковеда, сыгравшие позднее значительную роль в развитии этой отрасли науки, — А. Е. Крымский (1871–1942) и В. А. Гордлевский (1876–1956). Оба они, являясь выпускниками не только Лазаревского института, но и историко-филологического факультета Московского университета, были после учёбы командированы на Ближний Восток: А. Е. Крымский три года провёл в Сирии и Ливане, В. А. Гордлевский — в Турции и Сирии, а последний год — в Париже. Лишь на новом материале, накопленном в командировках, они приступили к написанию своих магистерских диссертаций. А. Е. Крымский в области османистики известен прежде всего как автор книг «История Турции и её литературы: от расцвета до начала упадка» (1910), «История Турции и её литературы: от возникновения до начала расцвета» (1916) и своим известным очерком «О «туркофильстве» Европы и Московской Руси XVI в.». В 1918 г. он переезжает в Киев, где становится одним из организаторов украинской науки.

В 1941 г. А. Е. Крымский был репрессирован, отправлен в ссылку в Казахстан, где и умер в 1942 г.

В. А. Гордлевский же был не только крупным специалистом по турецкому языку, литературе, истории, но в советское время оказался чуть ли не единственным хранителем традиций российской туркологии и создателем её московской школы. Османо-туркологические исследования к 1920-м годам достигли передовых рубежей российской востоковедной науки. Как констатировал академик В. В. Бартольд, благодаря трудам петербуржца В. Д. Смирнова и московских профессоров А. Е. Крымского и В. А. Гордлевского к этому времени «русская наука обладает такими подробными очерками турецкой литературы, каких на русском языке ещё нет по истории литератур арабской и персидской».

Лазаревский институт и Восточный факультет Санкт-Петербургского университета не дублировали друг друга, а с самого начала имели разную направленность. В Москве первоначально изучали лишь страны Ближнего и Среднего Востока и упор делался не на классику (как в Петербурге), а на новые языки, литературу, историю, политико-юридические науки. Целью института считалась подготовка будущих дипломатов и управленцев российских восточных окраин. Обязательные зарубежные командировки студентов предусматривали длительное пребывание в живой языковой среде, изучение народа и языка, не только литературного, но и простонародного. Традиционным оставалось лишь требование закупки книг и рукописей.

После революции Лазаревский институт претерпел ряд реорганизаций и в конце концов превратился в Московский институт востоковедения, просуществовавший, как уже отмечалось, до 1954 г. Он утратил свою прежнюю функцию подготовки администраторов восточных окраин

и стал специализироваться лишь на преподавании языков, причём пассивно, без языковой практики в изучаемых странах. Как писал В. А. Гордлевский, изучение шло, к сожалению, «так сказать, заочным путём, заглазно», было оторвано от почвы, плохо подпитывалось иностранной литературой, западной и восточной. Институт готовил так называемых референтов-переводчиков, но их «теоретические знания и по языку, и по стране, и по экономике ... уступают уровню лиц, прошедших специальные вузы». В этой ситуации реорганизация востоковедного образования, прошедшая уже на моей памяти в 1954–1956 гг., очевидно, действительно была нужна, но, как это часто у нас бывает, делалась она по принципу – разрушить всё до основания, а потом строить, заново припоминая порой то хорошее, что было раньше.

Попытки введения востоковедных дисциплин в университетское образование предпринимались неоднократно, но организационно это было оформлено лишь во время Великой Отечественной войны, когда восточные отделения были созданы на филологическом и историческом факультетах МГУ. На филфаке, хотя турецкий язык и преподавался, общая направленность была тюркологическая. В основном там учились так называемые «целевые» студенты, приезжавшие по особому направлению из тюркских республик СССР и специализировавшиеся по своим местным языкам. Истфак же в своих востоковедных штудиях придерживался зарубежной направленности.

События турецкой истории – распад Османской империи, освободительное движение, борьба с Антантой, строительство Турецкой Республики – требовали своего освещения, на что, однако, не решались специалисты-востоковеды старой школы. Этим тогда активно занялась околонучная политическая журналистика.

В 1921 г. была создана Всероссийская (позже – Всесоюзная) научная ассоциация востоковедов (ВНАВ), куда вошли как учёные-востоковеды, так и журналисты и лица, связанные с практической деятельностью в странах Востока. Ассоциация начала издавать журнал «Новый Восток», где печатали свои работы и профессора-востоковеды. Широко обсуждалась проблема создания новых тюркских алфавитов и опыт Турции в этом отношении. Помещались некрологи об ушедших коллегах. В. А. Гордлевский публиковал в журнале статьи о религиозных движениях в Малой Азии. Вместе с А. Н. Самойловичем они делали обзоры восточной прессы. Много преподавали, но в основном лишь язык.

Советская действительность требовала от востоковедения приобщения к марксизму, хотя и в тогдашнем марксизме, и в применении его методов к восточной действительности было много вульгаризации, о чём позднее писали. Уже в 1920-е годы появилась целая серия работ, пытавшихся по горячим следам осмыслить то, что происходило на Востоке. О Турции тогда писали М. П. Павлович, В. А. Гурко-Кряжин, Г. Астахов, В. П. Осетров (Ирандуст). Их работы, как свидетельства своего времени, сохраняют значение и до сих пор, но востоковедными их назвать, конечно, нельзя.

Во время теоретических дискуссий страсти кипели нешуточные. Научные столкновения приводили порой к организационно-репрессивным мерам, что заставляло учёных-востоковедов быть очень осторожными в своих высказываниях и публикациях. Многие сознательно уходили в мелкотемье или лингвистику, отказывались от тем, имеющих политический подтекст. Не было единства и среди тех, кто объявлял себя марксистами. В исследованиях не наблюдалось конкретного знания Востока, зато проявлялись левосектантские настроения, царившие в коммунистическом движении на Востоке, а также влияние тех восточ-

ных коммунистов, которые жили в Москве и осмыслили события, происходившие в их странах, «из прекрасного далека» и в угодном для себя свете. К концу же 1920-х годов они находились уже в длительной эмиграции и фактически утратили связь со своими странами, но зачастую так и не приобрели тех теоретически-образовательных знаний, которые позволили бы им объективно оценивать действительность.

ВНАВ не сумела противостоять всем этим влияниям. К тому же в 1928 г. умер первый её председатель М. П. Павлович, пользовавшийся авторитетом среди учёных-востоковедов и умевший примирять страсти. В этих условиях ВНАВ могла стать лишь беспокойным политическим клубом, а это не было нужно ни властям, ни учёным. В 1930 г. ассоциация была упразднена. Постепенно были ликвидированы и другие политизированные востоковедные центры, во множестве возникавшие в послереволюционную пору.

В Ленинграде тогда всё ещё сохранялись востоковедные объединения академического типа. Прежде всего – это Азиатский музей, который в те годы занимался главным образом пополнением своей коллекции востоковедных материалов, спасая книги, рукописи, гравюры и т.п. С 1920 г. существовала также Коллегия востоковедов, являвшаяся для учёных объединяющим и защищающим органом. Кроме того, по инициативе В. В. Бартольда был учреждён Тюркологический кабинет (1927 г.). В «Положении» о его создании подчёркивалось, что «тюркология имеет особое значение для нашего государства, и нам необходимо готовить кадры для восточных республик». Кабинет занимался проблемами новых алфавитов для тюркских языков и готовил к переизданию труд В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий». В 1930 г. (как

раз в тот год, когда была упразднена ВНАВ) все три организации, а также Институт буддийской культуры были объединены в Институт востоковедения Академии наук. При нём были учреждены аспирантура и докторантура, что было особенно важно, так как разрыв поколений уже явно давал о себе знать.

В 1934 г. Академия наук была переведена в Москву, но Институт востоковедения всё ещё продолжал функционировать в Ленинграде, хотя и в Москве происходили некоторые организационные подвижки. С 1930 г. и в Московском институте востоковедения (бывшем Лазаревском) появилась аспирантура. Продолжал работать сектор истории колониальных и зависимых стран Института истории Академии наук. Туркологией там занимался Н. А. Смирнов, изучавший историю русско-турецких отношений. Позднее, как уже говорилось, он стал профессором МГУ и первым директором ИВЯ (1956–1958).

Большие изменения в академические структуры (как и вообще в жизнь нашей страны) внесла война.

Институт востоковедения АН СССР был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент, однако некоторые крупные учёные, в том числе академики-востоковеды, переехали в Москву (одни временно, как, например, И. Ю. Крачковский, другие на постоянное жительство – Е. Э. Бертельс и др.). 28 декабря 1943 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Московская группа ИВ АН. Её первым руководителем, собравшим воедино всех востоковедов, оказавшихся в Москве, был И. Ю. Крачковский. Позже, вернувшись в Ленинград, он продолжал сотрудничать с группой, вёл в Москве аспирантов и докторантов, постоянно поддерживал московских коллег. На заседании Учёного совета ИВ АН СССР 6 марта 1946 г. он отметил, что Московская группа «является учреждением с хорошим научным тонусом».

Дальнейшие реорганизации привели к тому, что на базе Московской группы был создан Институт востоковедения АН СССР. Ленинградский же институт стал считаться его отделением. О периоде Московской группы я знаю лишь понаслышке. Когда я пришла в институт, старшие коллеги рассказывали, что рабочим помещением было в то время здание на Причистенке (Кропоткинской), где ныне находится музей А. С. Пушкина. В распоряжение Московской группы предоставили большой зал. В каждом его углу, а иногда и просто за какими-либо шкафами, нашло пристанище какое-либо научное подразделение – китаисты, иранисты и др. В закутке помещались лишь стол руководителя и стулья. Договаривались между собой о графике проведения заседаний – так, чтобы не мешать друг другу. При всей этой бедности и скученности наши востоковедные дамы (в те годы – молодые девчонки, выросшие в военное время и пришедшие в ИВ АН после университета) с восторгом рассказывали, какие там устраивались вечера, на которые жёны профессоров приходили в длинных платьях с мехами. Конечно, это были крохи былой роскоши, но на послевоенных девчонок это производило впечатление. И ещё, что сохранялось из былого, – это уважительная, интеллигентная речь и предупредительность по отношению к дамам: пропустить вперёд, открыть дверь и т.п. В советском обществе (даже студенческом) это не всегда было принято.

Когда я пришла в институт, он уже перебазировался в Армянский переулок, в центральную часть здания, где когда-то размещался Лазаревский институт. В левом крыле этого здания располагалось Армянское постпредство, в правом — Издательство восточной литературы. Оно тогда только появилось, коллектив был совсем неопытным, и порой туда попадали случайные люди. Однако руководитель О. К. Дрейер был хорошим организатором (и дипломатом).

Издательство было его детищем и большим подспорьем для института, с которым оно поддерживало теснейшие связи. Позднее, в перестройку, этот тандем распался, что, как мне кажется, принесло большой вред и институту, и издательству. Постпредство же в конце концов вытеснило Институт востоковедения из здания в Армянском переулке, но выкупило для него дом на Рождественке (в советское время — улица Жданова). Здание старинное, дореволюционной постройки. После революции в нём были коммунальные квартиры. Постпредство обязалось перед институтом произвести капитальный ремонт. Он действительно начался. Жившие по соседству люди рассказывали, что из здания были извлечены несущие деревянные балки такого высокого качества, что местные жители с удовольствием покупали их для использования на дачах. Капитальный ремонт в этом здании завершился, а вот отделочный затянулся на десятилетия. Долгое время, помимо неплохо отремонтированной парадной части, оставались комнаты с очень неважной отделкой, а кроме того, с проблемами вроде протечек и т.п. Это, в свою очередь, вызывало внутренние подвижки. Например, наш Кабинет В. А. Гордлевского вынужден был перебазироваться со всем своим книжным богатством трижды. Теперь у института было более просторное помещение. Но мы и в Армянском особой тесноты не чувствовали. Что же касается нашего кабинета, то в здании в Армянском переулке он был в два раза больше. Сейчас, конечно, уже привыкли, и кажется, что всё так и должно быть. Правда, некоторые вещи вспоминаются с ностальгией. Я, например, помню ИНИОН, тогда ФБОН (Фундаментальную библиотеку общественных наук), расположенный ещё на Знаменке: небольшой зал с огромным круглым столом и уютными лампами, вокруг очень удобные полустулья-полукресла. Вокруг стола сидели вместе и крупнейшие учёные, и начи-

нающие аспиранты. Все сосредоточенно работали. И как же хорошо там работалось!

Признанным главой всех туркологов и арабистов в Москве многие годы был Владимир Александрович Гордлевский. Он оказался в Москве последним учёным-ближневосточником, прошедшим школу старого востоковедения. Продолжал тесно сотрудничать с ленинградскими коллегами, печатался в их изданиях, как, кстати, и в «Новом Востоке». В 1946 г. В. А. Гордлевский был избран действительным членом АН СССР.

Рекомендуя его в академики, И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, В. М. Алексеев, С. А. Козин в своей коллективной характеристике писали: «В. А. Гордлевский — лучший в нашей стране знаток турецкого языка и культуры Турции, учёный с давно установившейся научной репутацией. ... Стремясь построить московское востоковедение на подлинно университетских началах, В. А. Гордлевский за долгие годы своей преподавательской деятельности в Москве явился создателем целой школы туркологов-османцев...»

Наряду с преподаванием Владимир Александрович продолжал и свою активную исследовательскую работу в области изучения языка, литературы, фольклора, истории Турции. Его основной труд «Государство Сельджукидов Малой Азии» — глубокое исследование истории появления тюркского населения в Малой Азии, его государственного строительства, этнорелигиозных проблем того времени. Многие его размышления, формулировки, введённые в науку факты до сих остаются основой наших знаний о начальном периоде турецкой истории. Ему принадлежат также исследования о социально-экономических отношениях в Османской империи XVI в., цехах, водопользовании и т.д.

Под термином «османцы», который использовали в своей характеристике академики, понималось не только изуче-

ние В. А. Гордлевским и его учениками истории Османской империи, канувшей в Лету в 1918 г. Имелся в виду весь былой османский регион. Действительно, В. А. Гордлевский объединял тогда под своим руководством не только туркологов, но и арабистов, возглавив в Институте востоковедения это объединённое подразделение, где выросли новые кадры востоковедов, специализировавшихся по изучению всего региона.

В республиканской Турции в это время шла реформа языка и произошла смена алфавита. В. А. Гордлевский был твёрдо убеждён, что арабский шрифт надо продолжать изучать. Нельзя стать туркологом, не умея прочесть того, что было написано в этой стране до 1920-х годов. Послевоенная студенческая и аспирантская молодёжь, желавшая изучать современную Турцию, активно противилась этому. В первые послевоенные годы на турецкое отделение (по политическим мотивам) был очень большой набор — до пяти десятков на курсе и преимущественно мужского пола (предполагалось, что многим придётся стать военными переводчиками). К сожалению, очень немногие из них остались в профессии. Тогда среди студентов было много тех, кто пришёл на студенческую скамью после фронта. Особого почтения к авторитетам среди них не было, и свои протесты они зачастую высказывали прямо в глаза преподавателям, в том числе и академику. Е. И. Маштакова, поступавшая в аспирантуру к В. А. Гордлевскому в те годы, будучи доверенной выпускницей Ленинградского университета и собираясь специализироваться по османской литературе, вспоминала, что Владимир Александрович спросил её, считает ли она необходимым для турколога изучение арабского шрифта. Её ответ: «А как же иначе?» — очень обрадовал академика. Значит, и среди молодёжи у него есть единомышленники. Тем не менее и к тем, кто протестовал про-

тив его принципов и желал заниматься лишь современной Турцией и современным турецким языком, В. А. Гордлевский был довольно снисходителен. Именно при нём в его научное подразделение были приняты туркологи, ставшие позднее квалифицированными экономистами, историками, даже литературоведами, которые, как и тогдашняя турецкая молодёжь, так и не освоили арабской графики. Правда, все они с дрожью в сердце вспоминали экзамены по языку и знаменитое выражение В. А. Гордлевского, произносимое в случае ошибки экзаменуемого: «Не слышу» (почти по Станиславскому).

Владимир Александрович ушёл из жизни в 1956 г. Его уход совпал с начавшимися большими переменами в нашем востоковедении и, соответственно, в Институте востоковедения. Институту была предоставлена возможность пополнить свои ряды молодёжью и принять востоковедные кадры, ранее расплётённые по разным учреждениям и ведомствам. У института появился новый директор — Б. Г. Гафуров — и новая структура, которая предусматривала существование сектора Турции, отдельного от арабского. Заведующим стал ученик В. А. Гордлевского, его бывший аспирант А. М. Шамсутдинов.

В 1958 г. вдова академика Варвара Александровна Гордлевская передала в дар институту большую библиотеку своего мужа, со всеми шкафами и даже некоторыми турецкими сувенирами. Для её размещения институт (находившийся ещё в Армянском переулке) предоставил довольно большую комнату, которая стала именоваться «Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского». Была повешена мемориальная доска. Это помещение стало и рабочей комнатой сектора Турции. При кабинете начал функционировать семинар, на котором читались научные доклады и где туркологи встречались с коллегами

из других городов и стран. К сожалению, как я уже писала, институт вынужден был покинуть здание в Армянском переулке. Я тогда уже работала в институте и помню, как все мы, и сотрудники, и дирекция, не хотели переезжать. Но пришлось согласиться. Институт переехал на Рождественку, когда здание было ещё в состоянии ремонта. Мы, туркологи, собственными силами, и не раз, перебазировали огромную библиотеку Гордлевского и мемориальную доску с места на место. Несмотря на большие усилия и внимательный присмотр Юлии Александровны Ли, нашей коллеги и хранителя кабинета, потерь, конечно, избежать не удалось. В конце концов дирекция института дала нам новое постоянное пристанище, и мы его снова обустроили, так что кабинет — и как научный центр, и как библиотека — продолжает функционировать. Правда, фонд библиотеки, пополняемый подарками коллег и личными библиотеками уходящих в мир иной сотрудников, явно нуждается в новой перерегистрации.

Позволю себе ещё несколько воспоминаний о былой жизни института и сектора Турции. Когда я пришла в институт, у нас была строгая присутственная дисциплина. Одно время мы, как рабочие на фабриках, должны были даже перевешивать номерки с одного стенда на другой, при этом первый стенд ровно в 10.00 запирался, так что опоздавшие чётко фиксировались. Правда, такой вид контроля у нас всё-таки не прижился, он сопровождался не то чтобы скандалами, а какими-то насмешками, шутками, причём со стороны не только сотрудников, но и начальства. Однажды в этой связи я, тогда молодая девчонка, бросила реплику: «И что это взрослые люди играют в игрушки?». В ответ мне кто-то из старших пояснил: «Глупышка, не понимаешь, что у нас вся страна играет в игрушки». Я тогда не очень вдумалась в это замечание, но, как видите, запом-

нила. Действительно, излишних формальностей в нашей жизни было много. Большинство из нас по-настоящему хотели работать, и их не надо было подстёгивать. Иметь свой персональный большой стол в секторе или хотя бы в помещении библиотеки считалось большой удачей. На столе можно было разместить свою картотеку. Компьютеров ведь тогда не было. Все выписки мы делали на карточках. Их надо было где-то хранить. Жили очень многие в коммуналках. То поколение учёных, которое тогда только входило в науку, в большинстве своём прошло войну, а тогда только вставало на ноги, у многих были маленькие дети. Возможность работать в помещении института была для них очень привлекательна. За ними не надо было следить и заставлять присутствовать в институте. Бывало, конечно, что нужна была литература из других библиотек. Для этого существовали библиотечные дни, о которых следовало предупреждать начальство и отмечать свой уход в специальной регистрационной книге. В так называемые «присутственные дни» собирались все, проводились заседания. Эта система работала и не нуждалась в присмотре. Но кадровикам и местному надо было оправдывать своё существование. Вот они и придумывали разные системы контроля, порой очень нас тяготившие. Помню, как-то на доске объявлений появилось оправдательное письмо Ю. Н. Рериха, всеми почитаемого учёного с мировым именем. В письме он оправдывал свою сотрудницу Лену Семякову за то, что та отнесла работу их сектора в далёкое издательство, но не отметила свой уход в регистрационной книге. Такое объяснение было необходимо, так как иначе на Лену могли быть наложены штрафные санкции, лишение премии и т.п. Юрий Николаевич знал это и не пожалел времени, чтобы защитить свою сотрудницу. Мы, молодёжь, иногда втихую убегали из института, могли даже в кино сходить, а потом

тихонько вернуться на своё рабочее место к разложенным книгам. Жизнь есть жизнь. Бывало всякое. Все это понимали, и над формально внедряемой дисциплиной много шутили. Помню, например, заявление одного из хозяйственников института, которое пересказывали как анекдот: «Я проверил, в институтской библиотеке ... (столько-то) тысяч книг, а за прошлый год было востребовано меньше половины. Что это все говорят о библиотечных днях? Пусть вначале свои институтские прочитают». Конечно, такие заявления могли вызывать только смех, а столь одиозные люди надолго в институте не задерживались, но определённый формализм в жизни мы вынуждены были соблюдать. С попытками реорганизации рабочего графика случались и другие казусы: как-то на собрании было объявлено, что институт отныне будет закрываться к 7 часам вечера. Эту меру начальства поддержал Г. Г. Котовский. Собрание бурно запротестовало: вечера порой бывают самым плодотворным рабочим временем. Котовскому было заявлено: «Не у каждого квартира с видом на Кремль и ООН» (Григорий Григорьевич жил тогда на улице Горького у Центрального телеграфа и входил в число тех деятелей, которые начинали тогда устанавливать отношения института с ЮНЕСКО). Вопрос был решён как-то компромиссно, а выражение «вид на Кремль и ООН» осталось в памяти и позже поминалось не раз. «Кабинет Гордлевского» в бытность его в Армянском переулке был излюбленным рабочим помещением. На Рождественке всё стало по-другому, да и потребность в рабочем месте в институте отпала — большинство сотрудников к тому времени получили отдельные квартиры, и рабочие столы с бумагами переместились туда.

Раньше мы все свои работы писали от руки. Если в рукописный текст делали какие-либо вставки, то их вклеивали, разрезая лист в нужном месте. Шутили, что главными

инструментами научных работников являются ножницы и клей. Пишущих машинок в личном пользовании почти не было. Готовые работы отдавали в Машбюро, где их перепечатывали. Сделать это за счёт института можно было дважды: перед обсуждением работы на заседании сектора и после внесённых исправлений перед сдачей в издательство. Перепечатка была делом не дешёвым, а потому первые варианты своих диссертаций мы отдавали читать руководителям в рукописном виде. В связи с этим вспоминается один рассказ коллег о случае, произошедшем в университете ещё до моего поступления. А. Ф. Миллер получил от своего аспиранта Вдовиченко текст только что законченной диссертации. Взял её домой, прочёл, кое-что поправил, как он это обычно делал, и поехал в университет на встречу со своим учеником. Хотя он и жил недалеко, на тогдашней Каляевской улице в известном в округе доме № 5 для сотрудников НКВД, но на работу ездил всегда на машине. Он был заядлым автомобилистом и, как говорили, одним из первых в Москве приобрёл «Волгу» (во время наших занятий он зимой обязательно устраивал перерыв и выходил в университетский дворик, чтобы прогреть машину). Взяв папку с диссертацией Вдовиченко, Анатолий Филиппович положил её на капот машины и, отвлёкшись, забыл про неё. Сел за руль и поехал. Уже подъезжая к «Интуристу» (в конце современной Тверской улицы), он вспомнил про папку, забеспокоился, начал её искать и не нашёл. В ужасе остановил машину. Оказалось, что папка слетела с капота и застряла где-то у колеса. Всё кончилось благополучно, но маститый профессор, схватив папку трясущимися руками, не мог больше сесть за руль, бросил машину, пешком дошёл до университета, а потом ещё какое-то время сидел на кафедре, приходя в себя — шутка ли, научный руководитель чуть не потерял единственный рукописный экземпляр

диссертации своего аспиранта! Прославился бы на весь научный мир. Я слышала этот рассказ уже гораздо позже как университетскую байку.

Вернёмся к Институту востоковедения. Мы там не только работали и обсуждали научные темы, но и пили чай, порой общаясь отнюдь не на тему работы. В первые годы, пока ещё не был создан Отдел информации, мы сразу большими пачками получали турецкие газеты и углублялись в чтение, обмениваясь только что прочитанной информацией. Отношения между сотрудниками были очень уважительными, и если кто-то сосредоточенно работал, старались не шуметь, хотя обстановка всё-таки была более вольная, чем в библиотеках. Всем сектором отмечали различные праздники. Как я уже писала, изредка в доперестроечное время ходили в «Арагви». С этим рестораном у нас были и некоторые личные связи. Ранее, я этого уже не застала, там работал шеф-поваром отец нашей коллеги, литературоведа-турколога Светланы Николаевны Утургаури. Семья у них была очень интеллигентная, впитавшая и грузинскую, и российскую культуру. Все три дочери прошли хорошую школу домашнего образования. Две старшие окончили знаменитую в 1930-е годы немецкую школу, где тогда училось много детей бежавших от фашизма немцев и австрийцев. Как рассказывала Светлана Николаевна, язык после этой школы знали в совершенстве. Ей самой там учиться не пришлось: началась война, и её отправили к родственникам в грузинскую деревню. Там, «поварившись» в национальном кругу, как она позднее шутила, с «грузинством любого уровня» у неё всё стало нормально, хотя вначале ей, москвичке, приходилось трудновато. Отец Светланы Николаевны, Николай Кикнадзе, работая в «Арагви» и зная все тонкости грузинской кухни, брал себе в ученики, как говорили, только совсем неподготовленных юношей и на-

чинал их учить с самых азов — как порезать, как положить и т.п. После такой школы ученики полностью копировали своего учителя, по-другому просто не могли работать. Сам же он, по воспоминаниям, был настоящим художником от кулинарии, знал массу рецептов блюд кавказской кухни, их тонкости и нюансы и в то же время был творцом новых вариантов этих блюд. Н. Кикнадзе был легендой «Арагви».

С «Арагви» был связан и ещё один наш коллега, Геннадий Иванович Старченков. Он одно время, уже после окончания института, работал там одним из метрдотелей, очевидно, по линии «надзирающих» организаций. Хочу напомнить, что в то время устроиться на работу в «органы» было для некоторых моих сверстников единственной возможностью остаться в Москве и в профессии. Молодёжь осуждает наше время, но совсем не вдумывается в его суть. Тот же КГБ, порой огульно во всём охаиваемый, был очень сложной структурой. Молодёжь, наслушавшись всяких разоблачений (не отрицаю, что справедливых), видит в нём лишь репрессивное начало, а ведь он был одним из столпов нашей государственности. Не только Г. И. Старченков, но и некоторые мои соученики по университету, позднее известные журналисты, политические обозреватели, дипломаты, начинали свою профессиональную жизнь похожим образом.

Надо, однако, отметить, что наш сектор никогда не пользовался этими связями, да это было и не нужно: попасть в «Арагви», ранее заказав зал для празднования защиты диссертации или какого-либо юбилея, было не проблематично, а для индивидуальных посещений ресторана у нас всё равно не было денег. Геннадию Ивановичу же наше пристрастие к этому ресторану послужило во благо. Он поступил к нам в сектор в аспирантуру. В том же году в аспирантуру поступила и я. Одновременно с нами аспирантом стал

Владимир Иванович Данилов. Вся наша троица позднее, защитив диссертации, была зачислена в штат института. Абдулле Мардановичу пришлось похлопотать, но он сумел добиться нашего «массового» зачисления, поскольку в секторе давно не было пополнения. Итак, Г. И. Старченков стал экономистом, автором работ по различным экономическим проблемам Турции. Особенно любил он темы, связанные с демографией. Кроме того, он очень активно читал лекции о международном положении и объездил с ними почти весь Союз. Послушать его публичные лекции мне не довелось, но от институтской молодёжи я слышала, что лектором он был прекрасным, мог заинтересовать даже и эту, довольно критически настроенную, публику. В. И. Данилов до аспирантуры несколько лет проработал в турецкой редакции Комитета радиовещания. Приходил к нам на различные мероприятия с аппаратурой для записи и готовил репортажи. Когда к нам начали приезжать гости из Турции, Абдулла Марданович просил его убрать свой аппарат подальше. Это было время напряжённых отношений между нашими странами, и публичной оглаской наших дружеских встреч А. М. Шамсутдинов боялся навредить гостям. В аспирантуре и после неё Владимир Иванович занимался политической историей Турции. У него много работ на эту тему. Туркологом он был увлечённым, а в последние годы жизни, уже после начала перестройки, попытался выйти на более широкое поле научных обобщений, выступая со своими теоретическими разработками в массовых журналах различной политической направленности. Одно время, после ухода Абдуллы Мардановича, он заведовал нашим сектором. На этом посту его сменил Н. Г. Киреев. Кстати, когда при директорстве Е. М. Примакова началось обновление руководящих кадров института и новый директор спросил А. М. Шамсутдинова, кого бы он рекомендовал назначить

на своё место, тот ответил: «Сектор сильный. Любой из его сотрудников может быть заведующим».

Николай Гаврилович Киреев — один из тех, кто вырос в секторе. Он был выпускником истфака МГУ и, как и я, — учеником А. Ф. Миллера. После окончания университета несколько лет проработал в Библиотеке иностранной литературы. Библиотека в те годы ещё продолжала формироваться. Отдел восточной литературы был создан именно во время работы там Николая Гавриловича. Как говорили его коллеги, оформленные им библиотечные карточки турецких книг долгие годы служили образцом для библиографов. Именно Н. Г. Киреева пригласили в Институт востоковедения, когда В. А. Гордлевская передала в дар институту библиотеку академика. Мы с ним пришли в институт в один день — 1 августа 1958 г. Поработав некоторое время хранителем Кабинета-библиотеки, Н. Г. Киреев поступил в заочную аспирантуру и начал готовить диссертацию по исторической проблематике (не помню тему). Однако позднее ему удалось поехать в Турцию, где он работал в Торгпредстве, а вернувшись, поменял свою научную ориентацию и стал экономистом, исследующим особенности становления турецкого капитализма. В последние годы своей научной деятельности он снова вернулся к истории, подготовив фундаментальное исследование по новейшей истории Турции, а позднее — и о политическом исламе в Турции. Итак, мы четверо были почти ровесниками (по возрасту я чуть помладше, но в науку пришла с ними одновременно). Старшее же поколение туркологов было представлено П. П. Моисеевым, М. А. Гасратяном, Б. М. Поцхверией, Р. П. Корниенко.

Пётр Павлович Моисеев был в институте одним из ведущих экономистов-аграрников. Как турколог занимался и другими экономическими проблемами Турции, преподавал экономику Турции в ИСАА. У него много публикаций

на эту тему и очень много учеников, особенно из восточных советских республик. Он был инвалидом войны, потерял ногу, ходил на протезе и с тростью. Никогда не жаловался на свою инвалидность и, даже больше, пытался держаться как здоровый человек, любил ездить с нами на разные экскурсии, не отказывался ни от каких командировок. Очевидно, ему было непросто, но он держал себя так, что мы порой забывали о его инвалидности и, возможно, вели себя не очень предупредительно. К сектору он был очень расположен, любил все наши посиделки, часто приносил на них какие-то лакомства, приготовленные его женой. В институте был руководителем Комитета ветеранов войны, память о ней была для него свята.

Манвел Арсенович Гасратян занимался национальным вопросом в Турции, а позднее перешёл на изучение курдских проблем, став в институте главой этого направления исследований. У него появился свой сектор, но с нами он связи не порывал. Он также был участником войны, служил в зенитной артиллерии. Рассказывал, что у него в подчинении был девичий коллектив, и жизнь их напоминала ту, что показана в пьесе Б. Васильева «А зори здесь тихие...». Ему приходилось и защищать, и опекать своих девчонок. Очевидно, такая закалка с юности сделала его очень по-мужски надёжным человеком. Несмотря на многие трудности, он умел всегда найти выход из, казалось бы, безнадёжного положения. Очень ценил семейные связи, хотя с юности семья ему не помогала, а позже пришлось всю её перебазировать из азербайджанской глубинки, где были их родовые (армянские) корни, в Московскую область. На его долю выпало много семейных и бытовых трудностей. Но и здесь он умел без скандалов как-то всё урегулировать, оставаться Человеком и продолжать свою научную работу. Для армянина заниматься национальным вопросом в Турции непросто,

но он умел не впадать в крайности и показать себя объективным исследователем.

Борис Михайлович Поцхверия по первому образованию — авиационный инженер, окончил МАИ. Потом учился на дипломатических курсах (после окончания войны существовали подобные курсы по мидовской и военной линии, на них брали уже дипломированных слушателей), где выучил турецкий язык. Начал работать ещё в Московской группе востоковедов, был аспирантом А. Ф. Миллера. Занимался изучением внешней политики Турции и имеет много публикаций по этой проблематике. Сумел одним из первых установить научно-дружеские отношения со старшим поколением Турецкого исторического общества, стал его членом-корреспондентом.

Все вышеперечисленные туркологи (кроме меня) защитили докторские диссертации.

Радмир Платонович Корниенко, также участник войны, занимался проблемами левого и коммунистического движения. Собрал большой материал по этой теме, не только печатный, но и мемуарного характера. Опубликовал в своё время довольно много статей по этой тематике. В период перестройки, когда интересовавшая его тема стала немодной, он как-то «потух», его материалы так и остались не реализованными и, к сожалению, не сохранились.

Хочется вспомнить и ещё одного человека. Когда я только что пришла в институт, в секторе вопросами политической истории Турции успешно и увлечённо занимался Мустафа Керимов, трагически рано ушедший из жизни. Он одним из первых сумел поехать в Турцию переводчиком на Измирскую промышленную ярмарку. В те годы для туркологов страна была почти полностью закрыта, и поездка в Измир была единственной возможностью хоть немного познакомиться с объектом нашего изучения. Так вот,

в 1960 г. на этой ярмарке-выставке среди переводчиков работали два наших коллеги — М. А. Керимов и А. Д. Желтяков, в ту пору молодой доцент Ленинградского университета. Прямых рейсов из Турции в Москву не было. Летели через Париж или Вену. После окончания выставки наша делегация возвращалась в Москву через Вену на австрийском самолёте. Осень, непогода, диспетчеры предложили самолёту уйти на другой аэродром, но пилоты не согласились, объяснив пассажирам: «Нам предлагают садиться в другом месте, но вашим самолётом управляет экипаж, который летал в Москву в 1941 г. Мы сможем посадить самолёт в любых условиях». Пассажиры зааплодировали. Самонадеянность, как известно, никогда к добру не приводит. Самолёт задел за провод под высоким напряжением и разбился. Погибли все пассажиры, за исключением четверых, оказавшихся на месте разлома самолёта при падении. Ими оказались два спортивных американца, сумевших быстро выбраться из загоревшегося самолёта, и стюардесса, стоявшая около их сидения. Она получила какие-то царапины, так как взрывной волной её выбросило из самолёта, и она упала на дерево. Ветви дерева спасли её, амортизировав дальнейшее падение. Четвёртым спасшимся был наш ленинградский коллега Анатолий Дмитриевич Желтяков. Как он позже рассказывал, у него заклинило запоры на ремнях безопасности. Пока он с ними возился, сильно обгорел, но всё же сумел выбраться. Анатолий Дмитриевич родился в Москве. Вырос в районе Спасоналиковского переулка, о чём любил потом пошутить. Осенью 1941 г. он, тогда старшеклассник, был отправлен со своими одноклассниками в Подмоскowie на рытьё окопов. Когда вернулся в Москву, не нашёл ни своего дома, ни родных. В дом попала бомба, все погибли. Всю войну он проработал на военном заводе, а в 1945 г. поступил в Московский институт востоковедения на уйгурское

отделение. Рассказывал, что его однокурсником был китаист Лёва Делюсин, с которым у него сохранилась дружба на всю жизнь. Прочился он в Москве один-два семестра и встретил свою любовь — ленинградку Фриду, за которой переехал в Ленинград и перевёлся на Восточный факультет теперь уже турецкого отделения. У них с Фридой Борисовной была очень гостеприимная семья. Мы все, приезжая в Ленинград, бывали у них в гостях. Они поддерживали через Л. П. Делюсина дружеские контакты с московским сообществом, в которое входили такие интересные люди, как режиссёр Ю. Любимов, журналист А. Бовин, хранитель музея-заповедника Михайловского С. С. Гейченко, писатель Ю. Трифонов. У них в доме всегда бывало тепло и интересно. Сами Желтяковы много путешествовали по стране. Анатолий Дмитриевич сильно пострадал в той авиационной аварии. У него были ножной и ручные (кистевые) протезы, но, несмотря на это, он мастерски водил машину, надевая на руки какие-то специальные перчатки. Рассказывал, что он был единственным в СССР обладателем значка «Турист СССР», путешествуя на автомобиле с ручным приводом. Говорил, что машина для него стала спасением и возможностью вернуться в полноценную жизнь. Он долго после той катастрофы не мог заставить себя летать на самолёте, но помню, что на одну конференцию в Ереван он прилетел. Фрида Борисовна, сопровождавшая его, рассказывала, что он наконец сумел преодолеть и эту свою фобию. Уже после аварии в Ленинградском университете Анатолий Дмитриевич возглавлял кафедру истории Ближнего Востока, защитил докторскую диссертацию по очень сложной теме, потребовавшей от него кропотливейшей работы. При этом, напоминая, он находился вне Турции. Тема диссертации, а потом опубликованной по ней книги — «Печать в общественно-политической и культурной жизни Тур-

ции (1729–1908 гг.)» Автор сумел собрать столь обширный и уникальный материал, что его книга очень скоро после русского издания была переведена в Турции, а сам Анатолий Дмитриевич рассказывал, что к нему не раз обращались различные турецкие авторы за справками, не знает ли он, где находится то или иное редкое издание. Он помогал по мере возможностей, а в нашей среде посмеивался: как я в Ленинграде могу знать больше, чем они, находясь в Турции? Сам факт таких обращений свидетельствует о том, что ему действительно удалось собрать уникальный материал.

Два человека из нашей тюркологической среды, П. П. Моисеев и А. Д. Желтяков, были поистине уникальными людьми. Никогда никаких жалоб на свои, чисто физические, трудности. Всегда подтянуты, работоспособны, интересны в общении. Тепло их вспоминаю.

Женская часть нашего сектора долгое время помимо меня была представлена Ю. А. Ли и А. К. Сверчевской. Юлия Александровна — коренная ленинградка. Корейская фамилия у неё по мужу, который учился вместе с ней на Восточном факультете Ленинградского университета. После окончания университетской учёбы он был направлен в аспирантуру Института мировой литературы и поэтому вместе с женой перебрался в Москву. Юлия Александровна долгие годы являлась хранителем «Кабинета В. А. Гордлевского», учёным секретарём, организатором многих научных мероприятий, конференций, встреч, которые устраивались в секторе Турции. В научном плане она занималась изучением системы просвещения в Турции. Хорошо знала предмет, является автором многих публикаций, касающихся разных сфер образования в Турции: от начального и профессионального до университетского. Если нам требовалась информация об университетских кафедрах, профессорском составе и т.п., мы всегда консультировались

с Юлией Александровной. Она очень любила художественную литературу, много читала. От институтского месткома ведала подпиской института на важнейшие литературные журналы. Всегда была в курсе всех литературных новинок и фактически руководила нашим литературным образованием. Если Юлия Александровна говорила, что произведение стоящее, мы понимали — надо читать. За новыми журнальными новинками к нам в сектор приходили любители литературы из других научных подразделений института. За некоторыми произведениями порой устанавливалась очередь, которую Юлия Александровна регулировала. Были достойные литературные произведения, которые она не принимала, но, как правило, настоящую литературу она чувствовала безошибочно. И была в этом для всех нас литературным проводником.

Антонина Карловна Сверчевская относилась к старшему поколению наших коллег. У неё была интереснейшая внешность, глаз невозможно оторвать. В ней проявлялась некая нездешняя, располагающая к себе, но не допускающая панибратства «порода». Она была дочерью Кароля Сверчевского, польского генерала, воевавшего в своё время в Испании под именем генерала Карла Вальтера (см. Гольц у Э. Хэмингуэя в романе «По ком звонит колокол»), потом создававшего в СССР «Войско польское». Он погиб в 1947 г. при странных обстоятельствах, хотя в послевоенной Польше ему прочили большое будущее. Антонина Карловна (Тося, как её звали близкие) всегда умела держать марку светской дамы, хотя жизнь её была непростая. Одна ставила на ноги двоих детей. Мы знали, что ей порой тяжело бывало материально, но никогда никаких жалоб. В науку она вошла через очень трудоёмкую работу — приняла от Т. П. Чермана эстафету и продолжила составлять «Библиографию Турции». Помню, как я, ещё мало её зная,

наблюдала за ней в Ленинской библиотеке, где она брала кипы старых (ещё дореволюционных) журналов и просматривала их, уточняя и дополняя ту работу, которую начал Тимофей Павлович. «Библиографию Турции» советского периода Антонина Карловна составляла уже самостоятельно и опубликовала её несколькими, дополнявшими друг друга, изданиями. Она же составила «Библиографию Ирана». (Последний выпуск «Библиографии Турции» был составлен З. Г. Ожерельевой и депонирован в ИНИОН, когда Антонина Карловна уже отошла от этой работы. Кроме библиографической работы Антонина Карловна занималась изучением культурных связей СССР с Турцией, а в последние годы своей научной деятельности издала две интересных книги — полужизненные, полувоспоминания — о Назыме Хикмете, касающиеся его эмигрантской жизни в СССР.

В институте было ещё несколько филологов, поддерживавших тесные связи с нашим сектором. Светлана Николаевна Утургаури, как и многие другие наши сотрудники, окончила Московский институт востоковедения. После нескольких лет практической работы в 1958 г. поступила к нам в сектор в аспирантуру как литературовед. Тогда литературоведы и лингвисты ещё не обособились в своих отделах, и мы все числились в одном научном подразделении. Правда, очень скоро организационно нас разделили. Светлана Николаевна, однако, связи с сектором не теряла. Она занималась изучением современной турецкой литературы, имела тесные контакты с турецкими писателями и издателями. Много печаталась и у нас, и в Турции. Светлана Николаевна — увлечённый исследователь и очень интересный человек, с прекрасным чувством юмора. Её присутствие всегда вносило оживление и в научные обсуждения, и просто в житейские разговоры.

В Отделе литературы работала и Е. И. Маштакова, уже не раз упоминавшаяся мною. Она занималась изучением османской художественной литературы. Её перу принадлежат работа о поэтессе Михри Хатун, интересная монография «Турецкая литература конца XVII — начала XIX в.: к типологии переходного периода». Лично для меня в этой работе были интересны литературные вкрапления в османские хроники, выявленные автором.

Вначале у нас в секторе, а позднее в Отделе литературы работала и Лейла Османовна Алькаева. В 1956 г. она опубликовала книгу «Творчество Халида Зии Ушаклы-гия: к вопросу о формировании турецкой прозы конца XIX века». Чувствовалось, что это небольшое по объёму, но принципиально интересное исследование принадлежит перу человека, хорошо чувствующего турецкую литературу. Позже Л. О. Алькаева опубликовала «Очерки по истории турецкой литературы. 1908–1939 гг.». Все её работы — если и не османистика, то что-то связанное с ней. К сожалению, она довольно рано ушла из науки, поздно обретя своё семейное счастье и полностью погрузившись в него. Мне же хочется поделиться известными мне сведениями (к сожалению, очень немногими) о её ранней молодости. Как мне говорили, она родилась в Петербурге-Петрограде (1914 г.) в семье муллы (так что первоначальное религиозное мусульманское образование у неё было), но отец рано умер, мать с двумя дочерьми в советское время с какими-то ограничениями не сталкивались (или, по крайней мере, об этом не говорили). Более того, по рассказам Лейлы Османовны, её сестра была очень активной комсомольской активисткой, в противоположность самой Лейле, которая росла тихой маменькиной дочкой. Случилось, однако, так, что сестра ещё в предвоенное время скоропостижно умерла от какой-то болезни. Лейла же, окончив Ленинградский

университет, была отправлена на стажировку в советское посольство в Турцию, где и проработала всю войну. Это интересное время и для Турции, и для наших отношений с ней, мы о нём плохо знаем. К сожалению, мы мало расспрашивали об этом Лейлу Османовну. Но немного она всё-таки нам рассказывала. Например, о том, как в военное время её отправляли на заседания меджлиса, когда там обсуждались важные вопросы, особенно интересовавшие наше посольство. Молодая, хорошенькая восточная девочка заводила разговор с кем-либо из конгрессменов и вместе со своим собеседником проникала в зал заседаний, так как охранники принимали её за его дочь или жену. Потом она докладывала послу об интересующих его дебатах. Рассказывала она и о том, что из Союза в Турцию переправляли золото. Везли его специальные дипкурьеры, которых набирали из спортсменов-тяжелоатлетов. Один из них опростоволосился. Выйдя из самолёта, на минутку поставил свой чемоданчик на землю. К нему тут же подскочил какой-то турок-носильщик, желавший заработать. Схватил чемодан, но не тут-то было. Он оказался неподъемным. Курьер же подхватил чемоданчик и пошёл к встречавшим его посольским работникам, помахивая им, как будто он был совсем лёгоньким. Но, как рассказывала Лейла Османовна, больше этот человек в Турцию не приезжал. А однажды ей поручили передать в турецкие газеты материалы о зверствах фашистов на нашей земле. Она это сделала, но в одной из центральных газет редактор ей заявил: «Мы этот материал печатать не будем. Кому интересны вспоротые животы русских женщин». Лейла Османовна рассказывала: «Представляете, каково это было услышать мне, у которой в Ленинграде от голода умирала мать — единственный оставшийся у меня родной человек». Она этому редактору сказала: «Хулиган», — и ещё что-то более сильное по-турец-

ки, и при всех, от души, вlepила пощёчину. Начался шум, скандал, турки кричали, что по дипломатической линии добьются ноты протеста нашему правительству и т.п. Она вернулась в посольство и у себя в комнате разрыдалась. Позвонили послу. Он сам пришёл к ней и спросил, что произошло. Она рассказала. Посол её успокоил: «Не волнуйся, девочка, ты поступила абсолютно правильно».

Я знала Лейлу Османовну уже немолодой. Это была очень изящная, тоненькая, изысканно красивая восточная женщина. Очень нервная, много курила. Явно много пережившая. Говорили, что после войны у неё произошла ещё личная трагедия, связанная с трагической гибелью её избранника. Но при всём этом она была очень доброжелательным человеком. Мне она вскоре после моего прихода в институт помогала проникнуться духом туркологии, приносила книги, которые могли быть полезными в этом. После создания отдельного Отдела литературы мы стали меньше общаться, так что я мало знаю о её дальнейшей жизни. Хотя о том, что она встретила на исходе жизни близкого человека, тоже литературоведа, знала и радовалась за неё.

В области османистики в институте, как-то особняком от всех, в секторе Письменных памятников Востока работала Фаузия (ей, правда, больше нравился турецкий вариант её имени — Февзие) Абдулвалеевна Салимзянова — Фаня, как мы все её называли. Выпускница Ленинградского университета, последняя аспирантка В. А. Гордлевского. В семье академика к ней очень тепло относились. Варвара Александровна даже хотела отдать ей одну из комнат своей большой академической квартиры в Померанцевом переулке. Фаня была родом из Оренбурга, в аспирантуру приехала поступать из Ленинграда, где жила в общежитии. В Москве также жила в общежитии, и после окончания аспирантского срока у неё возникла проблема с жильём. К сожалению,

несмотря на ходатайство института, вариант с комнатой в квартире В. А. Гордлевского не удался. Фаня, уже работая в институте, какое-то время снимала комнаты, а потом смогла приобрести кооперативную квартиру в Чертанове. Все эти подробности я привожу к тому, чтобы читатель почувствовал, насколько тёплыми были отношения в нашей среде, в том числе у учителей и учеников, и по возможности мы все старались помочь друг другу. О Фане же могу сказать, что она в конце концов оказалась лучшим в Москве знатоком османского языка. У неё несколько публикаций переводов османских литературных произведений и исторических источников. Она была очень добросовестным и увлечённым исследователем, может быть, даже чересчур ответственно и крайне уважительно относилась к своему делу. Отсюда излишняя скромность. Она тихо делала свою работу, не рвалась быть на виду, защитить новую диссертацию, блеснуть знаниями, хотя они действительно были немалые. Я в какой-то мере виновата перед ней, так как «втравила» её в перевод тогда неизданного (его издали позже в Турции) сочинения Хезарфена, одна из рукописей которого хранится в Петербурге. Позже сложилось так, что я от этой работы в силу разных причин вынуждена была отойти. Она же, обидевшись на меня и не видя поддержки от собственного начальства, решила, что её работа никому не нужна. Расстроенная этим, разочаровавшись в деле, которому она искренне служила и которое, по её мнению, оказалось никому не нужным, она ушла на пенсию и уехала в свой родной Оренбург, где жила многочисленная и любящая её родня. В Москве же она была одинока. О сочинении Хезарфена я позже написала. Включив своё предисловие, написанное ещё к нашей предполагаемой общей публикации, я сделала все, как мне кажется, необходимые и уважительные отсылки к работе Фани и выразила надежду, что

она всё-таки опубликует свой перевод этого источника. Перевод ею был сделан, и очень жаль, что он так и остался неизданным.

Уже в перестроечное время в сектор Турции пришли несколько молодых аспирантов. Но, защитив свои диссертации, они как-то быстро ушли из науки. В то время появились возможности со знанием турецкого языка и некоторым представлением о Турции устроиться в более выгодные в материальном плане коммерческие структуры. В науке осталась лишь Наталия Юрьевна Ульченко. Она хорошо востоковедно подготовленный и очень способный, талантливый человек. В своё время она была аспиранткой П. П. Моисеева. К настоящему времени опубликовала и блестяще защитила докторскую диссертацию на тему «Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты». Н. Ю. Ульченко уже много лет возглавляет наш сектор Турции. Сейчас, как мне представляется, она остаётся единственным человеком, который помнит наш былой сектор и, по мере возможностей, продолжает поддерживать его традиции. Весь остальной состав очень обновился. Наталия Юрьевна, кроме того, преподаёт в ИСАА, заведует там кафедрой. Часто выступает экспертом по Турции в СМИ и различных организациях. Нагрузка у неё огромная. Дай Бог выдержать её. От всей души желаю Наталии Юрьевне сил, здоровья и всяческого преуспевания. А ещё желаю Наталии Юрьевне (экономисту по своим научным интересам) и всему сектору не забывать об истории. Турция — страна интересная, во многом непредсказуемая, без знания её исторического развития почувствовать её и понять очень трудно.

Глава VIII

О МОИХ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИХ УЧИТЕЛЯХ И КОЛЛЕГАХ

АНАТОЛИЙ ФИЛИППОВИЧ МИЛЛЕР

Не могу сказать, что я была близкой ученицей Анатолия Филипповича, но в моей жизни он сыграл очень большую и во многом определяющую роль. Всех своих учеников он не забывал и всегда относился к ним очень доброжелательно. Помню, как в последний мой студенческий год, в январе 1958 г., я ехала в Ленинград. Эта поездка была для меня завершающей университетское образование студенческой практикой. Анатолий Филиппович рассказал мне о ленинградских библиотеках, которые следует посетить, и дал письмо к тогдашнему заместителю директора Библиотеки Академии наук (БАН) А. Х. Рафикову, сказав, что когда-то он был первым аспирантом А. Х. Рафикова. Меня встретили в библиотеке очень приветливо — не просто какая-то практикантка из Москвы, а ученица А. Ф. Миллера. А. Х. Рафиков свёл меня с Т. П. Черманом, начинавшим работать тогда над «Библиографией Турции». Для меня лично эта встреча памятна ещё и тем, что Тимофей Павлович пригласил меня к себе домой, так как дома он хранил ящики с библиографическими карточками этого готовившегося труда. Я впервые побывала в ленинградской коммуналке, где огромные залы

прежних петербургских богатых домов были разделены на отдельные комнатки. У Тимофея Павловича была часть большого, почти дворцового, помещения в центре Питера. Он был тогда очень пожилым человеком, но жил один. Очевидно, у этого интеллигентного петербуржца в советское время жизнь складывалась непросто. Он говорил, что самого Анатолия Филипповича не знал, но был знаком с его двоюродным братом Сулейманом. Вероятно, так называл себя Соломон, брат Т. М. Миллер, выросший в Махачкале в мусульманской среде, а потом работавший в Коминтерне. Когда мы пришли в его квартиру, Тимофей Павлович усадил меня в старинное кресло и сказал: «Пальто пока не снимайте». Сам же вышел в коридор и затопил печку, одна из кафельных, греющих, сторон которой выходила в его комнату. Довольно быстро в помещении стало тепло. Мы смогли снять пальто, посмотреть каталоги Тимофея Павловича и даже выпить с ним чаю. Эта бытовая зарисовка отвлекает от темы очерка об А. Ф. Миллере, но очень уж оказалось для меня впечатляющим это посещение и знакомство с бытом коренного петербуржца. Что касается отношений Анатолия Филипповича со своими учениками, то он поддерживал с ними дружеские отношения, и это спланивало всех нас. Было такое негласное сообщество учеников Миллера. В архивных материалах, переданных в Институт востоковедения после смерти Анатолия Филипповича, я видела карточку, где он собственноручно записал имена своих аспирантов. Там значится человек десять. Вообще-то их было больше, но не все остались в науке. Однако мы все были знакомы.

Анатолий Филиппович был ярким человеком. Его присутствие всегда оживляло и любое заседание, и любую компанию. Когда мы отмечали что-либо в «Арагви» и на праздновании оказывался А. Ф. Миллер, он всегда мог оживить

любое скачующее собрание. Это бывали и экспромты во время застолий, и заранее подготовленные выступления. Помню, как однажды он из верхнего кармашка пиджака достал какую-то небольшую газетную вырезку и зачитал её. Это был какой-то забавный факт, прозвучавший к месту и вызвавший общий смех. На научных обсуждениях он присутствовал лишь тогда, когда ему действительно было что сказать. Он всегда был конкретен, мог дать нужный совет, подметить незамеченные другими недочёты, при этом я никогда не слышала от него проявлений какой-то личной неприязни, хотя знала о непростых отношениях с некоторыми людьми. В этих случаях он умел поставить вокруг себя некий барьер, который не переходил сам, но и не давал переходить другим. Диссертационные работы его учеников бывали разными, слабее или сильнее, но всегда на должном уровне. Недостойных работ среди них не было. А. Ф. Миллеру удавалось заставить своих учеников довести свою диссертацию до необходимого уровня. Сам же он, как правило, и после защиты поддерживал учеников во многих их начинаниях.

Мне памятен такой факт моей жизни, за который я благодарна Анатолию Филипповичу. Уже учась в аспирантуре в Институте востоковедения, зимой 1962–1963 гг. я сдавала кандидатский экзамен по истории Турции. Это было трудное для меня время, так как три года аспирантуры совпали с первыми тремя годами жизни моей дочери. Я многого не успевала, и в секторе это чувствовали. Анатолий Филиппович дал мне заранее для экзамена первый вопрос: «Посмотри в библиотеке последние, лет за пять, зарубежные обобщающие труды по османской истории, изучи, на что в них обращается внимание и что пишется по этому поводу у нас». Напоминаю, это было ещё до американского туркологического взрыва, так что работ в этой области было не

так много. Я посмотрела какие-то интересные исследования, вышедшие в Турции, европейских странах — Франции, Англии, Германии, а также у балканистов. Выделила период становления империи, сравнила с тем, что писалось в работах наших авторов. Получалось, что у нас на многое не обращалось внимание и проблемы можно было поставить глубже. Это не было каким-то открытием для меня, так как многие из этих вопросов ранее мы уже обговаривали с Анатолием Филипповичем на лекциях, но мой ответ на экзамене прозвучал интересно. Экзамен я держала в такой обстановке: в нашем тогдашнем кабинете стоял ряд столов, обращённых в сторону президиума (в данном случае приёмной комиссии). Я сидела перед столами, также лицом к президиуму, а позади меня расположились все сотрудники сектора. Получался не просто экзамен, а некая, как теперь бы сказали, презентация меня сектору. Всё прошло благополучно, свою пятёрку я получила, но лишь позже поняла, что этим экзаменом Анатолий Филиппович сумел представить меня сектору с выгодной стороны.

Весь аспирантский период он меня ни разу не поторопил, не упрёкнул в медлительности, с удовольствием откликался на все мои сообщения о том, что я нашла что-то для себя новое в архиве или литературе. Упрёк был сделан лишь однажды в самом начале. Я пожаловалась, что в секторе мне все говорят: «Бросай свою историю, переходи на современность». Он улыбнулся и сказал: «Тебе сейчас очень трудно. Найти предлог, чтобы не работать, легко. И тебя за это никто не осудит, так что не обращай внимания ни на какие слова и постарайся работать дальше по уже намеченному плану». Материал я начитывала, но писать не успевала. Анатолий Филиппович без каких-либо разговоров подписывал все мои аттестационные документы, хотя не получал от меня ни строчки. Лишь в мае месяце последнего

аспирантского года (кончавшегося в ноябре) я представила Анатолию Филипповичу начальную часть диссертации, фактически лишь введение. Он, как всегда, прошёлся по нему своей редакторской рукой и сказал: «За начало хвалю, но уже на последних страницах чувствуется спешка». Далее начался летний период. В семье меня освободили от всех домашних дел. Моя мама взяла мою дочь и со своей сестрой, приехавшей специально из Ленинграда с внучкой такого же возраста, как моя Наташа, уехала на всё лето на дачу. Я осталась в Москве, уходила в Ленинскую библиотеку к её открытию и работала там до закрытия, а библиотеки тогда работали долго — как мне помнится, чуть ли не до 11 часов вечера. Мой муж Юрий Николаевич Розалиев меня вечерами встречал. Он тоже был туркологом, экономистом, и тоже целыми днями работал, только дома. Вспоминаю, как поздно вечером мы шли пешком по летней Москве от Ленинки до Ленинского проспекта, возле которого тогда жили, и говорили о сделанных за день делах. Мы были увлечены своей работой и с удовольствием делились мыслями о ней, понимая друг друга с полуслова, так как были близки и профессионально. Наверное, это было самое светлое время в нашей семейной жизни.

В октябре я позвонила Анатолию Филипповичу и говорю:

— Анатолий Филиппович, у меня через две недели кончается срок аспирантуры.

— Ну и что, Светлана?

— Я написала работу.

До сих пор помню его интонацию: «Да ну! Привози скорее». Защитила диссертацию, правда, я лишь в 1965 г. (т.е. более чем через год после окончания аспирантуры). Так выдохлась за то лето, что потом год не могла написать реферат. Но на работу в институт меня взяли, так что дальнейшая

моя профессиональная жизнь снова пошла в его стенах. Кстати, и Анатолий Филиппович к этому времени перешёл на работу в Институт востоковедения. Я была рада, так как, хотя он и числился в другом научном подразделении, видаться мы стали чаще. Разговаривали порой просто в коридоре, но и от таких беглых разговоров я получала многое.

Редактором моей книги, однако, он не стал. Он никогда не выступал просто как титульный редактор. Весь текст он считал для себя обязательным прочесть и, если требовалось, выправить. Моя книга была передана в издательство. Последнего, значительно дополненного мною после защиты, варианта Анатолий Филиппович не видел.

Книга лежала в Издательстве восточной литературы довольно долго, но наконец была поставлена в план издания. Весь производственный процесс пошёл как-то очень быстро.

Анатолий Филиппович тогда уехал более чем на месяц в Болгарию и книгой моей заняться не мог. Но он сам попросил А. С. Тверитинову стать моим редактором. Она согласилась, так что неприятностей у меня на этот счёт не было. Вначале я несколько обиделась, посчитав, что он настолько мне не доверяет, что не желает поставить свою подпись в моей книге, но потом поняла, что у него самого был тогда непростой период. Закончилось издание «Всемирной истории», он возглавлял сектор по её составлению. Очевидно, он не почувствовал себя и дальше нужным в Институте истории и потому сам ушёл в Институт востоковедения. Какая-то внутренняя обида в связи с этой ситуацией у него наверняка оставалась. И тут ему предложили возглавить создаваемую тогда советско-болгарскую комиссию историков. Руководство такими комиссиями считалось весьма почётной обязанностью. Почти одновременно с этим Анатолия Филипповича назначили пред-

седателем балканской секции Национального комитета историков СССР. Конечно, ему хотелось скорее приступить к этой новой, интересной ему деятельности. В этот момент ему действительно было не до моей книги. В то же время было понятно, что ввиду его отказа стать ответственным редактором издательство могло просто выкинуть из плана книгу начинающего автора. Потому-то он сам и передал мою работу в надёжные руки Анны Степановны. Мне самой (имея научного руководителя) просить её об этом было бы неловко, а кроме неё других авторитетных кандидатов на замену Анатолию Филипповичу в этой роли не было. Позднее он сам тепло поздравил меня с выходом книги, и наше общение возобновилось. Помню наш последний, опять же коридорный, разговор о «Восточном вопросе», как всегда содержательный и натолкнувший меня на дальнейшую разработку этой проблемы.

После ухода из жизни Анатолия Филипповича я поддерживала связь с его вдовой Татьяной Михайловной Миллер. От неё я узнала некоторые подробности биографии Анатолия Филипповича, незнакомые его официальным биографам, и мне хотелось бы, по возможности, их изложить. Хочу лишь уточнить: я пишу не биографию А. Ф. Миллера, а свои воспоминания. Лучшим же, что написано о нём, считаю две статьи — М. С. Лазарева и Б. М. Поцхверии, опубликованные в нашем сборнике «От Стамбула до Москвы», выпущенном в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера.

Анатолий Филиппович вырос в Пятигорске. По семейным преданиям, братья Миллеры были участниками севастопольской обороны. После окончания Крымской войны евреям, в ней участвовавшим, было разрешено поселиться вне черты оседлости. Братья, как говорила Татьяна Михайловна, были романтически настроенными и выбрали: один — Пятигорск, связанный с именем М. Ю. Лермонтова,

а другой — аул Гимры, родину Шамиля. Внучкой второго из братьев Миллеров, семья которого перебралась позднее из аула в Махачкалу, и была Татьяна Михайловна. С Анатолием Филипповичем они, следовательно, были в определённом родстве. В еврейской среде такие браки, как известно, были очень распространены. Татьяна Михайловна вспоминала, что в первые послереволюционные годы в Махачкале стало очень беспокойно. Бывало, что всадники из горных районов появлялись в городе, хватали девочек и под бурками увозили к себе в горы. По словам Татьяны Михайловны, так пропали несколько её соучениц по гимназии. В их семье подрастали несколько девочек, и за них очень боялись. Поэтому семья срочно перебралась к родственникам в Пятигорск. Анатолий Филиппович тогда только что окончил пятигорскую гимназию и начал работать в различных местных газетах. Когда в городе в очередной раз поменялась власть, юному журналисту стало опасно там оставаться. Его отправили к родственникам в Ростов. Уезжал тайно, договорились с машинистом, что тот вывезет его на паровозе, но потом в условленном месте Анатолий Филиппович должен будет спрыгнуть с паровоза на ходу. Все очень волновались, удастся ли ему это, так как особой спортивностью он не отличался, хотя, как все кавказские мальчишки, любил ходить в горы и увлекался конной ездой. Всё, однако, прошло благополучно. Получили известие, что он в Ростове. Именно тогда, как рассказывала Татьяна Михайловна, отец ей сказал: «Ты должна поехать к нему и быть с ним вместе» (в семье, очевидно, об их союзе уже было договорено). Вот так в 16 лет она отправилась к Анатолию Филипповичу, чтобы прожить вместе с ним всю жизнь.

С 1920 г. (т.е. с 19 лет) Анатолий Филиппович сотрудничал с различными подразделениями НКВД на юге России. Работая в штате уполномоченного НКВД в Севасто-

поле, он впервые соприкоснулся с проблемой отношений с Турцией — страной, которая стала главной областью его дальнейших профессиональных интересов. На дипломатической службе Анатолий Филиппович проработал до 1938 г. В 1923–1926 гг., уже в Москве, без отрыва от работы пошёл учиться и окончил турецкое отделение Московского института востоковедения. И во время службы в НКВД, и позднее, уйдя в науку, продолжал быть консультантом правительственных структур по вопросам Ближнего Востока и Черноморских проливов. В этом качестве участвовал и в конференции в Монтрё (1936 г.), выработавшей до сих пор действующий режим проливов, и во встречах глав трёх держав (СССР, США, Великобритании) в Тегеране (1943 г.) и в Ялте (1945 г.). По словам Татьяны Михайловны, и после ухода из НКВД Анатолий Филиппович продолжал поддерживать дружеские связи с М. М. Литвиновым, с которым они не раз встречались и после ухода Максима Максимовича в отставку, и с И. М. Майским. Были у Анатолия Филипповича дружеские контакты и в верхах академической среды — по рассказам Татьяны Михайловны, они были дружны с семьёй академика И. И. Шмальгаузена и какое-то время даже жили у них на даче в академическом посёлке. М. С. Лазарев и Татьяна Михайловна не раз при мне с удовольствием вспоминали то время (как я поняла, мама Михаила Семёновича работала тогда со Шмальгаузенем, а потому он многое знал). Мне в эти разговоры включаться было неловко, и потому я просто помалкивала. Позднее обратила внимание на следующий факт. В это время в академической среде шла борьба против биологов-генетиков. Шмальгаузен был одним из тех учёных, против которых и была направлена критика. В воспоминаниях о нём говорится, что он в самых трудных и опасных ситуациях продолжал держаться независимо, давал пояснения, но

никогда не каялся, хотя это и влекло для него неприятные последствия. Этого стиля поведения в востоковедной среде позднее всегда придерживался и Анатолий Филиппович.

Свою научную стезю А. Ф. Миллер начал с защиты кандидатской диссертации, представив изданную им ещё в период дипломатической деятельности брошюру «Турция», подписанную «А. Мельник». Защита прошла успешно, хотя раздавались голоса о том, что он способен представить и что-то более серьёзное. Как мне рассказывали много позже некоторые востоковедные дамы, он производил тогда магическое действие, особенно на женскую аудиторию. Молодой, остроумный, блестяще выражавший свои мысли, светски элегантный, знающий страну и, без сомнения, человек незаурядного ума. Это была какая-то новая струя в затхлом учебно-академическом пространстве. Я его таким уже не застала, но обаянием и светскостью он, конечно же, обладал и позднее. Он не был красив, но умел расположить к себе. К сожалению, я не видела ни одной приличной его фотографии. Те, что публикуются, на мой взгляд, неудачны и совсем не передают его обаяния.

Последовавшие пять лет после защиты кандидатской диссертации Анатолий Филиппович очень напряжённо работал. Это были последние предвоенные годы и начало войны. Как уже говорилось, с формальным уходом из НКВД его связи с этим ведомством не прекратились, и он продолжал выступать консультантом по Ближнему Востоку и Турции. А это был напряжённый дипломатический фронт — ввод наших войск в Северный Иран, сохранение Турцией статуса одной из трёх европейских держав (вместе со Швецией и Швейцарией), не вступившей во Вторую мировую войну. Люди, знающие регион, бесспорно, были очень востребованы. Семья Анатолия Филипповича находилась тогда в Алма-Ате, но он сам, как я поняла по рас-

сказаниям Татьяны Михайловны, там почти не бывал. В 1943 г. в Москве он защитил докторскую диссертацию по теме: «Мустафа паша Байрактар: Османская империя в начале 19-го в.». Позднее это исследование было опубликовано отдельной книгой. Оно представляло собой действительно монографическое исследование темы, принципиально важной для судеб Османской империи, к тому же блестяще изложенное стилистически. Мы, его ученики, всегда держали эту работу у себя в уме как некий образец, которому надлежит следовать. Сам же он позднее говорил (я сама слышала эти слова во время его разговора с болгарской исследовательницей Верой Мутафчиевой), что тогда ему явно не хватало турецких источников и о многом приходилось догадываться через сообщения французов. Это действительно так, но у него было какое-то историческое чутьё, позволяющее понять многие происходившие процессы и объяснить их точнее, чем многие его последователи, которым была доступна более широкая источниковая база. Уже после войны им были изданы обобщающие труды – «Краткая история Турции» и «Очерки новейшей истории Турции», не утратившие своей познавательной ценности до сих пор. В начале 1950-х годов, однако, эти работы подверглись разгромной критике. Я не застала этого, до меня доходили лишь отдельные слухи об этом периоде трагической истории нашего востоковедения. Тогда был введён термин, использовавшийся как разоблачительно-ругательный — «объективизм». Мне до сих пор непонятно, как историка можно ругать за объективное изложение истории. Но это было. Эта страница истории описана в статье Б. М. Поцхверии «Чёрные дни А. Ф. Миллера». Хочу лишь подчеркнуть, что в защиту Анатолия Филипповича выступили тогда такие уважаемые в нашей среде учёные, как А. А. Губер, В. Б. Луцкий, Н. А. Смирнов. Обвинителями же были

люди, которые ни тогда, ни позже какого-либо заметного вклада в науку не внесли. Сам Анатолий Филиппович, как рассказывают, был сдержан в навязанных ему дискуссиях, не признавал приписываемых ему ошибок и не позволял себе опуститься до скандального уровня своих критиков. До меня слухи обо всём этом доходили. Как и рассказы о том, что далеко не все наши профессора в тот период держались столь же достойно. Но лично я этого не наблюдала, поэтому и не стала бы об этом писать, если бы не удивившая меня реплика в интереснейших воспоминаниях К. А. Антоновой, касающихся её мужа В. М. Турока-Попова.

Кока Александровна пишет: «Миллер был человеком образованным, приятным, остроумным собеседником, обладал хорошим литературным слогом, и многие, не работавшие в институте, ставили Турока и Миллера в один ряд, не зная, что они люто враждовали между собой. Сам Турок объяснял эту вражду уязвлённым самолюбием Миллера: по его просьбе Турок в роковом 1948 г. написал рецензию на три книги Миллера о новой и новейшей истории Турции, вышедшие в 1947–1948 гг. Рецензия была весьма благоприятной, но Турок осмелился сделать замечания, что в книге, посвящённой одному из событий политической истории Турции в XIX в., нельзя целиком абстрагироваться от вопроса о характере турецкого феодализма, а при изложении истории Турции новейшего периода нельзя, как это делает Миллер, переоценивать прогрессивную роль Кемаля Ататюрка. Миллер, ожидавший только поклонения, смертельно обиделся на эти замечания и стал непримиримым врагом Турока».

По правде говоря, я была очень удивлена столь недоброжелательным пафосом этого абзаца. Я знала Коку Александровну по институту и однажды вместе с ней и Владимиром Михайловичем ездила на какую-то много-

дневную экскурсию (кажется в Вологду). Вспоминаю Владимира Михайловича как человека, способного внести в любую ситуацию элементы некоего доброжелательного, но в то же время довольно едкого, подтрунивания друг над другом. Он, очевидно, действительно был довольно ярким человеком и в этом был похож на Анатолия Филипповича. Но в том случае, о котором ведёт речь Кока Александровна, ситуация, насколько я понимаю, была в ином. Как я уже писала, шло идеологическое наступление на самого А. Ф. Миллера. Он надеялся на доброжелательную защиту, а не на начало ещё одной «научной» дискуссии, так что его разочарование рецензией Владимира Михайловича кажется мне вполне естественным. Поэтому-то он и не стал выступать в защиту самого Турока, когда на того посыпались обвинения. Кока Александровна его за это осуждает. Что ж, все мы не идеальны. Неприязнь и обиды в отношениях с некоторыми людьми присущи всем людям и, очевидно, не всегда объективны и справедливы.

Об Анатолии Филипповиче могу добавить лишь то, что он был многогранной личностью, интересной в каждой из своих ипостасей. На эту мысль меня навёл последний мой разговор с Н. А. Смирновым. Мы готовили к печати сборник наиболее интересных работ Анатолия Филипповича, желая таким образом отметить десятилетие со дня его ухода. Я позвонила Николаю Александровичу, предложив ему написать статью об Анатолии Филипповиче. Он горячо одобрил идею издания такого сборника, но писать статью отказался, объяснив это так: «Ты знаешь, что я много работал вместе с Анатолием Филипповичем. Мне всегда казалось, что я его хорошо знаю. Я от него не раз получал большую поддержку, и на многие вещи мы смотрели одинаково. Но, как оказалось, я многого о нём

не знал. Например, того, что он был консультантом на конференции в Тегеране. При всей нашей, как мне казалось, близости он никогда об этом не говорил. Наверняка были и другие факты. Поэтому я не считаю себя вправе писать такую статью». Я тогда была очень удивлена и этим объяснением, и отказом. Вспоминала их разговор, состоявшийся в начале лета 1958 г. Это было уже после моего окончания института. Неожиданно к нам в аудиторию вошёл Николай Александрович. Он был сильно взволнован. Приехал после визита в какие-то высокие инстанции, где у него был очень неприятный разговор, и сообщил, что отказался быть директором ИВЯ. Насколько я могла уловить, он не принял той концепции института, которую предлагали сверху, а пытался отстоять его бóльшую научную направленность. Я тогда многого не понимала, но почувствовала их единство во взглядах, дружеское участие и явную одинаковость в оценке сложившейся ситуации. Они были единомышленниками и в тот момент — явно сообщниками. Оказалось, что такое единство было не всегда. Анатолий Филиппович, как я понимаю сейчас, был личностью непростой и не за каждую грань своей жизни позволял проникнуть даже близким людям. Я тоже знала его лишь с одной стороны — как учителя, моего профессора, давшего мне путёвку в жизнь, за что я ему очень благодарна.

АННА СТЕПАНОВНА ТВЕРИТИНОВА

Помещённая ниже статья «Об Анне Степановне Тверитиновой» была написана тремя авторами - Д. Д. Васильевым, С. Ф. Орешковой и И. М. Смилянской - и опубликована в книге «Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910 -1973).

* * *

В 2010 г. исполняется 100 лет со дня рождения Анны Степановны Тверитиновой, исследователя османской истории, энтузиаста османистики, многие годы почти единолично сохранявшей традиции изучения Османской империи, которые на протяжении почти 300 лет закладывались в российском востоковедении.

Османистика издавна была традиционной для российской науки востоковедной дисциплиной. Две империи, Российская и Османская, с 1492 г. поддерживали межгосударственные отношения. В их истории много общего. Это евразийские державы, объединявшие в своих пределах многие страны и народы, разнящиеся между собой социально-экономически, опытом государственного строительства, конфессиональной принадлежностью. Каждая из этих империй строила свою модель многонационального и многоконфессионального государства. Они начинали свое развитие в разных геополитических нишах, соперничали как за власть над пограничными землями, так и идеологически. Ведь основные конфессиональные группы в обеих странах были одни и те же — православные христиане и мусульмане, но руководящую роль играли разные конфессии. Империи враждовали, воевали (двенадцать русско-турецких войн — это и для той и другой стороны больше, чем с кем-либо ещё), культивировали по отношению друг к другу некий образ врага, но в то же время обречены были на взаимный интерес и внимание. Уже в 1692 г. в России была написана первая оригинальная книга по османской истории — «Скифская история» Андрея Лызлова, вышедшая в Москве последним изданием в 1990 г. и, несмотря на свое название, на 2/3 посвященная именно османам и их государственному строительству. В России исподволь накапливались знания об её южном соседе. Это и посольские донесения (а первое посольство к османскому

султану было отправлено из Москвы еще в 1497 г.), и переводная литература, сведения различных лиц, побывавших на турецкой территории, — купцов, паломников, пленников. Османская империя интересовала политиков и военных, что породило обширную публицистическую литературу о ней, но постепенно складывалась и научная османистика, базирующаяся на изучении османских источников и интересе к внутренним проблемам этого государства.

Во второй половине XIX в. в Петербурге сложилась школа османистических исследований, вершинной фигурой которой стал В. Д. Смирнов (1846–1922). Как писал о нем его младший современник В. А. Гордлевский: «Смирнов после Хаммера был первый турколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе».

И вот после таких достижений в послеоктябрьском Петрограде наступает явный спад османо-туркологических исследований. Несколько раз менялось название и по-разному провозглашались цели и задачи Восточного факультета Петроградского университета. Общая языковая подготовка студентов, однако, оставалась вполне приличной, хотя стал делаться упор на современные (живые, как тогда говорили) языки. История же, в том числе и история языка, отступала на задний план. Азиатский музей, дававший основную работу востоковедным кадрам, занимался главным образом сохранением и сбором остававшихся бесхозными (по разным причинам) коллекций восточных книг, рукописей, инкунабул и ксилографов. Туркологический кабинет, созданный в 1927 г. по инициативе В. В. Бартольда, ставил своей целью подготовку кадров для восточных республик, участвовал в разработке новых алфавитов для тюркских языков, а также готовил переиздания словаря тюркских наречий В. В. Радлова. Новые научные кадры востоковедов почти не готовились. Лишь в 1930 г. небольшие и разрозненные коллективы были

объединены в Институт востоковедения Академии наук. При нём были созданы аспирантура и докторантура. Однако произошел разрыв поколений. Еще продолжали трудиться востоковеды дореволюционной школы, но были прерваны старые научные традиции; в науку были спущены сверху новые идеологические установки, в которые не всегда вписывались те углубленные исследования истории, которые были свойственны старому российскому востоковедению. Упор делался лишь на то, что могло служить на потребу новому обществу. Именно в этот период вошла в науку А. С. Тверитинова, избрав себе немодное и трудоемкое поприще — изучение истории Османской империи.

Анна Степановна Тверитинова родилась 14 июля 1910 г. в Кунцево, тогда маленьком городке Московской губернии, где ее отец, крестьянин из Тамбовской губернии, работал на строительстве шоссейной дороги. В 1911 г. отец умер, и мать с четырьмя детьми вернулась на родину в деревню Гусовку Кирсановского района на Тамбовщине, где, как писала в анкетах Анна Степановна, у них была изба и три десятины земли. В голодные послереволюционные годы Анну, младшую в семье, мать вынуждена была отдать в детский дом. Однако в 1922 г. её оттуда забрала, и семья переехала в Закавказье, где служил старший брат, командир Красной Армии. Жили в Кутаиси, а затем в Баку. Там Анна Степановна окончила среднюю школу и по командировке Народного комиссариата просвещения Аз. ССР в 1928 г. уехала учиться на Восточный факультет Ленинградского университета.

Интерес к Востоку, искренний и многогранный, который мы, ее младшие коллеги, наблюдали у Анны Степановны на протяжении всей её жизни, зародился у неё еще с детства. И это было типичным для многих российских востоковедов, выросших в среде российских восточных

народов. Вспомним, что писал В. Д. Смирнов (сам уроженец Астрахани) в некрологе своему университетскому учителю И. Н. Березину: «Соприкосновение с инородцами наших отдаленных окраин, как известно, всегда как-то само собой располагает коренных русских людей, с детства живущих в этих окраинах, к пытливости относительно языков и быта их иноплеменных соотечественников».

Окончив университет и получив диплом турколога-литературоведа, Анна Степановна поступила на работу в Институт востоковедения АН СССР, где до конца 1936 г. работала секретарем Турецкого кабинета. В её обязанности входили работа с турецким книжным фондом, который насчитывал около 5000 томов, составление алфавитных и предметных каталогов, а также составление журнальной библиографии и обработка поступавших в институт турецких газет и журналов.

Это было полезное для начинающего научного работника занятие, вылившееся в первые публикации, в том числе в сводный каталог турецкой исторической литературы, хранящейся в библиотеках Москвы и Ленинграда. Именно эта работа сделала А. С. Тверитинову, литературоведа по университетскому диплому, историком.

Одновременно с работой в Институте востоковедения Анна Степановна училась в аспирантуре ЛИЛИ (Ленинградского историко-лингвистического института, а фактически все того же Восточного факультета ЛГУ, много раз менявшего название и пережившего различные слияния и разделения). Аспирантское обучение тогда еще не устоялось. Как отмечала сама аспирантка Тверитинова в своем заявлении в дирекцию Института востоковедения, у аспирантов отсутствовало всякое индивидуальное научное руководство, а учебная программа была перегружена различными лекциями и семинарами, далёкими от

востоковедения, в результате чего из 30 аспирантов, окончивших курс аспирантуры в 1935 году, ни один не защитил диссертацию.

Сама же А. С. Тверитинова осенью 1936 г. просила дирекцию института освободить её от обязанности секретаря Турецкого кабинета и позволить сосредоточить свои силы на написании диссертационной работы. Она отмечала, что за 5 лет работы в институте она приобрела недостающие ей ранее навыки исследовательской работы, изучила турецкую историографию и материалы турецких хроник и теперь готова приступить к написанию работы о восстании Кара Языджи в Турции (конец XVI — начало XVII в.). Такая возможность ей была предоставлена. Кандидатская диссертация была защищена А. С. Тверитиновой в 1939 г. Оппонентами на защите выступили В. А. Гордлевский и М. С. Иванов. Хотя и были сделаны некоторые замечания, особенно В. А. Гордлевским (многие из них были учтены автором при позднейшей публикации работы), но, тем не менее, А. С. Тверитинова получила искомую степень, звание старшего научного сотрудника, вошла как достойный и равноправный член в коллектив ленинградских туркологов. Казалось бы, открыта стезя дальнейшей научной работы. Академик Самойлович в одном из отзывов о ней характеризовал А. С. Тверитинову как «человека, хорошо знающего турецкий литературный язык и обладающего серьезными интересами и способностью к научной деятельности».

Все благополучно складывалось и в личной жизни: любящий муж, Е. А. Андриевский, работавший редактором «Детгиза», а позднее ответственным секретарем редакции журнала «Звезда», двое сыновей — Велемир (1933 г. рождения) и Аркадий (1938 г. рождения). В 1941 г. Анна Степановна ждала третьего ребенка, но он родился уже осенью того года, когда война изменила всю жизнь страны и каж-

дого её жителя в отдельности. Ушёл на фронт муж и погиб на Ленинградском фронте в 1941 г. В 1943 г. погиб брат, воспитавший Анну Степановну. Старших детей, 8 и 3 лет, она вынуждена была отправить с интернатом в эвакуацию. Сама с новорождённым сыном и матерью осталась в блокадном Ленинграде, где потеряла и ребёнка, и мать, погибшую от голода в 1942 г. В феврале того же года в тяжёлом состоянии она была эвакуирована из Ленинграда. С большими трудностями нашла старших детей, о которых до этого ничего не знала. С марта по сентябрь 1942 г. работала преподавателем истории в средней школе г. Тетюши в Поволжье. В октябре 1942 г. ей с детьми удалось уехать в Ташкент, куда был эвакуирован Институт востоковедения АН СССР и где она смогла возобновить свою научную работу. Одновременно с этим работала и в Институте восточных рукописей АН Узб. ССР, принимала участие в подготовке к печати «Собрания восточных рукописей АН Узб. ССР» (Ташкент, 1952–1954. Т. I и II). В мае 1945 г. вместе с Институтом востоковедения семья А. С. Тверитиновой вернулась в Ленинград. Уже там в 1946 г. была издана её первая книга, содержащая доработанную версию диссертационной работы: «Восстание Кара Языджи — Дели Хасана» (М. — Л., 1946).

Приведённые выше подробные даты и события личной жизни Анны Степановны для тех, кто пережил это время, говорят сами за себя, но и читатели более младшего возраста, надеемся, тоже могут почувствовать весь трагизм тогдашней жизни и ту силу и жизнестойкость, которые должна была проявить Анна Степановна Тверитинова, чтобы не сломаться, выжить и вернуться к любимой научной работе.

Из публикаций, подготовленных в ленинградский период, следует отметить такие работы А. С. Тверитиновой: «К истории русско-турецких отношений в елиза-

ветинское время» («Советское востоковедение». Т. IV. Л., 1949). Это первое введение в научный оборот турецкого посольского донесения о посещении Петербурга и переговорах с российским правительством; «Второй трактат Кочи-бея» («Учёные записки ИВ АН СССР». Т. VI. М., 1953) — перевод на русский язык публицистического трактата середины XVII в. о государственном и общественном строе Османской империи и тех кризисных явлениях в этом государстве, которые тогда явно начинало чувствовать османское общество. Знаменательно, что первый трактат этого автора был опубликован В. Д. Смирновым, т.е. здесь мы видим прямое продолжение традиций блестящего периода дореволюционного российского востоковедения. И наконец, опубликованное несколько позже, но выявленное и подготовленное к публикации ещё в Ленинграде двухтомное издание хроник XVII в. Хюсейна «Беда-и ул-векаи (Удивительные события)» (М., 1961). Аннотированное оглавление и указатель Ю. А. Петросяна. Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой.

Все эти публикации свидетельствуют о том, что Анна Степановна Тверитинова становится в это время серьёзным учёным, работающим с турецкими первоисточниками, чувствующим и знающим османское средневековье.

В то же время советская действительность и разоблачительный пафос, царивший в то время в советской науке, в какой-то мере захватили и её. Считалось необходимым подчеркнуть свою приверженность к марксизму и методологическую несостоятельность всего того, что было сделано в общественных науках до или помимо него. В этом духе Анной Степановной были написаны статьи: «Фальсификация средневековой истории Турции в кемалистской историографии» («Византийский временник», 1953. № 8); «Фаль-

сифицированная версия о турецком халифате» («Известия Отделения общественных наук Тадж. АН», Сталинабад, 1954. Вып. V); «Об ошибочной концепции средневековой истории Турции в работе А. Ф. Миллера» («Учёные записки ЛГУ», 1952. № 128) и некоторые другие.

Понимая, что это была дань времени, хотелось бы отметить, что Анна Степановна позднее сама почувствовала искусственность многих методологических построений, бытовавших в советское время в исторической науке, и необходимость уважения к концепциям и идеологическим поискам других исторических школ. Но для этого нужен был личный опыт и те просветы в «железном занавесе», окружавшем нашу страну, которые появились лишь в 60–70-е годы.

Один из авторов этой статьи (С. Ф. Орешкова) вспоминает, как в её аспирантские годы в начале 60-х годов в ответ на употреблённое ею в одном из первых научных опусов замечание об идеологической несостоятельности некоего турецкого исторического сочинения Анна Степановна очень мягко сказала, что не следует употреблять таких выражений в отношении серьезного научного исследования. Для молодых научных сотрудников, воспитанных в студенческие годы на советском идеологическом славословии, такие замечания Анны Степановны способствовали выработке более взвешенных взглядов и на историографию, и вообще на научную деятельность.

Любопытно, что и идеологический выпад, который Анна Степановна допустила когда-то в отношении А. Ф. Миллера, не повлиял на дальнейшие уважительные отношения этих двух учёных. «Объективистские» (!!!) воззрения, в которых в 50-е годы обвиняли профессора Миллера, позднее были по достоинству оценены его коллегами и учениками. А. Ф. Миллер понимал причины и истоки критики, которую высказала в его адрес А. С. Тверитинова, но видел и её

искренние научные поиски и достижения. Позднее, когда появилась такая возможность, они вместе неоднократно представляли советскую науку на различных международных научных форумах. Бывало даже, что передавали друг другу своих учеников. Так та же С. Ф. Орешкова была аспиранткой А. Ф. Миллера, а когда публиковалась её диссертационная работа («Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.». М., 1971), ответственным редактором её по рекомендации и просьбе А. Ф. Миллера (занятого тогда другими делами) стала А. С. Тверитинова.

Идеологические рамки, в которые была поставлена в послевоенный период наша наука, в определенной степени сказались и на первой книге А. С. Тверитиновой о восстании Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. Национально-освободительные движения и народные восстания относились тогда к излюбленным и наиболее поощряемым темам научных исследований. Изучая события конца XVI — начала XVII в. по османским источникам, объективно излагая факты, автор, тем не менее, делал упор на участии в описываемом им восстании народных масс, крестьянства. Это было свойственно советскому взгляду на подобные события. Борьба же внутри господствующего класса, которая, собственно говоря, и была основным содержанием тогдашних волнений, подавалась лишь как некий фон, будто бы и не столь значимый. Для современного читателя книга А. С. Тверитиновой продолжает оставаться интересной, так как знакомит его с материалами из турецких первоисточников, позволяет почувствовать тогдашний переломный момент в истории Османской империи, но оценочные выводы из этого материала он, очевидно, сделает иные, чем это сделал автор.

В 1950 г. Президиум АН СССР принял решение о переводе Института востоковедения в Москву. А. С. Твери-

тинова с ноября 1951 г. начинает работать в московском Институте востоковедения. Она переехала в Москву одной из первых и перевезла часть ленинградской библиотеки Института востоковедения. Позднее было принято решение об оставлении в Ленинграде Отделения Института востоковедения, но Анна Степановна и еще несколько сотрудников-ленинградцев остались в Москве. Она возглавила библиотеку нового московского академического Института востоковедения, хотя и продолжала свои личные научные изыскания.

В 1959 г. комиссия Фундаментальной библиотеки Академии наук констатировала: «Библиотека Института востоковедения — вполне сложившееся библиотечное учреждение с правильно организованным книжным и газетно-журнальным фондом, хорошо оборудованным книгохранилищем, удовлетворительно ведущимися алфавитным и систематическим каталогом и правильно развитой структурой». В библиотеке «неплохо поставлена справочно-библиографическая и методическая работа». Все это, как писала А. С. Тверитинова в заявлении на имя директора Института востоковедения Б. Г. Гафурова, давало ей «моральное право» просить об освобождении её от заведования библиотекой и о разрешении сосредоточиться на исследовательской работе. В её планах тогда значилось издание сборника документов по аграрному строю Османской империи и монография «Аграрный строй Османской империи».

С 1969 г. А. С. Тверитинова возглавляла сектор Публикации памятников письменности Востока, а с 1973 г., в связи с изменениями в структуре Института востоковедения АН СССР, сектор Памятников тюрко-монгольской письменности в Отделе памятников письменности народов Востока. Анна Степановна была не просто руководителем этих под-

разделений, но и инициатором их создания. В этом, очевидно, проявилась её ленинградская научная выучка. Именно там это направление научной деятельности сохраняло свои традиции и встречало большую поддержку, в частности от академика А. Н. Кононова и бывшего ученика Анны Степановны Ю. А. Петросяна, позднее возглавившего ЛО ИВ АН СССР. В секторе, возглавляемом Анной Степановной, удалось собрать целую плеяду талантливых востоковедов: япониста К. А. Попова, корееведа И. И. Хвана, иранистов Ю. Э. Брегеля и А. И. Фалину, индологов Н. Ю. Лубоцкую и А. Я. Сыркина, арабистов Х. И. Кильберг и С. Б. Певзнера, монголоведа Н. П. Шастину, тюркологов Ф. А. Салимзянову и И. В. Стеблеву. Все они были уже тогда известны как авторы фундаментальных изданий средневековых письменных памятников. Этот коллектив начал издание серии «Памятники письменности Востока» (ППВ), что было непростым делом в докомпьютерную эпоху, поскольку сложные шрифты многих памятников приходилось от руки вписывать в макет. В секторе царил деловая, рабочая атмосфера, взаимопомощь и, в чем особая заслуга Анны Степановны, тёплые личные отношения. Праздничные даты отмечались посиделками со стихотворными посланиями и эпиграммами, на чай в «Памятники» любили заходить сотрудники других секторов и коллеги из других научных центров.

Как известно, с сентября 1956 г. для Института востоковедения начинался новый период. Было принято постановление Президиума АН СССР «О задачах и структуре Института востоковедения АН СССР», которое должно было реализовать специальное решение ЦК КПСС о необходимости развития востоковедения. В институт был назначен новый директор — Б. Г. Гафуров, была предоставлена возможность пополнить свои ряды новыми молодыми кадрами.

Это был период хрущёвской «оттепели». Новая молодёжь, желавшая самостоятельно мыслить, и новая литература, начавшая поступать из-за рубежа, а позднее и возможности (пусть редкие и для очень ограниченного числа лиц) участвовать (или хотя бы получать информацию) в международных научных конференциях явно раздвигали принятые ранее жесткие идеологические рамки, в которых развивалась наша наука.

Анна Степановна оказалась очень восприимчивой к этим новым веяниям. Она возглавила так называемый «Семинар по феодализму», объединивший молодых сотрудников института, занимающихся Средневековьем и Новой историей. Поначалу его работа была организована так: приглашался кто-то из ведущих специалистов по западному феодализму, участники семинара рассказывали о социально-экономической структуре того восточного общества, которое они изучали. Далее шло обсуждение, выяснялось, насколько эта структура подпадала под то понимание феодализма, которое было принято в советской науке. Разумеется, сейчас это может восприниматься как какое-то начётничество, но тогда это был некий глоток свежего воздуха. Участники обсуждения пытались не замаскировать, а выявить факты несовпадения общественных структур, уловить особенности восточных обществ. Росло понимание, что восточный материал не вписывается в «марксистское» (или, по крайней мере, в то, что тогда понималось как марксизм) понимание исторического процесса. Молодежь жила этими обсуждениями, и Анна Степановна активно поощряла её поиски. Сейчас трудно понять значение этого. Нужно знать особенности того времени.

«Семинар по феодализму» числился как семинар в сети партийного просвещения. В советское время все — от рабочего до академика — должны были изучать пропаган-

дистские материалы, исходившие от Коммунистической партии: решения съездов, пленумов, различные постановления, речи партийных лидеров, а в сталинское время «Краткий курс» истории партии, автором которого считался И. В. Сталин. Такие семинары сотрудники института вели на подшефных промышленных и иных предприятиях, в частности на фабрике «Красная швея», но и сами обязаны были в них заниматься. Некоторые из таких семинаров, так называемого высшего звена, можно было как-то специализировать по той или иной проблеме марксистской теории. Именно в этой сети и возник «Семинар по феодализму». Его идейным вдохновителем был Л. Б. Алаев, индолог, в частности увлеченный тогда проблемами индийской общины, собранный им материал о которой явно выходил за дозволенные марксистские рамки и даже, более того, противоречил(!) утверждениям марксистских классиков. Ни самому Алаеву, ни другим его сверстникам (по молодости и «партийной неопытности») вести такой семинар партбюро доверить не могло. А вот А. С. Тверитинова, человек в институте уважаемый и в научных, и в партийных кругах, взялась за его руководство, как бы прикрыв собой молодежную «крамолу».

Хочется напомнить, что, хотя это и была хрущевская «оттепель», подобные научные обсуждения и сборища без сети партийного просвещения воспринимались как вещи совсем небезопасные. Напомним, что Д. С. Лихачёв в свое время попал на Соловки за доклад о грамматике русского языка, прочитанный на заседании некоего самодеятельного студенческого общества. Еще в 1959 г., когда первокурсники истфака МГУ, студенты-китаисты, увлеченные своей профессией, попытались создать некий МОПСИК (что-то вроде Международного общества помощи и содействия изучению Китая), их очень резко одернули на комсомольском

собрании. Было сказано, что есть дозволенные общественные организации, комсомол, университетские занятия, и нечего заниматься самодеятельностью. Подобные организации могут быть использованы недругами советского общества. Тогда многие однокурсники, еще по молодости лет не почувствовавшие тех рамок дозволенности, которые ставило своим членам советское общество, были удивлены строгостью, с которой была пресечена даже попытка создать такое, пока еще по-детски наивное, «научное» общество. Сейчас же, разговаривая как-то с одним из участников этого «мопсика», теперь профессором-китаистом О. Е. Непомниным, и вспоминая молодость, мы трезво оценили, от какой опасности их тогда уберегли старшие товарищи (в частности, А. В. Меликсетов) и как, по сути дела, детская игра в науку (как у Д. С. Лихачёва) могла сломать жизнь. В дальнейшем даже это поколение московских истфаковцев, поступившее в университет в 1953 г., оказалось свидетелем и арестов, и других репрессивных действий в отношении студентов, связанных с попытками самостоятельно осмыслить советскую действительность и разобраться в теории марксизма. Потому-то нам и понятно, что А. С. Тверитинова, встав во главе этого «дискуссионного клуба», проявила определенную смелость, как бы втиснув это свое детище в рамки партийного просвещения. Ей явно было интересно с молодежью. Занимаясь аграрным строем Османской империи, она так же, как и эти молодые научные сотрудники, понимала необходимость каких-то иных теоретических подходов к его осмыслению.

Позднее, в связи с определенной либерализацией науки и общества, востоковедный крамольный материал выплеснулся на страницы научных изданий. Семинар можно было уже не маскировать, и он приобрёл чисто научный характер, проблематика его расширилась, в обсуждение

стали включаться не только социально-экономические проблемы (хотя они все-таки преобладали), но и проблемы философии, культуры, политэкономической теории. В 60–80-х годах востоковеды стали некими возмутителями спокойствия. Их выступления на всех общеакадемических и вузовских конференциях даже без попыток глубоко теоретизировать, а лишь с изложением конкретного восточного материала, как правило, нарушали все теоретические построения. Советский «марксизм» трещал по всем швам. Делались попытки найти у К. Маркса и Ф. Энгельса что-то, что позволило бы выйти за привычные схемы, заговорили об «азиатском способе производства», о некапиталистическом пути развития и т.п.

В Институте востоковедения был организован ряд широких обсуждений проблем формационного развития, разработаны анкеты, призванные выявить общее и особенное в развитии Востока и Запада. Четко выявлялось, что Восток требует новых историософских подходов, которые не давал советский «марксизм». К концу советского периода это стали понимать и рядовые исследователи, и руководители науки, и даже те лица, которые осуществляли партийный контроль за наукой. Но это было уже другое время. А. С. Тверитинова стояла у истоков этих теоретических поисков советских востоковедов. Конечно, были отдельные учёные, которые предлагали свои концепции, иногда довольно интересные, но в общем востоковедение переживало кризисный период. Продолжал и продолжает сейчас накапливаться конкретный материал, но особенности Востока ещё так до конца и не выявлены ни наукой, ни жизнью.

Все эти теоретические проблемы привели к тому, что А. С. Тверитинова так и не завершила своего задуманного большого труда об аграрной структуре османского общест-

ва. Когда её спрашивали о нем, она просила не торопить ее, поскольку ей очень интересно работать. Иногда, правда, у Анны Степановны прорывались реплики о некоторых работах коллег — как же люди могут писать по-старому, когда столько новых подходов и новых материалов. С присущим ей энтузиазмом А. С. Тверитинова выступила инициатором текстологического семинара, проводившегося совместно с ЛО ИВ, на котором блистательно выступали с докладами по своим специальностям О. Ф. Акимушкин, А. Б. Халидов, Л. Н. Меньшиков, В. А. Лившиц, Ю. А. Петросян. Впоследствии этот семинар приобрёл большую филологическую направленность и продолжался после кончины Анны Степановны под руководством М.-Н. О. Османова. Тогдашним молодым сотрудникам своего сектора — Д. Васильеву, А. Гаркавцу и Э. Раззаковой, — помимо их личных исследовательских тем, Анна Степановна поручила готовить под руководством Ю. Э. Брегея предметно-тематический указатель к сочинениям В. В. Бартольда, за образец для которого был принят аналогичный — к сочинениям В. И. Ленина. Для консультаций по этой работе был привлечен последний ученик В. В. Бартольда И. И. Умняков. Интерес к наследию В. В. Бартольда был поддержан Е. А. Давидович, пришедшей в сектор Анны Степановны незадолго до её кончины и возглавившей его после неё. Была организована серия конференций фундаментального характера — «Бартольдовские чтения».

В последние годы своей жизни она много работала и публиковалась. Это были в основном работы историко-ведческого характера. В 1963 г. вышел в свет «Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы». Сборник снабжен предисловием, где говорится о типах источников, имеющихся публикациях, об архивах и рукописных коллекциях Турции, турецких документах,

хранящихся в европейских архивных собраниях, исследованиях в области османской палеографии и дипломатии. Стремясь познакомить читателя с наиболее типичными документами, «отражающими важнейшие черты аграрного строя и аграрных отношений Османской империи», составитель дает переводы наиболее важных законодательных актов общегосударственного значения, законоположений отдельных провинций империи, приводит образцы султанских указов, жалованных и вакуфных грамот, разных переписей, проводившихся в империи, а также тексты наиболее интересных трактатов, содержащих ценные данные для характеристики форм земельной собственности и аграрных отношений. Все эти документы переведены на русский язык впервые.

В 1969 г. была опубликована «Книга законов султана Селима I», содержащая перевод документа и публикацию его турецкого текста. Этот источник был впервые введен в научный оборот. Позднее, по другой рукописи, это канун-наме было опубликовано в Турции.

Не удовлетворившись этими принципиально важными публикациями, А. С. Тверитинова продолжала сбор, публикации и переводы других документальных материалов по османской истории, касающихся вакуфного земледелия, кадийских сиджилов, отдельных султанских грамот и других видов документов. На русском языке была издана большая коллекция турецких источников об аграрных отношениях в Османской империи. Обобщить этот материал и продолжить исследование А. С. Тверитиновой на монографическом уровне пока из российских историков так никто и не решился. Сам этот материал, однако, поднимал российскую османистику на новый уровень и способствовал активному включению османского материала в российские общеисторические исследования.

Одним из проектов, начатых Анной Степановной, стал сбор сведений о хранившихся в библиотеках, музеях, ведомствах СССР рукописей, книг и предметов с текстами на восточных языках. Этот проект относился к последнему периоду жизни Анны Степановны и сформировался после того, как она побывала в ряде командировок и обследовала тюрко-османские собрания рукописей в Киеве, Ереване, Тбилиси. С подобными заданиями были направлены в другие города и некоторые сотрудники её сектора. В рукописи был составлен каталог сведений, поступивших из различных библиотек и музеев. К сожалению, он был утрачен при переезде института в новое здание.

В последнее десятилетие своей жизни А. С. Тверитинова большое внимание уделяла изданию сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы». Вышло три таких издания (объём — 30 п.л. каждое). Не говоря уже об интересном содержании и новизне тех материалов, которые были введены в научный оборот, они принципиально важны тем, что сплотили вокруг себя большой коллектив учёных из разных стран, делавших общее нужное дело. Историография Юго-Восточной Европы получила в свое распоряжение интереснейшие османские (а они преобладали в этих изданиях) материалы. После смерти А. С. Тверитиновой не нашлось авторитетного учёного, который бы продолжил это дело, т.е. и здесь мы видим определённую утрату достижений.

А. С. Тверитинова ушла из жизни в 63 года. Для историка, долгие годы собиравшего материал, самостоятельно входившего в османское источниковедение, стремившегося к историософскому осмыслению полученных данных, это совсем еще небольшой возраст. Она ушла на пике своего научного подъема, не реализовав полностью своих задумок. Однако вклад её в российскую османистику бесценен.

Серьезность подхода и источниковедческая база, подготавливаемая ею для своего главного исследования, заставляют и последующие поколения османистов быть вдумчивыми и кропотливыми исследователями, понимать ответственность за тот вклад, который они собираются внести в копилку османистики. Здесь не может быть легкомыслия и поверхностных наскоков, а должен быть ответственный и добросовестный труд. Лишь он позволит проникнуть в тайны 600-летнего существования этого государственного образования.

* * *

После смерти А. С. Тверитиновой её библиотека и архив были переданы родственниками в Тбилиси нашим грузинским коллегам. К сожалению, это было сделано не совсем корректно — в Грузию были увезены даже те институтские библиотечные книги, которые были в пользовании Анны Степановны. Архивные материалы, как нам сообщают коллеги, до сих пор не разобраны. Думается, что описать и разобрать их — дело чести грузинских туркологов.

АБДУЛЛА МАРДАНОВИЧ ШАМСУТДИНОВ

Когда я устраивалась на работу в сектор Турции Института востоковедения, которым руководил тогда А. М. Шамсутдинов, А. Ф. Миллер предупредил: «Абдулла Марданович — человек, который подлости вам не сделает, а вообще-то в институте много бездельников». Было это в 1958 г., ещё памятны были недавние идеологические погромы, которые пережил сам Анатолий Филиппович, наверняка сталкивавшийся и с непорядочностью, и с подлостью, и просто с излишней осторожностью (чтобы не сказать трусостью) коллег. Абдулла Марданович, как я сейчас понимаю, в этой ситуации вёл себя достойно и тем заслужил уважение Анатолия Филипповича. Тогда меня эта

характеристика удивила, но запомнилась, а позднее я не раз убеждалась в её справедливости. Что касается второй части предупреждения А. Ф. Миллера, то, к счастью, в отношении моего нового окружения она не оправдалась. В институте шла реорганизация, от определённого баласта он освобождился, появлялись новые люди, хотя разговоры о действительно одиозных личностях, работавших ранее в институте, до меня доходили. Мне же это предупреждение помогло правильно оценить академическую свободу — когда целый год, а то и больше, с тебя не спрашивают работу, а потом надо выдать её результаты.

Абдулле Мардановичу принадлежала большая заслуга в складывании спокойной, уютной, но рабочей обстановки в секторе Турции. Всегда невозмутимый, иногда немного подтрунивавший над своими сотрудниками, он очень тонко чувствовал людей, умел, иногда незаметно и как бы случайно, помочь человеку в нужную минуту. Люди в его подчинении были разные, ладить приходилось со всеми, но Абдулла Марданович и сам очень тщательно подбирал сотрудников. Казалось бы, мы все работали в одной, довольно узкой области, но конкуренции не было. Каждый разрабатывал свои темы. К тому же перед глазами у нас был хороший пример. Буквально через год после моего прихода в институт почти одновременно вышли две книги по Турции: «Аграрные отношения в современной Турции» нашего П. П. Моисеева и «Крестьянство Турции в новейшее время» ленинградского коллеги А. Д. Новичева. Казалось бы, работы исследовали практически одну и ту же тему, но получились они совсем разными. Поэтому-то у нас сложилось твёрдое мнение, что в науке конкуренции быть не может. У каждого своё осмысление излагаемого материала. Очевидно, я в чём-то идеализирую то далёкое время, но тогда нам действительно жилось в секторе неплохо. Даже

неизбежные в научном коллективе разногласия и соперничество спокойно и доброжелательно урегулировались, хотя порой не сразу. Мы были настоящим туркологическим сообществом. К сожалению, после ухода Абдуллы Мардановича обстановка стала иной. Конфликтов стало больше, новые люди, пришедшие в сектор, не всегда разделяли тот настрой, что был у нас раньше.

Ниже приводится статья об А. М. Шамсутдинове, написанная мною вместе с Ю. А. Ли и приуроченная к столетию учёного.

Абдулла Марданович Шамсутдинов (1907–1998) — крупный учёный, один из организаторов востоковедной науки в советское время, внесший большой вклад в развитие отечественной туркологии. Более двадцати лет он руководил сектором Турции Института востоковедения Академии наук, ведущего востоковедного центра в Советском Союзе. Его перу принадлежат десятки фундаментальных исследований по истории Турции. Он писал о становлении ее государственности, кемализме, национально-освободительном движении и о более широких проблемах приобщения исламского общества к современной цивилизации.

Мы помним его как эрудированного учёного, авторитетного руководителя, пользовавшегося заслуженным уважением в научных кругах в нашей стране и за рубежом, как прекрасного человека, чуткого и внимательного, порой ироничного, но всегда доброжелательного, последовательно и твердо отстаивавшего свои научные взгляды, но в то же время умевшего внести спокойствие и мудрую рациональность в любую научную дискуссию, житейский спор, а порою и в политические дразги, которыми было богато советское время. Мудрость, спокойствие и рассудитель-

ность, которые исходили от этого человека, как и его научная эрудиция, явились результатом нелегкого жизненного пути Абдуллы Мардановича Шамсутдинова. Всегда не так просто выбиться из народных низов к научным высотам, но здесь ещё сказалось и то непростое время, в котором довелось жить этому учёному.

А. М. Шамсутдинов (как он сам указывал в своих анкетах) родился 12 (25) сентября 1907 г. в деревне Бураево Бирского кантона Уфимской губернии (сейчас Буравский район Уфимской области Башкирии). Он рос младшим в семье, где были еще брат и три сестры. Отец помимо крестьянского хозяйства занимался мелкой торговлей, ходил по деревням с лотком. Он рано умер, в 1911 г., после чего семья стала беднячкой.

Начальное образование Абдулла получил в медресе при местной мечети. Об этом он позднее в анкетах не писал, но в устных беседах в зрелые годы рассказывал. Знания, полученные в медресе,годились ему как востоковеду.

В детстве и ранней юности ему пришлось пережить трудности, голод и лишения времен революции и Гражданской войны, когда район Поволжья подвергался особенно тяжким испытаниям.

В 1920 г. (т.е. в 12–13 лет) как сын бедняка он был вовлечён в одну из первых в районе комсомольских ячеек. Абдулла Марданович вспоминал впоследствии, что первым комсомольским заданием для их ячейки были похороны людей, умерших от голода. Сами они также едва стояли на ногах. Спаса их, как он рассказывал, посылка с селёдкой, полученная от комсомольцев Украины. Эту селёдку они даже не ели, а подвешивали к потолку и время от времени, когда голод становился нестерпимым, подходили к ней, чтобы немного пососать. Выжив в этих страшных условиях, комсомольцы, как и везде по стране, создавали пионерские организации, вели пропаганду нового образа

жизни, боролись с религией. В зрелые годы Абдулла Марданович с ужасом вспоминал, что по заданию комсомольской организации они с приятелем залезли под крышу мечети и во время моления верующих, когда в здании собралось много народу, пытались пилой распилить несущую балку. К счастью, балка не поддавалась (мечеть была построена на совесть), кровавого преступления в борьбе с «опиумом для народа» не произошло. Мечеть позднее закрыли, но уже без участия ретивого комсомольца. Рассказ об этом «подвиге» в устах уже пожилого, многоопытного человека в 70-е годы XX в. звучал как покаяние.

Комсомол, однако, дал Абдулле Мардановичу первый навык организаторской работы (секретарь ячейки, член волостного комитета ВЛКСМ) и, главное, путевку в новую жизнь. Он был отправлен на учебу в Москву, на рабфак им. М. И. Калинина. Учиться было нелегко, но ещё труднее было привыкать к суетной и такой чуждой тогда башкирскому пареньку жизни в столице. Тоска по родным местам была так сильна, что башкирские рабфаковцы в первые месяцы своей московской жизни по воскресеньям самым интересным для себя считали отправиться на вокзал, откуда шли поезда в направлении Башкирии. Вдруг встретят земляка, поговорят, узнают новости, передадут привет домой.

Тогда же рабфаковцы впервые столкнулись с политическими репрессиями (1925–1927 гг.), затронувшими и их студенческую среду. Но, как вспоминал Абдулла Марданович, они ничего не могли понять и даже шутили по этому поводу, вывешивая ложные списки тех, кто будто бы будет в следующую ночь увезён в никуда. Все эти события рабоче-крестьянская молодежь рабфака воспринимала как нечто нереальное, не поддающееся их восприятию.

Между тем учёба продвигалась успешно. Окончив рабфак, молодой А. М. Шамсутдинов возвращается в родные

места, где его используют на партийной работе. Работал в идеологическом отделе, а затем секретарём Бирского райкома ВЛКСМ, позже – в Янкульском райкоме ВКП(б). Партийная работа, однако, не привлекла молодого человека. Ему удалось получить от Башкирского обкома ВКП(б) путевку в Москву на курсы поступающих в вузы и через них поступить в Московский институт востоковедения. Там он в совершенстве овладел турецким и французским языками, а после окончания института поступил в аспирантуру. Уже в 1930-е годы, только что окончив институт, он перевел с французского на русский язык основополагающий (первые тогда опубликованный) труд турецкого ученого Мехмеда Фуада Кёпрюлю о становлении османского государства, а позднее сам стал заниматься этой же проблематикой. Любопытно, что уже тогда академик В. А. Гордлевский, учёный старой, дореволюционной, русской востоковедной школы, издавая свое исследование о государстве сельджукидов Малой Азии, делает ссылку о том, что ряд неизвестных ему фактов о последнем периоде существования сельджукского государства и становлении османского бейлика сообщил ему аспирант Шамсутдинов.

В Московском институте востоковедения Абдулла Марданович Шамсутдинов работал до ноября 1944 г., был доцентом, деканом Ближневосточного факультета, заведующим издательством. Вместе с институтом пережил эвакуацию в Среднюю Азию.

Семья его в это время (жена — Хмелевская Ольга Павловна, врач по профессии, и дочь Лариса) находилась в родном селе Абдуллы Мардановича в Башкирии. Позднее он с грустью говорил: «Как же красиво по возвращении в Москву пятилетняя Лариса говорила по-башкирски, но позднее забыла язык».

В 1944–1948 гг. А. М. Шамсутдинов работал в ЦК ВКП(б), однако, как и ранее, партийная работа, несмотря на весь свой престиж в то время, его не привлекала. Он ушел в докторантуру Академии наук, а с 1951 г. был зачислен на работу в научно-исследовательский академический Институт востоковедения. Для своей научной работы он выбрал новую для себя тему — «Национально-освободительная борьба в Турции (1918–1922)». В 1953–1956 гг. он был заместителем директора института, с 1956 г. возглавлял сектор Турции. Сектор был тогда создан впервые. До этого существовало единое научное подразделение, где занимались прежде всего языком, а также литературой и меньше — историей арабских стран и Турции. Возглавлял его академик В. А. Гордлевский. После его смерти объединение этих востоковедных дисциплин в одном подразделении, что шло еще от традиций дореволюционного востоковедения, было упразднено. Самостоятельный сектор Турции стал уделять больше внимания турецкой истории, экономике, современным проблемам страны. Он стал центром этих исследований в нашей стране, подготовил много аспирантов для работы по туркологической проблематике не только для себя, но и для тюркских и закавказских республик СССР. Двадцать два года А. М. Шамсутдинов был не просто заведующим, но душой сектора, всех его начинаний. Он выступал организатором и редактором таких работ сектора Турции, как «Новейшая история Турции» (1968), «Политика и экономика современной Турции» (1977), трёх изданий справочника «Современная Турция», а также многочисленных сборников статей и индивидуальных монографий. Много сил и энергии отдал он организации туркологической науки, координации работ советских туркологов, подготовке научных кадров.

Для собственных исследований Шамсутдинова-учёного были характерны серьезность, глубина, знание деталей тех процессов и явлений, о которых он писал. В то время, когда в востоковедении главным были схемы, концепции, теоретические построения, он оставался для нас, его младших коллег, энциклопедией, кладезем знаний, из которого всегда можно было их почерпнуть, уточнить любой вопрос, получить нужную справку.

Кандидатскую диссертацию А. М. Шамсутдинов защитил в 1940 г. по теме «Образование Османского государства в XIV веке». В диссертации и опубликованных еще в довоенное время статьях о становлении османской государственности и социальных проблемах в раннем османском обществе А. М. Шамсутдинов впервые в нашей историографии проштудировал османские хроники, отметил разнообразие тех социальных истоков, которые породили османское общество, назвал его музеем различных форм «феодализма». Сильной стороной его исследований по средневековой истории является большое внимание к османским представлениям о собственном обществе, идеологическим представлениям того времени, военной структуре государства, складывающегося в результате османских завоеваний.

Докторская диссертация, которую он защитил в 1965 г., была издана в виде монографии под названием «Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг.» (1966). Это одно из серьезнейших исследований кемалистской революции не только у нас в стране, но и за рубежом. В работе использованы практически все источники по изучаемой проблеме, известные в науке ко времени написания книги. Выводы, в частности о массовом народном подъеме в Анатолии в это время, иногда встречали в турецкой историографии эмоциональные возражения.

Однако никто не смог опровергнуть их, опираясь на источниковый материал. Это исследование А. М. Шамсутдинова до сих пор является настольной книгой туркологов. Оно переведено на турецкий язык и издано в Турции.

В последующие годы научная проблематика, разрабатываемая А. М. Шамсутдиновым, была связана с новейшей историей Турции. Его исследования охватывали широкий круг проблем: политическую историю Турции республиканского периода, советско-турецкие отношения, актуальные проблемы современности.

По обобщающим трудам по истории Турции, автором или редактором которых был А. М. Шамсутдинов, и сейчас учатся все, изучающие историю Турции. И все, работающие в настоящее время в России, бывших республиках СССР, многих бывших социалистических странах, специалисты по истории Турции в той или иной степени являются его учениками.

А. М. Шамсутдинов не раз возглавлял советские научные делегации на многих международных конференциях, в том числе в 1950-х годах он был участником первого коллоквиума по исламу, состоявшегося в Лахоре, положившего начало возобновлению связей мусульман нашей страны с их зарубежными единоверцами.

Для своих учеников и коллег А. М. Шамсутдинов всегда был образцом порядочности, надежности, скромности. Он умел создать в коллективе спокойную рабочую обстановку, когда все работали с полной отдачей, но без надрывов и ссор. Он прекрасно чувствовал людей и их возможности. Знал все их слабости и трудности, которые неизбежно возникали в жизни. Умел незаметно вовремя помочь. Дисциплина была неформальная, но все сотрудники знали, что нельзя подвести своего руководителя. Он же всегда поддерживал своих, не пасовал перед начальством, умел защитить коллег.

В секторе проходили очень острые дискуссии — в научном коллективе без этого нельзя. Кипели страсти, и, казалось, дело идет к ссоре, разрыву. Но одной реплики Абдуллы Мардановича было достаточно, чтобы притушить пыл, прийти в себя. В его суждениях всегда был здравый смысл, который заставлял людей одуматься и остановить свою безудержную напористость.

Сектор не был союзом единомышленников в полном смысле этого слова. Во многом наши взгляды не совпадали. Но все мы, его сотрудники, были увлечены своим делом, Турцией, познанием и осмыслением тех явлений, которые в ней происходили. Мы уважали мнение друг друга, понимали, что история, как вообще жизнь, многогранна и на каждое ее проявление можно посмотреть с разных сторон. Все эти взгляды имеют право на существование. Нельзя лишь передёргивать факты и искажать действительность. Таковы были подходы А. М. Шамсутдинова к жизни и делу, которому он посвятил свою жизнь.

Сектор Турции Института востоковедения РАН продолжает существовать и пытается сохранить те традиции, которые заложил его первый руководитель. До сих пор к нам приезжают (а чаще пишут) наши бывшие аспиранты и стажеры из других, теперь самостоятельных государств. Вспоминают традиционные в секторе чаепития, общие праздники, дискуссии и обсуждения, делятся своими научными планами. Знают, что здесь они не встретят конкуренции, а лишь дружеское обсуждение, предупреждение и указание на литературу и источники, которые надо прочесть. Библиотеки сектора и личные — сотрудников всегда открыты для всех.

Мы тешим себя надеждой, что свято сохраняем традиции и дух, заложенные в нашем коллективе А. М. Шамсутдиновым. Счастливы, что работали, учились и просто жили рядом с этим замечательным человеком и большим ученым.

* * *

Сейчас, когда я привожу в своих воспоминаниях эту статью, припоминается эпизод, связанный с А. К. Сверчевской. Она была ученицей Абдуллы Мардановича ещё со среднеазиатской эвакуации. Как-то Антонина Карловна вошла в «Кабинет Гордлевского» с книгой на французском языке, полученной в издательстве для перевода (не по её научной теме, а в качестве приработка). Раскрыла её и сказала: «Трудный текст, как-то я с ним справлюсь. Вот например выражение...», — и зачитала его нам. Присутствующие не успели ещё даже вдуматься в вопрос, а Абдулла Марданович уже сказал, как переводится это выражение. И это очень характерно для него. Мне он тоже помогал, порой мимоходом и неожиданно, в толковании трудных мест в османских текстах.

Прошло более десяти лет с момента написания статьи об А. М. Шамсутдинове. Я с ещё большим теплом вспоминаю то время и полностью согласна со всем изложенным. Однако оптимизма в отношении развития туркологии, а уж тем более османистики, у меня поубавилось.

МИХАИЛ СЕРАФИМОВИЧ МЕЙЕР

Писать о Михаиле Серафимовиче, Мише, Мишеньке, как я его иногда называла, мне очень трудно. Прошло меньше года, как его не стало. Боль утраты ещё не утихла.

Как и другие эссе этой главы, эти мои записки не некролог и не исследовательская статья, а просто очень личные воспоминания и личное восприятие близкого мне человека.

Как я уже писала, летом 1954 г. был закрыт Московский институт востоковедения, а на восточном отделении истфака МГУ произошли большие сокращения. Тем не менее приём на первый курс продолжался. Правда, если в 1953 г. на Ближний Восток было принято человек 12–13 (на втором

курсе нас осталось шестеро — двое на турецком отделении и четверо на арабском), то в 1954 г. приняли всего троих. Группа была объявлена арабо-турецкой, так как предполагалось изучение двух восточных языков. Я им немного завидовала, потому что уже начала осознавать необходимость для историка-турколога хоть немного знать арабский, однако собственной расторопности для приобщения к нему ещё не хватало. Тогдашними первокурсниками стали три мальчика. Один из них стал позднее журналистом, работал в арабских странах, но как-то недолго. Его дальнейшую судьбу я не знаю¹. Вторым был испанец (кажется, из детей политэмигрантов). Говорили, что он будет специализироваться по истории Кордовского эмирата². Третьим был Миша Мейер. Очень заметный молодой человек. Рыжий, почти красный. Те, кто знал его в зрелом возрасте, даже представить этого не могут. С возрастом окраска его волос несколько поблёкла. Тогда же мы между собой называли его «красный Мейер». Вообще в его внешности было что-то кельтско-скандинавское. Для нашей полосы это довольно экзотично. Как он сам позднее со смехом рассказывал, одна его знакомая побывала в Ирландии и вот там наблюдала картину, как из автобуса выходила, как она выразилась, целая толпа «Мейеров». В молодости в нём ярко проявлялись его латвийско-прибалтийские корни. Семья его мамы во время Первой мировой войны бежала из Латвии в Петроград, потом уехала на Алтай. В Москву Нина Ивановна

1 Агарышев Анатолий Аркадьевич (1937–1988) – историк, журналист и переводчик арабской художественной литературы, член Союза писателей СССР. Автор трудов по истории Ближнего Востока в XX в. Здесь и далее – прим. ред.

2 Санчес Алкаен Альбертович (1937) – арабист-филолог, сын испанского художника и скульптора Альберто Санчеса-Переса, эмигрировавшего в СССР (1938). Работал в ИСАА на кафедре арабской филологии, позже уехал в Испанию, где стал основателем научной школы арабистики. Автор работ по арабскому языкознанию.

(так всю жизнь звали маму Миши в России) приехала уже во взрослом возрасте, работала на текстильной фабрике «Трёхгорка»¹. В конце жизни как ветеран партии имела некоторые льготы. Знаю, что квартиру, где Миша жил до последних дней своей жизни, получила именно она. О Мишином отце ничего не знаю, кроме того, что он ушёл из семьи².

В Москве при «Трёхгорке» был хороший детский клуб. Там Миша в детстве, видимо, проводил немало времени, занимаясь в разных кружках. Он хорошо танцевал. В студенческие годы очень ярко, я бы даже сказала, артистически-профессионально читал сатирические произведения В. Маяковского и других авторов. Ни один концерт студенческой художественной самодеятельности не обходился без его выступлений. Позднее, став преподавателем, выступать со сцены перестал, но со студенческим университетским театром отношения поддерживал. Очень переживал, когда этот театр выселили из хорошо оборудованного помещения на ул. Герцена (Большой Никитской).

После создания ИВЯ на третьем курсе, где учился Миша, появилась целая группа филологов-туркологов, а арабисты обособились. К тому же их курсу добавили лишний год, так что они учились в университете шесть лет. Насколько мне известно, в науке из этой филологической группы осталась лишь Мери Кочар. Остальные пошли по какой-то прикладной линии. Историком же стал, как и я, с четвёртого курса, только Миша Мейер. Вот тогда-то нас А. Ф. Миллер и объединил, о чём я уже писала. После окончания университета М. С. Мейер поступил в аспирантуру ИВЯ, а когда защитил диссертацию (1965 г.), оказалось, что преподавательско-

1 Мейерис Минна Яновна (1903–1998), в Петрограде была зарегистрирована как Нина Ивановна Мейер. Работала на текстильной фабрике Трёхгорной мануфактуры прядильщицей, также занималась партийной работой.

2 Серафим Михайлович Ерофеев (1904–1974). Работал на заводе ЗИС.

го места для него в ИВЯ нет. Там тогда работали три турколога — Н. А. Смирнов, А. Ф. Миллер и Е. Ф. Лудшувейт. Однако Миша не был настроен порывать с этим учебным заведением и преподавательской работой, а потому попробовал сменить специализацию. Тогда шло становление африканистики. Вот в этой области он и попытался найти себя. Я мало знала об этих его метаниях, хотя слышала о нескольких публикациях на темы африканистики.

В это же время африканистикой начала заниматься и Руфа, Руфина Рудольфовна Вяткина, дочь востоковеда Рудольфа Всеволодовича Вяткина, известного китаевода. После окончания истфака Педагогического института им. Н. К. Крупской она работала в ИВЯ лаборантом на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока. С Мишей они оказались в африканистике вместе и подружились не только на базе научных изысканий. Я помню, как встретила их в Большом театре, где шла опера с участием какой-то турецкой певицы (ни имени, ни названия оперы, к сожалению, я не запомнила)¹. На этом спектакле присутствовали многие туркологи. Думаю, это был первый для Миши и Руфы совместный выход «в люди». Миша тогда, немного смущаясь, познакомил меня со своей спутницей. Их брака очень хотели все на кафедре. У меня тогда в ИВ АН была своя и научная, и личная жизнь, но доброжелательные разговоры об этой паре до меня доходили, и я тоже была одной из их «болельщиц». У них действительно сложилась очень хорошая семья, в которой родился сын Максим. Личность тоже, как и его отец, яркая, где-то мы с ним соприкасались (он ровесник моей младшей дочери), но больше знаю о нём по Мишиным рассказам.

¹ В апреле 1960 г. в Большом театре выступала с гастрольями знаменитая оперная певица Лейла Генджёр (1924/1928–2008), исполнила партию Виолетты в опере Дж. Верди «Травиата».

Миша умел дружить. Знаю, что их мальчишеская школьная (школы в наше время делились на мужские и женские) компания поддерживала связи всю жизнь. Среди них было много интересных, состоявшихся в профессиональном плане людей. Миша с большим уважением рассказывал о своём однокласснике — известном враче-педиатре, выхаживавшем недоношенных детей. Его близким другом со школьных времён был Алексей Комеч — очень авторитетный искусствовед. Миша вспоминал, что после окончания школы они вместе поехали в университет подавать заявления о приёме — он на истфак, а Комеч на мехмат. Истфак располагался тогда в старом здании в центре Москвы, а на мехмат надо было ехать на Ленинские горы. Так как они жили на Красной Пресне, то территориально ближе оказался истфак, куда они и отправились вначале. Пока Мейер решал свои вопросы с приёмной комиссией, Комеч разговорился с теми, кто принимал документы на искусствоведческое отделение истфака. Ему это отделение понравилось, сам он приёмной комиссии — тоже, так как был достаточно эрудирован. К тому же за школу у него была медаль, так что вопрос о его поступлении на отделение истории искусства был решён моментально. Так неожиданно и очень быстро произошла его профессиональная переориентация. Миша рассказывал, что после этого несколько недель не мог заходить в гости к Комечу, так как его родители считали, что это Миша сагитировал их сына переменить профессиональные планы, поддерживаемые семьёй.

Рассказывал он также, что в их школьной компании позднее появилась традиция: на пятидесятилетие они в складчину дарили друг другу по велосипеду. Как шутили — чтобы не стареть.

Была у Мейеров и своя близкая компания из бывших истфаковцев, работавших позднее в ИВ АН. Это были ре-

бятя остроумные, умевшие создать весёлую обстановку, разыграть друг друга. Иногда Миша рассказывал об их хохмах и розыгрышах. Например, их шутка с Володией Москаленко на тему: «Где найти Сашу Чичерова?» (который в то время только что переехал в роскошную, по тогдашним представлениям, квартиру в районе, который также считался в то время привилегированным) — «В бедных еврейских кварталах московского юго-запада».

Буквально через год-два после Мишиной защиты кандидатской диссертации в Академии наук вышло постановление, запрещающее её сотрудникам преподавательскую деятельность. О разумности его не говорю. Всякое было в нашей жизни, порой необъяснимое с точки зрения разума. Но факт остаётся фактом. С преподавательских должностей вынуждены были уйти Н. А. Смирнов и А. Ф. Миллер. Турция в ИВЯ почти полностью оказалась в руках Михаила Серафимовича Мейера.

Он был ярким преподавателем, спокойным, понимающим, порой внешне даже излишне либеральным, но пределы этой либеральности умел поставить. Его доброжелательность способствовала тому, что у него, как мне кажется, в университетской и академической среде не было явных врагов. Конечно, были и завистники, и люди бесцеремонные, которые, как говаривала Руфина Рудольфовна, в директорский кабинет двери ногой открывали, но Михаил Серафимович всех как-то умел примирить, осадить, привести в норму. Он держал себя без ненужного панибратства, но мог по-дружески, спокойно притушить любой конфликт. Думаю, что так было и в ИСАА, хотя я его больше наблюдала в нашей академической среде. Мне он не раз помогал вовремя остановиться и не идти на конфликт, когда назревали недоразумения и очень хотелось вспыхнуть и высказаться напрямую, отстоять «правду». У него же была какая-то вну-

тренняя мудрость. При этом Миша (по крайней мере, я это всегда ощущала) сам, без каких-либо просьб, если видел необходимость, с готовностью приходил на помощь — как при обсуждении работ, так и в чисто житейских моментах.

Михаил Серафимович был очень организованным человеком. Работал спокойно, без «авралов». До того, как заняться административной работой, он, несмотря на большую преподавательскую нагрузку, всегда по четвергам приходил в Историческую библиотеку и знакомился с новинками османистики, поступавшими тогда в библиотеку регулярно. Писал обзоры новых поступлений в издания ИНИОН. Печатаł интересные статьи и в университетских изданиях, и в востоковедческих журналах, и во всех наших ИВАН-овских сборниках. Он быстрее и глубже нас всех разобрался в том потоке американских османистических изданий, который нас захлёстывал, начиная с 1970-х годов. Сумел выделить главное. Мне, например, была очень интересна его статья о «революции цен», заставившая многое уточнить в моих представлениях о процессах, происходивших в Османской империи, а также цикл работ о соотношении светской и духовной власти в османских политических структурах. В 1989 г. Миша защитил докторскую диссертацию, позднее изданную как книга «Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса».

В его послужном списке: доцент (1981), позже профессор МГУ (1992), заслуженный профессор МГУ (2003); заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока (1990–2018); директор Института стран Азии и Африки (1994–2012); почётный Президент Института стран Азии и Африки при МГУ (с 2013).

К своему карьерному росту он относился спокойно. Не рвался наверх, хотя, как любому человеку, успехи ему, конечно, были приятны. Показательно, что он никогда не

боролся за своё выдвижение в члены-корреспонденты или академики, хотя многие коллеги, как известно (порой менее достойные), это делали. Он оставался просто МЕЙЕРОМ, и авторитет его всегда был высок.

В некрологах, опубликованных после его кончины, много и справедливо пишется о его заслугах в деле организации и развития отечественного востоковедения. Выполняя эту миссию и находясь в публичном пространстве, он стремился быть дипломатичным, осторожным, мудро providческим, хотя, как оказалось, без критики остаться ему всё же не удалось, как и всем более ранним востоковедам, о которых я писала раньше.

В последние годы сближение и в то же время сложности в отношениях нашей страны с Турцией требовали откликов специалистов, в том числе и в средствах массовой информации. Михаил Серафимович довольно часто и ярко начал выступать по телевидению со своими объяснениями и оценками того, что происходит в стране наших соседей и российско-турецких отношениях. Слушать его всегда было очень интересно и нам, его коллегам, хотя вообще-то мы все, туркологи, были в это непростое время очень осторожны, так как, в отличие от профессиональных журналистов, много писавших на эту тему, лучше понимали причины современных сложностей и противоречивости в отношениях наших стран и знали те непростые традиции, которые шли из истории и осложняли эти отношения. И вот кому-то из армянских телезрителей показалось (как мне представляется, надуманно и несправедливо), что в одном из выступлений Михаила Серафимовича по телевидению в 2013 г. он недостаточно критично в турецкий адрес говорил об армянской трагедии начала XX в., «отрицая» турецкий геноцид армян. Обвинения в этом появились в «Википедии» в биографических статьях о М. С. Мейере. Честно говоря, подобные статьи

о коллегах в «Википедии» я раньше почти не читала. Разве только если нужно было уточнить дату, имя и отчество и т.п. Готовя же эту статью, я впервые ознакомилась с материалами о М. С. Мейере в Википедии и была просто потрясена тем недоброжелательством, которым они наполнены. Употребляются выражения: «горе-историк», «политическая провокация», «штрейкбрехерство», «попытка фальсификации нашей истории. Со времён тех обвинений прошло десять лет. Я о них не знала, и сам Михаил Серафимович мне об этом никогда не говорил. Думаю, что мудрый Мейер, как всегда в подобных случаях, решил, что отвечать не стоит, это лишь усугубит проблему. Хотя думаю, что переживал он сильно. Я же, после Мишиного ухода, считаю своим долгом ответить.

Как османист Михаил Серафимович хорошо знал проблему. Как человек, выросший в советское время, он не мог быть чужд интернационализму. У него, как и у всех нас, были друзья разных национальностей, в том числе и турки, и армяне. Из последних — та же, например, уже упоминавшаяся Мишина соученица Мери Кочар, ставшая позднее деканом восточного факультета Ереванского университета. Когда она приезжала в Москву, они всегда дружески встречались, о чём Миша мне рассказывал. Поэтому о современных армянских проблемах и настроениях он также знал не понаслышке. Трагедию армянского народа он понимал, и ни о каком отрицании её не может быть и речи. Другое дело, что все мы, османисты, видим опасность в возвеличивании идеи национальной обиженности. Мы считаем, что это мешает национальному развитию самого народа, и так трагически пострадавшего, и его примирению с окружающим миром.

Лично я при обсуждении подобных вопросов всегда вспоминаю такой факт. Одна моя однокурсница после окончания первого курса (это был 1954 г., и память о про-

шедшей войне была ещё свежа) поехала на родину своей мамы в белорусское Полесье. Она рассказывала, что местные девочки её расспрашивали о московской студенческой жизни и университете, в том числе и об иностранных студентах. В ответ она упомянула, что у неё в группе учатся два немца (тогда, разумеется, из ГДР). Наступило удивлённое молчание, а потом девочки ей говорят: «Мы бы не смогли учиться вместе с немцами». Представьте, что было бы, если бы эти, вполне закономерные для того времени, настроения стали официально поддерживаться в среде русских и белорусов... Так и в армянском вопросе. Армянская трагедия не отрицается, память о ней священна для армянского народа, и мы все относимся с уважением к этой памяти, но нельзя же забывать тот огромный период истории, когда армяне жили в Османской империи и вносили немалый вклад в общую османскую историю. К изучению этого мы, османисты, и призываем, в том числе и наших армянских коллег. Их собственная национальная история засияет тогда новыми красками и вольётся в общую историю, в том числе и османскую, не только ледящим душу геноцидом, но и большими национальными (я имею в виду — армянскими) достижениями периода совместного сосуществования с османами. Надо с уважением относиться к собственной истории и изучать её, а она многогранна. Забвение и вычёркивание определённых страниц обедняет историческую память и является неуважением к собственным предкам. Поэтому хотелось бы, чтобы коллеги не обвиняли друг друга, а сотрудничали. Прекрасным образцом в этом плане для меня явилась ещё одна история из взаимоотношений с коллегами-османистами. Во Львове жил и работал наш коллега Ярослав Романович Дашкевич. Сейчас, к сожалению, его уже нет в живых. Мы с ним встретились в Москве на одной из конференций. После этого я получила от него

письмо с вопросом о выходных данных какой-то интересующей его книги (Интернета ведь тогда не было, все подобные вопросы решались перепиской). Я ответила. На этом наше общение закончилось. Знакомство, как говорится, шапочное. Но я знала, что он происходил из семьи известных западноукраинских националистов. В советское время вместе с родителями отсидел несколько лет в лагерях, т.е. особого расположения к российским властям, а через них — и к русскому народу он питать не мог. В начале перестройки Я. Р. Дашкевич был на Украине очень возвеличен (и это соответствует высокому уровню его работ). К его юбилею местные и американские украинисты и туркологи издали интересный сборник. Следовательно, отношение к нему и властей, и украинской зарубежной эмиграции, и националистически настроенного западноукраинского общества было благожелательным в самом высоком смысле. И вот вскоре после распада СССР неожиданно для меня я получаю открытку (подозреваю, что не я одна, но и другие мои коллеги). В ней написано: «Светлана Филипповна, сейчас появилось много людей, которые желают нас поссорить. Давайте не будем этому поддаваться». Вот вам поступок человека, в искреннем национализме которого сомневаться невозможно. Через год-другой после получения этой открытки я оказалась в Киеве. Встретила Ярослава Романовича. Он любезно согласился прочитать мой доклад, так как я выступала на следующий день, а он в тот день уже уезжал во Львов. К нам он зашёл просто повидаться со знакомыми и полюбопытствовать, чем мы занимаемся. Мы с ним тогда очень дружески поговорили, и он сказал что-то доброе о моём предстоявшем выступлении. Вот вам настоящий националист, любящий свою родину и много пострадавший за неё и в то же время относившийся безо всякого предубеждения к людям, если даже они принад-

лежат к той национальности, к которой у его народа есть какие-то претензии. К подобному поведению я призываю и наших армянских коллег.

У меня всегда было много друзей и учеников среди армян. Я знаю (как знал и Миша), что тогдашняя трагедия затронула почти каждую армянскую семью. Та же Мери Кочар рассказывала про своего деда, который подростком, будучи единственным выжившим из семьи, бежал от грозившей ему расправы. Его подобрала русские казаки, и от них он узнал первое русское слово — «хлеб», которым его накормили. Или другая история. Наша коллега Гаяне Пингирян рассказывала о том, как их семью разметало по всему миру. После выселения, где-то в Сирии, где все жили тяжело и впроголодь, к ним в лагерь приехала некая американская миссия, которая начала отбирать детей, как она рассказывала, покрасивее, чтобы отдать на воспитание в американские семьи и приюты. Среди отобранных оказались её дядя и тётя, они потом неплохо обосновались в США и Канаде. Родители же её после многих мытарств оказались в Харькове. Она окончила там же университет и позднее, уже живя в Ереване, тепло отзывалась о восточных традициях, сохранявшихся в Харькове в её время и заложенных ещё А. П. Ковалевским.

Или, например, иной случай. В начале перестройки ко мне обратился некий преуспевающий бизнесмен армянского происхождения, который попросил прочесть ему несколько лекций об Османской империи и положении армян в ней. Это предложение было очень уважительно оформлено. Ко мне пришёл его сотрудник, чтобы договориться об удобном времени, мой слушатель сам приезжал по вечерам в наш институт, за работу мне был выплачен приличный гонорар, что было немаловажным в то время, когда в Академии наук платили буквально копейки. Потом

он прослушал цикл лекций в таком же ракурсе у наших иранистов, а позже, как я узнала, искал специалиста, занимавшегося непосредственно армянской историей. Я не знаю ни его фамилии, ни дальнейшей судьбы, но человеком он был любознательным, общение с ним было интересным и, как мне показалось, мои четыре лекции ему понравились. Так вот, он рассказывал о своей семье. Его предок (очевидно, прадед) был офицером османской армии, служил, кажется, в Измире или Бурсе, т.е. на западе Турции. Всё вроде бы было благополучно, но вдруг его сослуживцы, турецкие офицеры, предупредили его, что скоро начнутся гонения на армян. Эти турецкие друзья предложили ему помочь укрыться и перебраться через границу, чем он и воспользовался. Этому сопутствовала и романтическая история. Ему тогда приглянулась девушка из богатой армянской семьи. Он знал, что замуж за него её никогда не отдадут, но когда он объявил, что поможет всей семье перебраться за границу, настрой семьи изменился. Они все оказались в Греции, а позже каким-то образом оказались в России. Он, кстати, подчёркивал, что в его семье никогда не проявлялись какие-либо антитурецкие настроения. И эти лекции, и вся эта история — не совсем обычное происшествие, и я об этом рассказывала Михаилу Серафимовичу. А вот случай, о котором мы с Мишей узнали в семье Желтяковых, когда вместе были у них в гостях в Ленинграде. Армянская бабушка одной их питерской знакомой была очень красивой женщиной, муж её очень баловал, дарил много дорогих украшений. Все в деревне (где-то на востоке Анатолии) знали, что у неё есть шкатулка с этими украшениями. И вот однажды сосед-турок, бедняк и забулдыга, пришёл и сказал, что скоро начнутся армянские погромы и чтобы она отдала ему шкатулку на хранение, а он её спрячет. Она ему не поверила, решив, что сосед просто хочет пожить

её украшениями. Однако он пришёл с этим предложением второй, третий раз... Наконец, чтобы избавиться от его назойливости, она запустила руку в свою шкатулку и отдала ему горсть украшений: «На, прячь!» Позднее начались известные события. Семья оказалась в сирийской пустыне, в отчаянном положении. Тот сосед отыскал их и отдал ей украшения, что и помогло им сохранить жизнь и выбраться оттуда. Такие истории — с жертвами, потерями и чудесным спасением — хранятся во множестве армянских семей. Я не призываю к забвению, прощению или примирению. Это другая категория чувств. Хочу с высот своего возраста напомнить, что жизнь — очень непростая штука. И русский, и другие народы пережили многое. Я помню разорённую войной мою родную Смоленщину. Когда мы с мамой ехали в декабре 1945 г. к отцу, который тогда служил в советской военной администрации в Германии, то почти от Москвы и до западной границы видели сплошные пожарища, стояли одни чёрные закоптелые печи, домов не было. Иногда среди этой черноты виднелись неприкаянные фигурки чёрных людей в ватниках. Да и позже, когда жизнь уже вроде восстановилась, мы с папой в 1956 г. приехали на его родину — в район Катюни под Смоленском. Отец не мог найти того места, где стоял его родной дом. Всё изменилось. Там, где было поле, вырос лес, а где был лес, появились луга и т.п. Единственным ориентиром оставался Днепр, по которому он и пытался сориентироваться.

У каждого из нас своя боль, и мы все не можем не понимать боли друг друга. Поэтому не надо усложнять жизнь, выискивая «недостаточно» сочувствующих, записывать во врагов тех, кто по-доброму к вам относится. Более того, друзей надо уметь заводить и ценить их дружбу. В случае же с армянскими выпадами против Михаила Серафимовича я была поражена несправедливостью. Потому-то, очевид-

но, неоправданно много уделяю внимания этому вопросу. Сам Михаил Серафимович, повторяю, никогда мне об этих обвинениях не говорил (случись нечто подобное со мной, я бы ему поплакалась). Я же, увидев их лишь после его кончины, до сих пор не могу прийти в себя от потрясения, обиды и чувства несправедливости. Да, мы — туркологи, изучаем Османскую империю (знаю, что в некоторых армянских кругах это уже само по себе считается позорным). Пытаемся быть объективными в описании её непростой истории. Не мы виноваты в том, что происходило в этом государстве. Объём наших с Михаилом Серафимовичем знаний об армянском населении в Османской империи примерно одинаков и немал. Мы одинаково мыслили по этому вопросу. Армянскому народу всегда желали лишь самого доброго, и не стоит отталкивать от себя людей, дружески к вам расположенных. Это пожелание не только в отношении нас, российских османистов, но и в отношении всех окружающих, в том числе и жителей Турции, где тоже народ разный, и там тоже стоило бы поискать друзей.

Любопытно, что турецкие коллеги, получившие образование в США, рассказывают, как все они по приезде в американские вузы попадались на каких-то армянских провокациях. Они объясняли это так: мы приезжали в чужую страну и вначале плохо ориентировались в обстановке. Они же (местная армянская диаспора) были там свои, так что провести нас было несложно. Всё это были житейские мелочи, но они показательны. Может быть, стоит к жизни относиться посерьёзнее и строить свои с ней отношения на основе добра и взаиморасположенности, а не противостояния? Не забывайте, мы живём на одной планете, и нам всем лучше ладить друг с другом. Вспоминаю приезжавшего к нам из Турции известного издателя, армянина Парса Тугладжи. Вот человек, с которого стоило бы брать

пример (и очень интересен энциклопедический словарь, издававшийся им).

Эти же заметки о Михаиле Серафимовиче Мейере мне хочется закончить следующими словами: он был всеми уважаемым, достойным, доброжелательным человеком (возможно, этим пользовались недостойные люди, но это уже не его вина). Без лишних слов и расспросов он всегда был готов помочь. Достойно исполняя роль организатора науки, оставался при этом прежде всего исследователем, чьи работы прочно вошли в золотой фонд османистики. И не стоит приписывать ему то, что ему несвойственно. Это не красит самих «разоблачителей».

Повторю, что боль утраты ещё не утихла. Писать о Мише мне трудно и наверняка позже буду думать, что многого о нём в этом эссе я не сказала. Но пока я всё ещё живу воспоминаниями, как, бывало, встретишь его в коридоре ИВАН, и он скажет: «Светочка, а у меня для тебя есть новая книга». У него было больше возможностей для научных контактов и получения новой литературы, и он всегда щедро ею делился со своими коллегами и студентами. С ним ушла наша эпоха османистики. Научных последователей у нас, к сожалению, пока не появилось. Мы, оставшиеся, уже довольно преклонного возраста, а накопленный опыт передать некому. Потому я и решилась на эти воспоминания и изложение некоторых размышлений о развитии османистики, складывавшихся у меня на протяжении довольно длительной жизни и работы в этой отрасли науки.

ЛИТЕРАТУРА

Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: Документы и материалы / сост., пер. и коммент. А. С. Твериновой. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. // Сочинения в 9 т. Т. 9. М., 1977.

Беннингсен А. Россия XVIII в. в архивах Османской империи // Франко-русские экономические связи. Москва-Париж, 1970.

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / под ред. и введ. А. Н. Конова. М.: Наука, 1974.

Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.

Валеев Р. М. Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.). Казань, Алма-Ата, 2003.

Великая Россия: Сб. ст. по воен. и обществ. вопросам / ред.-изд. В. П. Рябушинский. М., 1910–1911.

Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. Санкт-Петербург: Имп. рус. археол. о-во, 1887.

Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. Казань: Ин. истории АН РТ, 2009.

Герцен А. И. Письмо к М. К. Рейхель // Полное собрание сочинений. Т. 26. «Письма 1856–1859 годов». М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 1–4. М.: Изд-во вост. лит., 1960–1968.

Гордлевский В. А. Избранные сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1968.

Горчаков А. М. Записка «О внешней политике России с 1856 по 1867 год». // Лопатников В. А. Горчаков. Время и служение. 4-е изд., М.: Молодая гвардия, 2015. С. 365–378.

Григорьев А. П. Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литература о нем. // Тюркологический сборник 1973. М., 1975.

Григорьев В. В. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: ист. записка. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870.

Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840.

Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1876.

Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. // Сборник государственных знаний / под редакцией В. П. Безобразова. Т. 1. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1874.

Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн. 3 и 4.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1973.

Данциг Б. М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968.

Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Том I. История. Под редакцией А. Н. Кононова. М.: «Наука» ГРВЛ, 1965.

Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. II. История, акты, библиография, энциклопедии, география, календари / под ред. А. С. Тверитиновой. М.: «Наука» ГРВЛ, 1975.

Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. Под редакцией А. С. Тверитиновой. М.: «Наука», ГРВЛ, 1980.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 14: Дневник писателя 1877, 1880, август 1881. СПб.: «Наука», 1995.

Жуков К. А. Изафети Маклуб – ученик барона Брамбеуса: В. В. Григорьев и становление отечественного востоковедения // «Христианство и русская литература»: сб. 7. СПб., 2012.

Жуковский В. А. Письма В. А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. М.: Тип. Т. Рис, 1867.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: «Наука», 1990.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения [В 6 т.]. Т. 5: [Очерки по истории русской арабистики]. Т. 5: [Русские

и зарубежные востоковеды]. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Кульпин Э. С. Путь России. Первый социально-экологический кризис. Кн. 1. М.: «Московский лицей», 1995.

Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения. 1921–1930 (К 60-летию со дня основания) // Становление советского востоковедения: сборник статей / отв. ред. А. П. Базиянц; Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1983.

Кузнецова Н. А. Из истории советского востоковедения. 1917–1967. ИВ АН СССР. М.: «Наука», 1970.

Лазарев М. С. Юбилей. // От Стамбула до Москвы: сб. статей в честь 100-летия проф. А. Ф. Миллера. М.: «Муравей», 2003.

Леонтьев К. Восток, Россия и славянство // Собрание сочинений, Т. 1. СПб.: Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, 1885.

Ли Ю. А., Орешкова С. Ф. Сектор Турции Института востоковедения РАН (к полувековой истории существования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009.

Лопатников В. А. Горчаков. Время и служение. 4-е изд. М.: «Молодая гвардия», 2015.

Лызлов А. И. Скифская история. М.: «Наука», 1990.

Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: «Наука», 1991.

Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947.

Мустафаев Ш. М. От сельджуков к османам: этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI – XV веках / Ш. М. Мустафаев. М.: ИВ РАН, МИЦАИ, 2017.

Непомнящий А. А. В. Д. Смирнов – историк Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II, 1991.

Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3.

Орешкова С. Ф. «Кризис» исторической науки и некоторые новые направления исторических исследований в современной Турции // Великий Октябрь и Турция. Тезисы и резюме докладов и сообщений научной конференции. Апрель 1977 г. Тбилиси; М., 1977.

Орешкова С. Ф. Мирза Казем-бек и российская османистика // Османский мир и османистика. М.: ИВ РАН, 2010.

Орешкова С. Ф. Немировский конгресс. От двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015.

Орешкова С. Ф. Османская империя. Очерки истории. Общий очерк истории Османской империи и статьи об особенностях развития этого имперского государства. Москва: Рубежи XXI, 2018.

Орешкова С. Ф. Османская империя и её место в мировой истории (обзор материалов конференции американских востоковедов) // Проблемы истории Турции: сб. статей. М.: «Наука», 1978.

Орешкова С. Ф. Рецензия на книгу «Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей»: сб. статей. Казань, 2009 // Восток / Oriens. 2012. № 3.

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. М.: «Акад. гуманитарных исслед.», 2006.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. М., «Наука», 1984.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: «Памятники ист. Мысли». Ч. 1. 1998. Ч. 2. 2001.

Павлов Н. Ф. Биограф-ориенталист. М.: Тип. Каткова и К°, 1857.

Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. Российская акад. наук, Ин-т вост. рукописей. СПб.: «Наука», 2012.

Поцхверия Б. М. Чёрные дни А. Ф. Миллера // От Стамбула до Москвы: сб. ст. в честь 100-летия проф. А. Ф. Миллера / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: «Муравей», 2003.

Россия, Царьград и проливы: Материалы и извлеч. /под ред. и с предисл. Р. Стрельцова. Петроград: «Прометей», 1915.

Савельев П. С. О жизни и трудах О. И. Сенковского // Сенковский О. И. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса) в 9 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

Савельев П. С. Фельетонист-ориенталист: [Полемика с Н. Ф. Павловым по поводу статьи В. В. Григорьева о Т. Н. Грановском]. М.: Тип. Александра Семёна, 1857.

Самойлович А. Памяти проф. В. Д. Смирнова // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М.; Пб.: «Всемирная литература», 1923. С. 207–209.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 (Казань: Унив. тип.).

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т. М.: «Рубежи XXI», 2005.

Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб.: Тип. В. Демакова, 1873.

Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, ценз. 1891.

Смирнов В. Д. Турецкая цивилизация. Ея школы, софта, библиотеки, книжное дело: из поездки в Константинополь, летом 1875 г. СПб., 1876.

Сопленков С. В. Восточные штудии в Москве (первая половина XIX века). М.: «Изд-во Ин-та иностр. яз.», 2000.

Чернов С. Л. Берлинский мир перед русским общественным мнением (об одной историографической ошибке) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 1.

Чичерин Б. Н. Архивные материалы о нём см.: Отдел рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации. Ф. 334, картон XX, ед. хр. 9.

Чичерин Б. Н. Воспоминания. В 2 т. / под ред. Л. Заковоротной. Т. 1. М.: «Изд. им. Собашниковых». Т. 1. 2010.

Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина / с предисл. В. И. Невского; вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. Земство и Московская Дума. М.: М. и С. Сабашниковы, 1934.

Manuscripts turcs de l'Institut des langues orientales decrits par W. D. Smirnow. — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. VIII, St.-Pbg., 1897.

Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1852.

Fodor, Pál. Ungarn und Wien in der osmanischen Eroberungsideologie (im Spiegel der Târih-i Beç krâlı, 17. Jahrhundert) // *Journal of Turkish Studies/* V.14, 1989.

Kołodziejczyk, Dariusz. Podole pod panowaniem tureckim: ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warszawa: Polczek, 1994.

Kołodziejczyk, Dariusz. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th to 18th Centuries) an Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden, 2000.

The Ottoman state and its place in world history / edited by Kemal H. Karpat. Leiden: Brill, 1974.

Soysal İ., Eren M. Türk İncelemeleri Yapan Kuruluşlar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1977.

**Османистические сборники,
изданные сектором Турции Института востоковедения**

Османская империя: Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы: сб. ст. / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М.: «Наука», 1986.

Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура: сб. ст. / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М.: «Наука», 1990.

Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией: сб. ст. / отв. ред. и авт. предисл. С. Ф. Орешкова. М.: ИВ РАН, 1996.

Османская империя: события и люди: сб. ст. к 70- летию со дня рождения Ю. А. Петросяна / отв. ред.: М. С. Мейер, С. Ф. Орешкова. М.: «Гуманитарий», 2000.

От Стамбула до Москвы: сб. ст. в честь 100-летия проф. А. Ф. Миллера / сост. М. С. Мейер, С. Ф. Орешкова. М.: «Муравей», 2003.

Turcica et Ottomanica: сб. ст. в честь 70-летия М. С. Мейера / сост. и отв. редакторы И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова. М.: «Восточная лит.», 2006.

Османский мир и османистика: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973) / сост. и отв. ред. И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова. М.: ИВ РАН, 2010.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрахамович Зигмунд 158–161
Абуладзе Цисана Александровна 27
Айзенштейн Натта Аврумовна 43
Айтматов Чингиз Торекулович 125
Акдаг, Мустафа 65
Акимушкин Олег Фёдорович 223
Аксаков Иван Сергеевич 120, 136
Алаев Леонид Борисович 36, 220
Аласания Гиули Гивиевна 28
Александр I 92
Александр II 90
Александр III 96, 120
Александреску-Дерска, Мари-Матильд 71
Александропулос Янис (Александр, Джон) 127
Алексеев Василий Михайлович 171
Алькаева Лейла Османовна 189–191
Андриевский Е.А. 212
Антонова Кока Александровна 205–206
Анчабадзе Зураб Вианорович 28
Анчабадзе Георгий Зурабович 28
Астахов Георгий Александрович 166
Ататюрк, Мустафа Кемаль 21, 89, 205

- Бабингер, Франц 61
Базен, Луи 50
Бальфур П., лорд Кинросс 64
Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович 137
Баркан, Омер Лютфи 50
Бартольд Василий Владимирович 164, 167, 209, 223
Баскаков Николай Александрович 159
Беннигсен Александр Адамович 50, 69–70, 140
Березин Илья Николаевич 211
Беркер, Джон Уолтон 59
Бертельс Евгений Эдуардович 168
Блок Александр Александрович 20
Бовин Александр Евгеньевич 185
Боджолян Мурад Тоникович 28
Бошков Ванчо 124
Брегель Юрий Энохович 218, 223
Буниятов Зия Мусаевич 28
- Валеев Рафаэль Миргасимович 117
Васильев Борис Львович 182
Васильев Дмитрий Дмитриевич 207, 223
Вахидов Сайид Абдулмананович (Вахиди Сейид Габдул-минанович) 154
Велков Аспарух Траянов 27
Весела, Зденка 71
Веселовский Алексей Николаевич 163
Веселовский Николай Иванович 136, 141
Воронцов Михаил Илларионович 92
Виану Ал. 32
Витек, Пауль 61
Витол Александр Владимирович 29
Возницын Прокофий (Прокопий) Богданович 105
Врионис, Спирос 64
Вурм, Хайдрун 71
Вяткин Рудольф Всеволодович 239
Вяткина Руфина Рудольфовна 239, 241

Гарбузова Вириная Стефановна 67
Гаркавец Александр Николаевич 223
Гаспринский Исмаил 121–122, 144, 146
Гасратян Манвел Арсенович 17, 181–182
Гафуров Бободжон Гафурович 35, 173, 217–218
Гейченко Семён Степанович 185
Геннадий Схоларий, патриарх Константинопольский 110
Герцен Александр Иванович 133–134
Герье Владимир Иванович 163
Гигинейшвили Отар Исидорович 28, 94
Голицын Василий Васильевич 107
Гордлевская Варвара Александровна 181, 191
Гордлевский Владимир Александрович 140, 145–146, 159, 163–166, 171–174, 191–192, 209, 212, 231–232
Горчаков Александр Михайлович 87, 93, 112–114, 120
Грановский Тимофей Николаевич 132–133, 137
Греков Игорь Борисович 53
Григорьев Аркадий Павлович 29, 150
Григорьев Василий Васильевич 128–138
Грозданова Елена Александровна 26
Губер Александр Андреевич 204
Гурко-Кряжин Владимир Александрович 166
Гусарова Татьяна Павловна 53
Гусейнов Рауф Алиширович 28
Гылдыран, Юсуф 84–85

Давидович Елена Абрамовна 223
Данилов Владимир Иванович 180
Данциг Борис Моисеевич 44
Дашкевич Ярослав Романович 245–246
Делюсин Лев Петрович 185
Дени, Жан 61
Джемилев Мустафа Абдулджемиль 146
Джемиль, Тахсин 127
Джикия Сергей Симонович 27–28
Дибиш-Забалканский Иван Иванович 93

- Дикая Нелли Никитична 7
Димитриадис, Василис 21
Димитров Страшимир 27
Дмитриев Николай Константинович 162
Дмитриева Людмила Васильевна 29
Дорошенко Пётр Дорофеевич, гетман 104–105
Достоевский Фёдор Михайлович 5, 87, 89, 91, 96, 112, 134, 136, 148
Дрейер Олег Константинович 169
Дулина Нинель Александровна 29
Дунаев Борис Иванович 118
Дурново Пётр Николаевич 99
- Екатерина II 92, 95, 108–109
Ершов Пётр Павлович 137
- Жданова А.А. 162
Желтяков Анатолий Дмитриевич 29, 184–186, 248
Желтякова Фрида Борисовна 185
Жуков Константин Александрович 29, 128, 133–134, 137–138
Жуковский Василий Андреевич 90, 98
- Забиров Вали Абдурахманович 154
Зайцев Илья Владимирович 23, 55, 118
Захариаду, Элизабет А. 71
Зироевич Ольга 71
Зулалян Манвел Карапетович 28
- Иванич Мария 71
Иванов Сергей Михайлович 29
Ильяс Колчак-паша 155, 157
Иналджик, Халил 20, 59, 64, 103
Ипатова Аида Семёновна 12
Ираклий II 94
Исави, Шарль 59

Йорга, Николае 48, 60, 89
Йорданов Йордан 27, 126

Казем-Бек, Мирза Мухаммед Али
(Александр Касимович) 129, 137
Карамзин Николай Михайлович 148
Карпов Юрий Дмитриевич 11
Керимов Мустафа Аббасалиевич 183–184
Кёпрюлю, Мехмед Фуад 63, 231
Кикнадзе Николай Семёнович 178–179
Кильберг Хися Израилевна 218
Киреев Николай Гаврилович 180–181
Кицикис Димитрис 64
Ковалевский Андрей Петрович 247
Козин Сергей Андреевич 171
Кологлу, Орхан 30
Колодзейчик, Дариуш Влодзимеж 157
Коль, Пол 64
Кольбер, Жан-Батист 48
Комеч Алексей Ильич 240
Кононов Андрей Николаевич 29, 218
Константин Николаевич, Великий князь 90
Константин Павлович, Великий князь 109
Копчан, Войтех 31
Корниенко Радмир Платонович 181, 183
Королук Владимир Дорофеевич 53
Кортепетер, Карл Макс 59, 103
Корш Фёдор Евгеньевич 163
Котляревский Сергей Андреевич 97
Котовский Григорий Григорьевич 176
Кочар Мери Рачиевна 238, 244, 247
Кочубей Виктор Павлович 92
Краснопевцев Лев Николаевич 10–11, 37
Крачковский Игнатий Юлианович 168, 171
Крымский Агафангел Ефимович 163–164
Кук, Майкл Аллан 64

Курат, Акдес Нимет 15, 35
Кустурица Эмир 125
Кучерявый Владимир Григорьевич 82–83
Кучум, хан 133

Лазарев Михаил Семёнович 200, 202
Ланда Роберт Грирогьевич 122–123
Лашков Фёдор Фёдорович 144
Левковский Алексей Иванович 36
Лемерсье-Келькеже, Шанталь 71
Леонтьев Константин Николаевич 91
Ли Юлия Александровна 174, 186–187, 228
Лившиц Владимир Аронович 223
Литаврин Геннадий Григорьевич 54, 66
Литвинов Максим Максимович 202
Лихачёв Дмитрий Сергеевич 37, 220–221
Лубоцкая Наталия Юлиановна 218
Лудшувейт Евгений Фёдорович 239
Луцкий Владимир Борисович 204
Лызлов Андрей Иванович 208
Льюис, Бернард 61
Любимов Константин Михайлович 67
Любимов Юрий Петрович 185

Маврокордато-Шкарлат, Александр 105
Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович 202
Макнилл, Уильям 59, 62
Максим Грек 118
Максим, патриарх Болгарский 80
Мамедов Гусамеддин Махяддин оглы 28
Мантран, Робер 50
Мао Цзэдун 16
Маркс, Карл Генрих 222
Маштакова Елена Иннокентьевна 39, 66, 158, 172, 189
Мейер Максим Михайлович 239

- Мейер Михаил Серафимович 13, 31, 47, 49, 52–53, 55–56, 80, 237–251
Мейер Нина Ивановна (Мейерис Минна Яновна) 238
Меликофф, Ирен 50, 67–68, 71
Меликсетов Арлен Ваагович 221
Меньшиков Владимир Борисович 11
Меньшиков Лев Николаевич 223
Мехмед II 109
Микоян Анастас Иванович 34
Миллер Анатолий Филиппович 13, 32, 44, 48, 52, 177, 181, 183, 194–207, 215–216, 226–227, 238–239, 241
Миллер Всеволод Фёдорович 163
Миллер Татьяна Михайловна 195, 200–201, 203–204
Миллер Соломон Михайлович 195
Милов Леонид Васильевич 116
Милюков Павел Николаевич 97
Миних Христофор Антонович (Бурхард Кристоф) 119
Моисеев Пётр Павлович 181–182, 186, 193, 227
Москаленко Владимир Николаевич 241
Мугинов Абдулладжан Мугинович 29
Муратов Сайфи Низамович 29
Мустакимов Ильяс Альфредович 24, 144
Мустафаев Шахин Меджид оглы 29
Мустафина Дина Абдулбаровна 144
Мутафчиева Вера 27, 71, 204
- Наджип Эмир Наджипович 14–16
Назым Хикмет Ран 18, 41–42, 188
Нарочницкая Наталия Алексеевна 99
Нарочницкий Алексей Леонтьевич 56
Некрасов Алексей Михайлович 139
Непомнин Олег Ефимович 221
Непомнящий Андрей Анатольевич 139–140
Николай I 93, 95
Новичев Арон Давыдович 29, 227
Ньювенхейзе ван, Кристоффель Энтони Оливье 59

Ожерельева Зина Георгиевна 51, 188
Олсон, Роберт 64
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич 108, 119
Ортайлы, Ильбер 19
Осетров Владимир Петрович (Ирандуст) 166
Осман Халиса-эфенди 153–154
Османов Магомед-Нури Османович 223
Оссон де, Игнас Мураджа 61

Павлов Николай Филиппович 134
Павлович Михаил Павлович 166–167
Памук, Орхан 89
Паскевич-Эриванский Иван Фёдорович 93
Певзнер Сергей Борисович 218
Перовский Василий Алексеевич 131
Пётр I 35, 107, 148
Петрухинцев Николай Николаевич 119
Пешковский Ю. Л. 51
Плетнёв Пётр Александрович 137
Победоносцев Константин Петрович 96
Попов Константин Алексеевич 218
Петросян Ирина Евгеньевна 29
Петросян Юрий Ашотович 29, 32, 214, 218, 223
Пингирян Гаяне Погосивна 247
Поцхверия Борис Михайлович 181, 183, 200, 204
Пушкин Александр Сергеевич 137, 169

Равич Александр 156
Раззакова Эльмира Исхаковна 223
Радлов Василий Васильевич 167, 209
Рафиков Ахмет Халилович 194
Рерих (Рёрих) Юрий Николаевич 175
Розалиев Юрий Николаевич 198
Розен Виктор Романович 138
Рыкова Светлана Львовна 7
Рябушинский Владимир Павлович 97

- Савельев Павел Степанович 133, 135, 137
Салимзянова Фаузия Абдулвалеевна 39–40, 191–192, 218
Самойлович Александр Николаевич 139, 166, 212
Саркисян Гагик Хоренович 31
Сванидзе Михаил Харитонович 28
Сверчевская Антонина Карловна 186–188, 236
Сверчевский Кароль (Карл Карлович) 187
Сейранян Баграт Гарегинovich 122
Семёнова Лидия Егоровна 34, 53
Сенковский Осип Иванович (Юзеф Юлиан) 129–130, 137
Сказкин Сергей Данилович 34
Смилянская Ирина Михайловна 49, 207
Смирнов Василий Дмитриевич 39, 138–147, 150, 164, 209–210, 214
Смирнов Иван Иванович 118
Смирнов Николай Александрович 14, 32, 48, 168, 204, 206, 239, 241
Смоктуновский Иннокентий Михайлович 9
Сойсал, Исмаил 46
Соколлу Мехмед 111
Солнцев Вадим Михайлович 7, 77
Соловьёв Сергей Михайлович 92
Сталин Иосиф Виссарионович 8, 99, 220
Старченков Геннадий Иванович 179–180
Стеблева Ия Васильевна 218
Стрельцов Роман Ефимович 98
Струве Василий Васильевич 171
Султанов Турсун Икрамович 29
Сыркин Александр Яковлевич 218
- Тарковский Андрей Арсеньевич 125
Тверитинова Анна Степановна 26, 31, 36–40, 42–44, 52, 67, 160, 199, 207–226
Тевфик Фикрет 20
Титце, Андреас 51–52
Товстоногов Георгий Александрович 9

Тоган, Ахмед Зеки Валиди 122
Тодоров Николай 27, 46
Тойнби, Арнольд Джозеф 58
Трифонов Юрий Валентнович 185
Тугладжи, Парс (Тугладжян Барсег) 250–251
Турок-Попов (Попов) Владимир Михайлович 205–206
Тютчев Фёдор Иванович 126

Убичини Жан Анри Абдолоним 61
Ульченко Наталия Юрьевна 98, 193
Ульяновский Ростислав Александрович 36
Умняков Иван Иванович 223
Уразова Елена Измаиловна 73
Уркварт, Джон Лесли 61
Утургаури Светлана Николаевна 178, 188

Фалина Аврора Ивановна 218
Фарзалиев Акиф Мамед-оглы 29
Фароки, Сурайя Н. 71
Фёдор Алексеевич, царь 108
Франс, Анатолий 49
Фекете, Лайош 25
Финкель, Кэролайн 64, 71
Флоря Борис Николаевич 53–54, 118
Френ Христиан Данилович 129

Хаков, Джингиз 83
Хаммер-Пургшталь фон, Йозеф 48, 60, 209
Хван Иннокентий Иванович 218
Хесс, Эндрю 59
Хмелевская Ольга Павловна 231
Хмельницкий Богдан, гетман 133
Хрущёв Никита Сергеевич 9–10
Хурани, Альберт 59, 65
Хурмузаки де, Евдоксий 49
Хюсейн Хезарфен 71, 192

Цветкова Бистра Андреева 27, 71

Цинкайзен, Иоганн Вильгельм 48, 60

Чакрян Акоп Арутюнович 28

Чаталджалы Али-эфенди, шейхульислам 105

Чемберс, Ричард 59

Черман Тимофей Павлович 187, 194–195

Чичерин Борис Николаевич 90, 96, 98, 120–121

Чичеров Александр Иванович 241

Шамиль, имам 201

Шамсутдинов Абдулла Марданович 33, 35, 173, 180, 226–236

Шапшал Серайя Маркович 159

Шастина Нина Павловна 40, 218

Шеремет Виталий Иванович 29, 100

Шенгелия Нодар Нестерович 26–28

Шоу, Эзэль Курал 64

Шоу, Стэнфорд Джей 59, 63–64, 71

Шмальгаузен Иван Иванович 202

Эвлия Челеби 103

Энгельгардт Эдуард 61

Энгельс Фридрих 222

Эрен, Михин 46

Эренбург Илья Григорьевич 8

Ян III Собеский 107

Научно-популярное издание

Орешкова Светлана Филипповна

**Османистика. Личный опыт и некоторые размышления
о развитии этой отрасли востоковедной науки**

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института востоковедения РАН*

Литературный редактор *Т. Е. Михайлова-Могильницкая*
Редактор *М. С. Грикурова*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *Н.Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):

58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 25.11.2023 г. Формат 60х90/16

Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33